

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность
История

Журнал филологических
и историко-культурных
исследований

№ 4 2022

Санкт-Петербург

*Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год*

Редакционная коллегия:

Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,
Ю. К. Руденко, И. Тирет

*Главный редактор: С. А. Семячко
Зам. главного редактора: Д. О. Цыпкин*

Адрес редакции:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Сайт: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2022
© Журнал «Словесность и история», составление, 2022
© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2022

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

ⁱ Slovesnost'
Istoriia

Journal of Philological,
Historical and Cultural
Studies

Texts and History

No. 4 2022

Saint Petersburg

*Published four times per year
since June 2020*

Editorial Board:

T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

*Editor in Chief: S. A. Semiachko
Deputy Editor in Chief: D. O. Tsyppin*

Editorial office:

4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: <http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/>
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

- © 2022 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
- © 2022 Journal "Texts and History" (compilation)
- © 2022 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

СОДЕРЖАНИЕ

И. В. Федорова. Русская Палестина в альбоме архимандрита Леонида (Сенцова) и в описаниях паломников позднего времени	7
М. В. Рождественская. О некоторых аспектах изучения «райско-палестинского» текста в древнерусской литературе	41
В. А. Лукина, В. И. Симанков. «Молитва об Ольге Прекрасной» в пушкинском «Современнике» (к вопросу об авторстве)	52
В. Е. Ветловская. Прототипы героев Достоевского: пристав следственных дел Порфирий Петрович и не только	68
В. Н. Быстров. «Заместитель Бога на Русской земле». «Три серпа» А. М. Ремизова: история создания и публикации, своеобразие замысла	103
О. Л. Фетисенко. Павел Сухотин и его неизвестные «Поминки» по Александру Блоку	116
Ю. С. Ромайкина. Сотрудничество Л. Н. Андреева в сборниках «Земля»	128
Ю. М. Валиева. Андреевы в петербургской гимназии им. Л. Д. Лентовской (новые материалы)	140
Л. В. Соколова. Наталья Сергеевна Демкова — исследователь «Слова о полку Игореве»	157
Список сокращений	176
Наши авторы	177

CONTENTS

Irina V. Fedorova. "Russian Palestine" in the Album of Archimandrite Leonid (Sentsov) and in Later Pilgrim Descriptions	7
Milena V. Rozhdestvenskaya. Some Features of the "Paradise–Palestinian Text" in Medieval Russian Literature	41
Valentina A. Lukina, Vitaliy I. Simankov. "A Prayer for Olga the Beautiful": an Inquiry into the authorship of an Anonymous Poem in Pushkin's Journal <i>Sovremennik</i> (1836)	52
Valentina E. Vetlovskaya. The Prototypes of Dostoevsky's Characters: Porfiry Petrovich, the Head of the Investigation Department, and some others	68
Vyacheslav N. Bystrov. "Saint Nicholas the Wonderworker — God's Deputy in the Russian Land". the Originality of the Conceptualization of Alexey Remizov's <i>Three Sickles</i> and the History of the Creation and Publication of this Cycle of Legends	103
Olga L. Fetisenko. Pavel Sukhotin and his Unknown "Commemoration" of Alexander Block	116
Yulia S. Romaykina. Collaboration of Leonid Andreyev with the Literary Almanac <i>Zemlya</i>	128
Yulia M. Valieva. The Young Andreyevs at Lentovskaya Gymnasium in St. Petersburg (New Materials)	140
Lidia V. Sokolova. Natalia Sergeevna Demkova as a Researcher of <i>The Tale of Igor's Campaign</i>	157
List of Abbreviations	176
Our Authors	178

И. В. Федорова

РУССКАЯ ПАЛЕСТИНА В АЛЬБОМЕ АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА (СЕНЦОВА) И В ОПИСАНИЯХ ПАЛОМНИКОВ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ¹

Резюме

Русской Палестиной в науке называют земельные владения и недвижимость на Ближнем Востоке, приобретать которые Российская империя начала во второй половине XIX в. Значительная роль в этом принадлежала Русской Духовной миссии в Иерусалиме (далее — Миссия). В статье рассмотрен альбом фотографий «Русская Духовная Миссия», хранящийся в собрании Отдела эстампов РНБ, составленный начальником Миссии архим. Леонидом (Сенцовым) для секретаря Палестинского общества А. А. Дмитриевского, посетившего Палестину в 1910 г. Альбом представляет собой своеобразную «летопись» деятельности Миссии в Палестине, а также самого архим. Леонида (Сенцова). В статье проаннотированы фотографии, изображенные на них постройки соотнесены с историей их возведения, как она реконструирована специалистами по документам и описана паломниками последней трети XIX — начала XX в., в том числе и в очерках А. А. Дмитриевского, опубликованных в 1911–1916 гг. Привлечение к исследованию корпуса паломнических записок позднего времени показало, что описание Русской Палестины становится специфической чертой их содержания и расширяет паломнический текст такими понятиями, как «русские постройки» и «русский городок» в Иерусалиме, «русская Гефсимания», «русский Елеон». По этой причине паломническую литературу периода можно рассматривать еще и как «народную летопись» Русской Палестины.

Ключевые слова: Русская Палестина, Русская Духовная миссия в Иерусалиме, Православное Палестинское общество, богомольцы, паломническая литература, архим. Леонид (Сенцов), А. А. Дмитриевский, фотография

---

¹ Работа выполнена в соответствии с госзаданием ИРЛИ РАН в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» в 2022 г.

“RUSSIAN PALESTINE” IN THE ALBUM OF ARCHIMANDRITE LEONID (SENTSOV) AND IN LATER PILGRIM DESCRIPTIONS

Abstract

This article deals with the photos in the album “Russian Ecclesiastical Mission” in the collection of the Department of Prints of the National Library of Russia. The album was compiled by Archimandrite Leonid (Sentsov), one of the last heads of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, for the secretary of the Palestinian Society A. A. Dmitrievsky, who visited Palestine in 1910. The album is a kind of chronicle of the activities of the Russian Ecclesiastical Mission in Palestine and of the activities of Archimandrite Leonid. The article provides annotations to the photographs. The buildings in the photographs are supplemented with information about the history of their construction, which was derived from documents by specialists and reported by pilgrims who travelled to Palestine in the last third of the 19th — early 20th century, including A. A. Dmitrievsky, who published his essays in 1911–1916. The inclusion of the corpus of late pilgrimage notes in this study shows that the description of “Russian Palestine” was a specific feature of their content and complemented the pilgrimage text with such concepts as “Russian buildings” and “Russian town” in Jerusalem, “Russian Gethsemane” and “Russian Mount of Olives”. For this reason, the pilgrimage literature of this period can also be considered as a “folk chronicle” of Russian Palestine.

Keywords: Russian Palestine, Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, Orthodox Palestinian Society, pilgrims, pilgrimage literature, Archimandrite Leonid (Sentsov), A. A. Dmitrievsky, photography

DOI 10.31860/2712-7591-2022-7-40

Фотографическая деятельность Русской Духовной миссии в Иерусалиме² и Императорского Православного Палестинского общества³ в последнее время все больше привлекает внимание специалистов как один из источников изучения русского присутствия на Святой земле⁴. В Отделе эстампов РНБ хранится альбом фотографий под названием «Русская Духовная Миссия»⁵, который еще не становился предметом специального исследования, хотя представляет интерес и для истории деятельности Миссии, и как факт

² Далее — Миссия или РДМ.

³ Далее — Палестинское общество или ИППО.

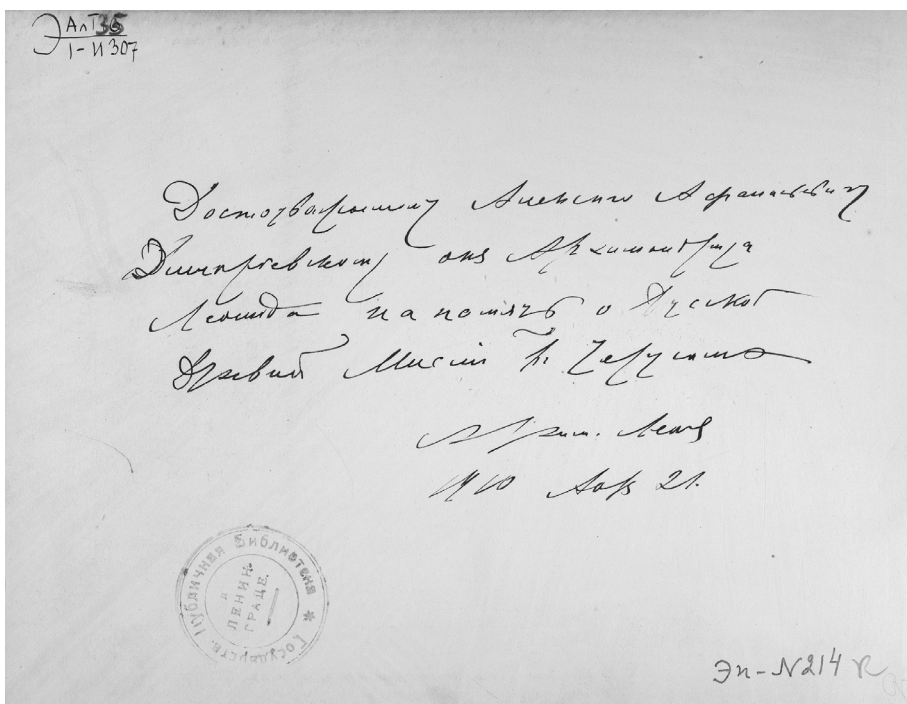
⁴ Подробнее см.: [Строительство церкви Св. Марии Магдалины, с. 7–8; Коллекция фотографий, с. 19].

⁵ Сердечно благодарю сотрудницу Отдела эстампов РНБ А. В. Ярцеву за помощь в работе с материалами фонда и альбомом.

ее взаимодействия с Палестинским обществом, и для понимания феномена «Русская Палестина». Охарактеризуем его подробнее.

Альбом черно-белых снимков под шифром РНБ. ЭАЛТ-35/1-И307 представляет собою переплетенные 35 картонных паспарту формата 23 × 17,5 см с наклеенными на них 33 фотографиями размером 16,5 × 11,5 см. Дарственная надпись, помещенная на обороте верхней крышки переплета, гласит: «Достоуважаемому Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому от архимандрита Леонида на память о Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Архим. Леонид. 1910. Авг. 21».

Ил. 1. Альбом «Русская Духовная Миссия» (оборот верхней крышки переплета)

Таким образом, альбом был преподнесен начальником РДМ архим. Леонидом (Сенцовым) (1903–1914 г.) секретарю Палестинского общества А. А. Дмитриевскому, посетившему Иерусалим в 1910 г. для ревизии деятельности подворий Палестинского общества⁶.

О подарочном характере альбома свидетельствует и его переплет, в оформлении которого использованы разные способы декорирования,

⁶ Подробнее о поездке А. А. Дмитриевского см.: [Грушевой, с. 182–183].

несмотря на его минималистический характер. Основой переплета служит толстый картон, обтянутый дерматином вишневого цвета, корешок — черный кожаный с золотым тиснением «Иерусалимъ». Внизу корешка оттиск золотом штампа, орнаментированного травным мотивом. На верхней крышке наклеен орнаментированный «средник» — прямоугольник из кожи черного цвета, на котором вытиснено название — «Рус[ская] Духовная Миссия». На титульном листе, покрытом шелком, в фигурной рамке еще раз читается название альбома — «Рус[ская] Дух[овная] Миссия. Иерусалимъ». Фотографии подписаны архим. Леонидом (Сенцовым), бóльшая часть подписей помещена под снимками, в нескольких случаях — на обороте листа⁷. Не вызывает сомнений, что идея альбома и его оформления, подбор фотографий и их композиция также принадлежат начальнику Миссии⁸. Из отчета А. А. Дмитриевского в Палестинское общество о поездке и из его писем известно, что во время пребывания в Иерусалиме он тесно общался с архим. Леонидом. Однако когда и при каких обстоятельствах ему был преподнесен альбом «Русская Духовная Миссия», пока установить не удалось⁹. Напомним, что традиция формирования подносных фотоальбомов с видами Русской Палестины была заложена одним из предшественников архим. Леонида (Сенцова) на должности начальника Миссии — архим. Антонином (Капустиным) (1869—1894 г.), которым для великих князей, посетивших Иерусалим в 1888 г., было подготовлено пять альбомов, составленных из снимков штатного фотографа Миссии о. Тимона, посвященных постройке церкви св. Марии Магдалины¹⁰.

На фотографиях альбома архим. Леонида (Сенцова) запечатлена Русская Палестина, как она оформилась к 1910 г. — времени составления альбома. Для наглядности перечислим их, приводя авторские подписи.

Л. 1. «Св. Троицкий собор».

Л. 2. «Здание Русской Духовной Миссии».

Л. 3. «Внутренность Св. Троицкого собора».

Л. 4. «Внутренность храма св. царицы Александры».

Л. 5. «Крестный ход вокруг собора».

⁷ Нумерация листов альбома и фотографий отсутствует, поэтому используем нашу нумерацию по валовому принципу.

⁸ Учитывая это, далее называем его альбомом архим. Леонида (Сенцова).

⁹ Сам факт дарения не вызывает сомнения. На хранение в Отдел эстампов фотоальбом поступил в 1930 г., вслед за библиотекой А. А. Дмитриевского, переданной в 1929 г., о чем свидетельствуют учетные документы (Отдел архивных документов РНБ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 415. Л. 9 об. № 5759).

¹⁰ Один из них, в настоящее время хранящийся в Отделе эстампов РНБ, исследован и опубликован. См.: [Строительство церкви Св. Марии Магдалины, с. 8].

- Л. 6. «Горненская Русская женская община».
- Л. 7. «Русский участок в Гефсимании».
- Л. 8. «Храм во имя св. Марии Магдалины».
- Л. 9. «Икона Верещагина во храме св. Марии Магдалины».
- Л. 10. «Гробница пророков».
- Л. 11. «Гробница пророков».
- Л. 12. «Миссийский участок в Силоаме».
- Л. 13. «Силоам (2-й Миссийский участок)».
- Л. 14. «Елеонская Русская церковь».
- Л. 15. «Елеонская Русская женская община».
- Л. 16. «Музей на Елеонской горе».
- Л. 17. «Домик в Вифании на Миссийском участке».
- Л. 18. «Пещера царя Иосии».
- Л. 19. «Странноприимный дом в Иерихоне».
- Л. 20. «Миссийский сад в Иерихоне».
- Л. 21. «Пещера царя Иосии».
- Л. 22. «Бет-Захар».
- Л. 23. «Странноприимный дом у дуба Мамврийского».
- Л. 24. «Новостроящийся храм у дуба Мамврийского».
- Л. 25. «Крестный ход у дуба Мамврийского».
- Л. 26. «Яффский сад Миссийский».
- Л. 27. «Яффский сад».
- Л. 28. «Русский храм в Яффе».
- Л. 29. «Пещера св. праведной Тавифы в Миссийском Яффском саду».
- Л. 30. «Св. изображение в Яффском храме».
- Л. 31. «Тивериада».
- Л. 32. «Магдала».
- Л. 33. «Миссийский участок на горе Кармил».

Пять фотографий, открывающих альбом архим. Леонида, могут быть рассмотрены как своего рода цикл, объединивший изображения первых построек, осуществленных РДМ на Святой земле. Так, собор Святой Троицы — главный храм Миссии, заложенный в 1860 г. (фотография «Св. Троицкий собор», л. 1; см. ил. 2), в 1896 г. он был поновлен (фотография «Внутренность Св. Троицкого собора», л. 3).

Строительство здания Миссии с домовым храмом св. мц. царицы Александры проходило параллельно с работами по возведению Троицкого собора (фотографии «Здание Русской Духовной Миссии» и «Внутренность храма св. царицы Александры», л. 2, 4). В 1914 г. архим. Леонид, подводя итоги десятилетней работы, одной из своих заслуг как начальника Миссии

Ил. 2. «Св. Троицкий собор» (л. 1)

назвал проведение ремонта в здании Миссии и роспись церкви св. царицы Александры [Леонид (Сенцов), с. 308].

По локальному расположению зданий с западной стороны от Дамаских ворот вблизи от стен Иерусалима паломники называли их «русскими постройками»¹¹, а к началу XX в., когда на территории появились и другие строения, возведенные Миссией и Палестинским обществом (гостиница, больница, торговая лавка, подворья для паломников), — еще и «русским городком». Один из паломников, священник С. А. Пудовкин, так описал постройки, запечатленные на фотографиях альбома архим. Леонида: «Почти в центре участка, занимаемого постройками, находится красивый и просторный храм во имя Св. Троицы, украшенный снаружи пятью куполами, а внутри весь расписанный священными изображениями. Близ собора на площади находится приличный сад с беседкою, огороженный железною решеткою и очень чисто содержимый Палестинским обществом {...} На юго-востоке в нескольких саженях от храма находится Русская Духовная миссия. Это громадное двухэтажное четырехугольное здание, расположенное внутри крестообразно с четырьмя садиками. В нижнем этаже церковь во имя мученицы царицы Александры. В миссии живет ее начальник архиман-

¹¹ См., например: [Алейникова, с. 68; Аршуков, с. 23–24; Маркиан (Попов), с. 42].

дрит, 5 иеромонахов, 3 иеродиакона и несколько послушников...» [Пудовкин, с. 35]. Если священник Пудовкин, посетив Иерусалим в 1902–1903 гг., видел уже оформившийся «русский городок», то по описаниям паломников второй половины XIX в. можно представить процесс строительства. О нем известно по сохранившимся архивным документам, но рассказы об этом богомольцев интересны как живые свидетельства современников: «Русская постройка находится при входе в Иерусалим с северной стороны и отстоит от него на полверсты, с церковью внутри, которая не была еще окончена. В корпусе три готовые помещения для зрителя и мастеровых, — где печей русских нет, кроме пекарни хлебной, а на согревание воды и прочего имеются жаровни, или особые места и печуры, для угля и онога жара» [Вертоградов, с. 20].

К началу XX в. русские постройки стали частью топографии Иерусалима и содержания паломнических записок, так как многие богомольцы проживали в устроенных для них странноприимных домах¹², принимали участие в литургической жизни, посещая храм Святой Троицы. Вот как об этом отозвался в своем дневнике Н. Д. Пузанов (богомолье 1895–1896 гг.): «Русские постройки находятся у стен Иерусалима и представляют маленький чисто русский городок. Вся эта местность занимает с версту в окружности и обнесена каменной стеной, имеющей четверо ворот. Здесь же находится прекрасная русская больница... За обеднею был в храме Св. Троицы в Русской Духовной Миссии, которая находится рядом с русскими постройками. Храм очень хорош и поместителен, поют певчие. Здесь, в Духовной Миссии, пребывают 1 архимандрит, 8 иеромонахов, 3 иеродиакона и 7 человек певчих. Служба ежедневная: обедня, вечерня и всенощная...» [Пузанов, с. 25–26]. А паломник Е. Тарасов свидетельствовал, что название «русские постройки» для местности, расположенной за городской стеной, стало обиходным не только для богомольцев из России, но и для жителей Иерусалима: «Сюда, в „русские постройки“, как их зовут в городе, являются многочисленные паломники в сопровождении кавасов, для них уже готово помещение и даже угощение» [Тарасов, с. 27]. Сам «русский городок» в его записках представлен как часть далекой родины, появившийся благодаря активной деятельности Миссии и ИППО по освоению местных земель и сооружению на них построек. Его рассказ — своеобразный «обзор» деятельности этих

¹² Сведения о русском подворье в Иерусалиме и расценки в нем для паломников приводятся в описаниях некоторых богомольцев: [Свецкий, с. 20, 47; Кусмарцев, с. 77–78]. В воспоминаниях ряда паломников о поклонении святым местам Палестины в это время появляются даже специальные главы, посвященные «русским постройкам» и деятельности на Святой земле РДМ и Палестинского общества. Например: [Недоумов, с. 96–98].

организаций на Святой земле: «Русские постройки возведены Палестинским обществом за последние 20 лет и представляют как будто отдельный городок. Он окружен стеною и железными воротами, занимает около десяти десятин земли на северо-западном конце города, и на этой площади помещаются: больница, духовная миссия, собор Св. Троицы, генеральное консульство, несколько корпусов гостиниц для поклонников и разные другие хозяйственные постройки. Перед больницею, духовной миссией, собором и главной больницей тянется большая площадь, кажется, единственная во всем Иерусалиме... В русских постройках постоянных жителей мало: это все служащие Палестинского общества, духовной миссии и консульства. Все здесь русское: и начальство, и прислуга, и доктор, и духовенство» [Тарасов, с. 27–28].

Обратим внимание и на обозначение некоторыми паломниками русских построек у Иерусалима еще и «Палестиной» [Алейникова, с. 69]. Стремление наших богомольцев давать свои названия святым местам отметил и пытался объяснить духовный писатель И. П. Ювачев, посетивший Иерусалим в 1900 г.: «У русских паломников выработались свои названия святых мест. Так, мусульманскую мечеть Омара (Эс-Сахра) они называют „Святая Святых“, гробницу Божией Матери — „Гефсиманией“, а русские постройки (...) сокращенно окрестили „Палестиной“. О применении этого названия к целой стране простой народ, кажется, не имеет понятия. Благодаря своим стенам, наша русская „Палестина“ совершенно обособлена в отдельный городок на пространстве приблизительно десяти десятин. Здесь чувствуешь себя как дома: русский храм, русский говор, русские лица» [Ювачев, с. 219]¹³.

Другой тип паломнической литературы — «научный»¹⁴, совместивший в себе документально-фактографический подход исследователя с эмоциональным откликом паломника, — представляют очерки А. А. Дмитриевского, появившиеся после его возвращения из командировки в Иерусалим¹⁵. На их страницах запечатлена современная автору Русская Палестина, какой она предстает и на фотографиях альбома архим. Леонида (Сенцова).

¹³ Заметим, что такие свидетельства паломников разных сословий могут быть актуальны как для осознания феномена Русской Палестины конца XIX — начала XX в., так и при описании концепта «Русская Палестина».

¹⁴ Напомним, что это труды ученых паломников, таких как А. Н. Муравьев, А. С. Норов, архим. Парфений и другие авторы, в числе которых и работы А. А. Дмитриевского. Однако комплексного исследования таких произведений как особой линии развития отечественной паломнической литературы пока еще не предпринималось.

¹⁵ Это очерки «Праздник Вознесения Господня на Елеонской горе» (1911), «Праздник Святой Троицы на Сионской горе и у дуба Мамврийского в Хевроне» (1911; переизд. 1913), «Горненская русская женская община во граде Иудове (близ Иерусалима)» (1916).

История построения Троицкого собора описана А. А. Дмитриевским в очерке «Праздник Св. Троицы на Сионской горе и у дуба Мамврийского в Хевроне» и рассказывает о традиции празднования дня Святой Троицы в Иерусалиме на русских постройках и Троицком караване к дубу Мамврийскому, собиравшемся в честь храмового праздника — освящения собора, состоявшегося 28 октября 1872 г. [Дмитриевский 1913b, с. 17–18]. В этот день по завершении богослужения вокруг храма совершался торжественный крестный ход, представление о котором можно составить по фотографии «*Крестный ход вокруг собора*» (л. 5). Как напоминал Дмитриевский, собор был заложен Александром II, главными строителями были академик М. И. Эппингер и его помощники — архитекторы В. А. Дорогулин и М. Ф. Грановский. «Созидался он по типу афонских храмов на средства, пожертвованные всем православным русским народом» [Дмитриевский 1913b, с. 17]. Еще одним источником для комментария к фотографиям из альбома архим. Леонида может служить отчет А. А. Дмитриевского, составленный им по результатам поездки в Палестину в 1910 г.¹⁶

Согласно этому документу, в храм св. царицы Александры, изображенный на л. 4 альбома архим. Леонида, приводили паломников, приехавших в Иерусалим. Здесь они выслушивали молебен, ужинали в столовой и размещались по подворьям [Грушевой, с. 273–274]. Кажется символическим то, что богомолье в Иерусалим начиналось у русских паломников именно с него — первого русского храма, возведенного на Святой земле [Там же, с. 274, примеч. 75].

Одним из памятных мест в паломническом маршруте по Палестине была Горняя. Место связано с упоминанием в Евангелии Горнего града Иудова (Лк. 1: 39), куда пришла Дева Мария навестить свою родственницу (по некоторым сведениям, двоюродную сестру) прав. Елисавету. В 1871 г. в селении Айн-Керим архим. Антонином (Капустиным) был приобретен участок, на котором его трудами было начато строительство Горненского монастыря [Смирнова, Бутова, с. 530]¹⁷.

¹⁶ Подробнее об этом см.: [Грушевой, с. 183–187]. А. Г. Грушевой, учитывая особенности документов, сохранившихся от поездки А. А. Дмитриевского в Палестину в 1910 г., предположил, что ученый планировал «подготовить книгу путевых впечатлений по материалам, связанным с его пребыванием на Ближнем Востоке в первые месяцы 1910 г.» [Грушевой, с. 187]. Частично его путевые впечатления отразились в названных выше очерках [Там же, с. 187, примеч. 96]. Со своей стороны обратим внимание на текстуальные совпадения очерков А. А. Дмитриевского с его отчетом и письмами, хранящимися в его архиве (РНБ. Ф. 253 (Дмитриевский А. А.). Д. 31–33), что позволяет поставить вопрос об истории создания очерков и их зависимости от этих документов.

¹⁷ История приобретения и освоения участка подробно описана, например: [Лисовой 2006b, с. 122–123].

При архим. Антонине (Капустине) была организована и Русская женская община, оформление которой состоялось при следующем начальнике Миссии, архим. Рафаиле (Трухине) [Никодим, архим., с. 51–52; Лисовой 2006b, с. 122–123]. Продолжателем трудов архим. Антонина (Капустина) по благоустройству обители специалисты считают архим. Леонида (Сенцова), при котором увеличилось количество монашествующих, были возведены новые домики-келии для проживания сестер обители, построена новая гостиница для паломников, возведены хозяйственные постройки (коровник, маслобойня, пчельник, цистерны для воды и др.). Обобщая свою деятельность в этом месте, архим. Леонид подчеркивал, что зданий было выстроено «втрое больше, чем прежде, заложен большой храм» [Леонид (Сенцов), с. 306]. Об этом, очевидно, должна была напомнить и фотография из его альбома «*Горненская Русская женская община*» (л. 6).

Внимание русских паломников, посещавших Горнюю, также привлекали домики-келии русских отшельниц, поэтому в паломническом тексте конца XIX — начала XX в. они становятся узнаваемой деталью для характеристики этой местности. Их описания дополняют подробностями фотографии альбома. Вот какой увидел Горнюю в 1892 г. архимандрит Никандровой пустыни Мефодий: «...вся северная сторона горы усеяна белокаменными домиками — келлиями, словно гнездами ласточек. Окруженные виноградниками, оливками, кипарисами и садиками, возделываемыми трудолюбивыми и терпеливыми подвижницами, эти домики, составляющие пожизненную собственность их устроительниц, русских отшельниц, имеют дождевые цистерны для воды; плоды этих садиков — единственное пропитание честных тружениц. У домиков стоит недавно воздвигнутая о. Антонином русская церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, а на самой вершине горы — высокая каменная башня, предназначенная для колокольни» [Мефодий, с. 26]¹⁸. Интересна заметка о Горней священника А. Коровицкого, который отметил не только важность места для евангельской истории, но и его благоприятные климатические и ландшафтные условия для устройства обители: «По своему восхитительному местоположению, прекрасному климату, не знающее городского крику и шуму, богатое воспоминаниями из евангельской истории, оно невольно так располагает и привлекает к себе, что русские богомолки, приходящие сюда, здесь и остаются на жительство. О. Антонин отводит каждой из них по желанию небольшой участок земли, на котором они строят очень милые домики, заводят вокруг них садики и цветники,

¹⁸ Описание этой части Русской Палестины см. и у других паломников, например: [Пудовкин, с. 79].

завещающая все это после смерти миссии. Их теперь наберется до 50 человек; это нечто вроде русского женского скита; все, живущие здесь, и одеваются по-монашески... Как было бы хорошо образовать здесь настоящий женский монастырь...» [Дневник паломника, с. 183].

Н. Д. Пузанов, посетивший Горнюю в 1895 г., свидетельствовал уже о том, что в монастыре живет «до 80 монахинь — все русские, каждая монахиня имеет свою келью... Церковь небольшая, но весьма красивая. Священник здесь из России. Он служил для нас молебен, а 6 монахинь прекрасно пели. При подошве и до половины горы вверх раскинуты кельи монахинь, около каждой кельи — палисадник с фруктовыми деревьями и цветниками. Ограда низенькая. Есть странноприимный дом и русская лавка» [Пузанов, с. 73].

Фотографии 7–11 передают впечатление о Гефсиманском участке, принадлежавшем Миссии с 1882 г. В 1886 г. недалеко от гробницы Богородицы на склоне Елеонской горы был возведен храм св. Марии Магдалины, освященный в 1888 г.¹⁹ Иконы для иконостаса были написаны известным живописцем В. П. Верещагиным (1835–1909). Гробница пророков, запечатленная на фотографиях и представляющая собою древнее захоронение, находившееся на западном склоне Елеонской горы в Иерусалиме, приобретена архим. Антонином (Капустиным) в 1882 г. [Лисовой 2006а, с. 437]. Фотографии, собранные в альбоме архим. Леонида (Сенцова), отражают эти события из истории Русской Палестины, что прочитывается в подписях к ним: «Русский участок в Гефсимании» (л. 7); «Храм во имя св. Марии Магдалины» (л. 8); «Икона Верещагина во храме св. Марии Магдалины» (л. 9); «Гробница пророков» (л. 10, общий вид); «Гробница пророков» (л. 11, внутреннее пространство).

Сообщения о посещении церкви св. Марии Магдалины оставили многие паломники конца XIX — начала XX в., что свидетельствует о том, что в это время храм стал не только памятным местом в маршруте русских богомольцев по Святой земле, но и, как следствие, «общим местом» для их описаний, в которых с разной степенью подробности сообщается об истории его создания, архитектуре и богослужении. Это определено значением церкви для Русской Палестины, возведенной на средства императорской семьи в память об императрице Марии Александровне²⁰: «Храм великолепный, как снаружи, так точно и внутри, иконостас черного мрамора с белыми кай-

¹⁹ Историю возведения храма см.: [Лисовой 2006а, с. 436–437; Строительство церкви св. Марии Магдалины].

²⁰ Учитывая историю построения церкви, некоторые паломники называют ее «царская русская церковь на Елеоне» [Дневник паломника, с. 185].

мами, иконы все живописные. Обыкновенно в нем служат заупокойные литургии по субботам — поминают императора Александра II и императрицу Марию Александровну» [Полисадова, с. 23]. Обратим внимание на то, что в паломнических записках для обозначения этого русского участка начинает использоваться определение «*русская Гефсимания*» — еще один «составной» элемент концепта «Русская Палестина»: «Недалеко от этого сада (т. е. места молитвы Иисуса Христа на Елеоне. — *И. Ф.*) — повыше — находится русская Гефсимания, т. е. сад и чрезвычайно красивая церковь Марии Магдалины, выстроенная в память императрицы Марии Александровны, супруги императора Александра II. Золотые купола этой дивной церкви — единственные во всем Иерусалиме. Говорят, внутри ее отличная живопись, но нам не удалось видеть ее...» [Тарасов, с. 51].

Из многочисленных рассказов паломников об этом святом месте²¹ выделим описание церкви как архитектурного объекта, оставленное А. И. Недоумовым (паломничество 1890 г.), которое, как и его фотографии из собрания Миссии²² и из альбома архим. Леонида (Сенцова), передает впечатление о местоположении церкви св. Марии Магдалины, ее внутреннем пространстве и убранстве: «Красиво уютится эта гранитная пятиглавая церковь у подошвы Масличной горы. Построена она в древнерусском стиле и по внешнему архитектурному типу своему несколько напоминает причудливо-оригинальный храм Василия Блаженного в Москве. Прекрасной внешности храму вполне соответствует и его внутреннее устройство. Мраморный иконостас, царские северные и южные двери — все это оригинальные, тонкие художественные работы нашей академии художеств. Иконы, стенная живопись и орнамент кисти известных наших художников Верещагина, Соколова и других, „Моление о чаше“, возле жертвенника, „Благовестие ангела женам мироносицам о воскресении Господа“ — это, можно сказать, образцы русской современной церковной живописи, — увидевши раз, никогда их не забудешь» [Недоумов, с. 93–94]. Этот паломник отметил, что и колокола для храма были отлиты в России.

Последние две фотографии из «гефсиманской» подборки альбома архим. Леонида (Сенцова) с видами гробницы пророков тесно связаны с исто-

²¹ Так, у П. Аристова сообщается о посещении храма и участии в литургии [Аристов, с. 143]. В рассказе о паломничестве П. П. Свецкого подчеркнута, что церковь «построена, по преданию, над местом, где Иисус Христос стоял, смотря на Иерусалим, и плакал о предстоящем разрушении его» [Свецкий, с. 26–27]. Типологически близок этому описанию и рассказ А. Байкова о посещении Гефсиманского сада и Елеонской горы: [Байков, с. 15]. Также см.: [Маркиан (Попов), с. 50].

²² См. фотографии о Тимона в альбоме: [Строительство церкви св. Марии Магдалины, с. 95–110].

рией строительства храма св. Марии Магдалины, во время которого и были обнаружены остатки древнееврейских гробниц эпохи Второго храма [Строительство церкви св. Марии Магдалины]. Некоторые богомольцы оставили свидетельства об их посещении, оживляющие подробностями изображенные на фотографиях реликвии: «В большой скале вырублены обширный квадратный двор и большая галерея, а в глубине скалы есть входные отверстия в гробовые пещеры, украшенные резьбой. Всех комнат семь, а мест для гробов девятнадцать. Есть предположение, что здесь были похоронены иудейские цари: Соломон, Ровоам, Авия, Аса, Иосафат, Охозия и другие» [Байков, с. 13]²³.

На следующих двух фотографиях: «*Миссийский участок в Силоаме*» (л. 12) и «*Силоам (2-й Миссийский участок)*» (л. 13) (см. ил. 3) — запечатлены два из 16 земельных участков, приобретенных Миссией при архим. Леониде (Сенцове). А фотографии на л. 14–16: «*Елеонская Русская церковь*», «*Елеонская Русская женская община*», «*Музей на Елеонской горе*» — посвящены русскому участку на Елеонской горе.

Ил. 3. «Силоам (2-й Миссийский участок)» (л. 13)

²³ Воспоминания о посещении пещеры сохранил и рассказ одного из холмских паломников, посетивших Иерусалим в 1887 г.: [Белов, с. 114].

Илл. 4. «Елеонская Русская женская община» (л. 15)

Формирование «русского Елеона» положено архим. Антонином (Капустиным) в 1869–1871 гг. приобретением земельных участков на вершине горы, где находилась церковь Вознесения. Во время работ по обустройству территории было найдено немало артефактов, которые и составили экспонаты организованного здесь начальником Миссии музея. Спасо-Вознесенский храм Миссии на Елеонской горе был освящен 8 июня 1886 г. Кроме него, архим. Антонин (Капустин) инициировал и осуществил постройку колокольни — самого высокого здания Иерусалима²⁴, известного под названием «Русская свеча» [Лисовой 2008, с. 320–321]²⁵. С конца XIX в. описание русского Спасо-Вознесенского храма как части русских построек на Елеоне находим и в записках паломников: «На этом месте построена

²⁴ Такой она предстает и в описаниях наших паломников: «С колокольни этого монастыря видны даже далекие окрестности Иерусалима, видны Иордан и Мертвое море, находящиеся от Иерусалима почти в верстах 50-ти...» [Аршуков, с. 25].

²⁵ Широкую известность получила история доставки колокола, предназначенного для этой колокольни, заказанного на пожертвования соликамского купца А. В. Рязанцева. История его подъема на вершину Елеонской горы паломниками хорошо известна специалистам по описанию архим. Антонина (Капустина), свидетельства об этом можно найти в записках паломников (см., например: [Серафим, иером., с. 65]).

русская церковь, очень красивая. Служба в ней бывает раз в неделю по четвергам; есть и колокол, пудов более 300, очень хорош. С колокольни, которая очень высока, открывается прекрасный вид на весь Иерусалим» [Пузанов, с. 30].

Женская Елеонская община, впечатление о которой передает фотография на л. 15 альбома (ил. 4), является детищем уже архим. Леонида (Сенцова) и была образована в 1906 г. [Никодим, архим., с. 57, 67; Смирнова, Бутова, с. 530]. Архим. Леонид (Сенцов) своей особой заслугой как начальника Миссии считал завершение дела своего предшественника, архим. Антонина (Капустина), — приведение в порядок русского участка на Елеонской горе и основание здесь женской общины [Леонид (Сенцов), с. 306]. «Русский Елеон» архим. Леонидом (Сенцовым) был расширен и украшен часовней Обретения главы Иоанна Предтечи, возведенной на горе для постоянного чтения Псалтири и отпевания умерших сестер из общины [Леонид (Сенцов), с. 306; Никодим, архим., с. 341]. Интересным кажется и включение в альбом архим. Леонидом фотографии, на которой изображены артефакты, обнаруженные при обустройстве миссийского участка на Елеоне, под названием «Музей на Елеонской горе» (л. 16), который паломники называли «музеем древности». О его посещении обмолвился Петр Аристов, побывавший там

Ил. 5. «Домик в Вифании на Миссийском участке» (л. 17)

в 1891 г.: «Сойдя с колокольни, мы направились в музей древностей, найденных при постройке храма. Здесь же, в музее, мы спускались в пещеры, а затем осматривали ризницу» [Аристов, с. 112].

После елеонских русских построек закономерно включение в альбом фотографии (ил. 5), посвященной Вифании — селению на юго-восточном склоне Елеонской горы, через которое по Иерихонской дороге проходил в Иерусалим Иисус Христос с учениками, здесь же находилась гробница праведного Лазаря. Напротив монастыря Встречи, воздвигнутого в память о встрече сестер Лазаря Марфы и Марии со Спасителем, располагался русский участок, приобретенный архим. Леонидом (Сенцовым) в 1909 г. (подробнее об этом см.: [Лисовой 2004, с. 589]). Этим, очевидно, и мотивировано включение в альбом фотографии «Домик в Вифании на Миссийском участке» (л. 17).

Ил. 6. «Миссийский сад в Иерихоне» (л. 20)

Продолжил архим. Леонид (Сенцов) обустройство и странноприимного дома в Иерихоне, который посещали богомольцы на пути к Иордану. Впечатление о нем можно составить по фотографиям «Странноприимный дом в Иерихоне» и «Миссийский сад в Иерихоне» (ил. 6), наклеенным на л. 19 и 20 нашего альбома, и дополнить рассказами богомольцев: «Иерихонское

убежище (...) представляет, так сказать, оазис среди пустыни, блаженный покой, земной рай для утомленных путников. В приюте о. Антонина имеется общее помещение и отдельные номера числом до 16. Все помещения чистые и удобные, прислуживают здесь черномазый араб и малайского цвета арабка (...) под тенью тропической растительности он (богомolec. — *И. Ф.*) может отдохнуть, освежиться, получить обед с русскими блюдами. Здесь же, под открытым небом, он может, наконец, слышать на далекой чужбине дорогое его сердцу славянское богослужение» [Недоумов, с. 59–60]. Удобство странноприимного дома и «молодого прекрасного сада» при нем отмечалось многими паломниками, нашедшими здесь ночлег²⁶. Свой отзыв оставил и настоятель псковской Никандровой пустыни Мефодий, побывавший в Палестине в 1892 г.: «В Иерихоне недавно выстроен о. Антонином прекрасный дом, со всеми удобствами для остановки паломников, где и принимает их поставленная для этого женщина» [Мефодий, с. 19]. Это же отметил и П. П. Свецкий, посетивший Святую землю, как и уже названные паломники, в 90-х гг. XIX столетия: «В Иерихоне надо сделать ночевку в русском доме, где комнаты также в хорошей обстановке» [Свецкий, с. 15]. О принципах размещения в «русском доме» паломников интересно сообщение, оставленное священником Пудовкиным: «Русский дом — каменный двухэтажный, со многими отделениями для паломников, коих может поместиться в нем более двух тысяч. В нижнем этаже — помещение для простонародья, а в верхнем — имеется 15 просторных номеров для избранных посетителей с постельными принадлежностями, диванами, столами, стульями, умывальниками и проч.» [Пудовкин, с. 105].

Широкий размах деятельность РДМ при архим. Леониде носила и в Бет-Захарии, изображенной на фотографии под названием «*Бет-Захар*» на л. 22 альбома. При этом начальнике Миссии была осуществлена реконструкция некоторых старых пещер в большие цистерны для воды и поставлены новые, устроено большое подворье для паломников [Леонид (Сенцов), с. 306]. Как правило, они посещали Бет-Захарию для отдыха, следуя на поклонение к дубу Мамврийскому, и на обратном пути, возвращаясь в Иерусалим. В отчете, составленном А. А. Дмитриевским для ИППО, подчеркнуто, что миссийский приют в Бет-Захарии, как и в Хевроне, представлял собой «счастливое исключение» в сравнении с греческими монастырями, где приходилось останавливаться нашим богомольцам [Грушевой, с. 279].

---

²⁶ Изображенный на 20-й фотографии альбома архим. Леонида (Сенцова) «русский сад в Иерихоне», как его называли богомольцы, отмечен и на страницах их описаний, см.: [Алейникова, с. 96; Аршуков, с. 29; Белов, с. 134; Дневник паломника, с. 176].

В очерке «Праздник Св. Троицы на Сионской горе и у дуба Мамврийского в Хевроне» А. А. Дмитриевский расширил скупой текст документа, сопроводив рассказ о миссийском владении в Бет-Захарии поэтическим описанием местности: «Вскоре у самой дороги близь невысокого камня с русскою надписью, указывающей путникам дорогу в Бет-Захарию, владение Русской Духовной миссии, караван сворачивает вправо от хевронской дороги... Через несколько минут ходу, на довольно глубоком спуске в ложину, пред взорами паломников открывается вид на обширное владение нашей Миссии, именуемое Бет-Захарию, расположенное на обширном пологом холме, засаженном самыми разнообразными деревьями, едва ли не всех поясов земного шара, и огороженном высокою каменною стеною, с массивными железными воротами. Небольшой колокол, повешенный, чтобы беспокойным соседям напоминать о бдительности надзора живущих здесь иноков и рабочих, теперь своим мерным благовестом приветствует желанных дорогих гостей. По разделанным дорожкам, засаженным молодыми тополями, паломники пробираются к довольно уединенному зданию, стоящему на пригорке. Оно вмещает в себе и остатки откопанной древней церкви, и служит временной столовой для гостей и трудящихся здесь иноков и рабочих. Сбоку, направо со стороны входа, пристроена и кухня» [Дмитриевский 1913b, с. 24]. На страницах очерка А. А. Дмитриевского описана и история приобретения и устройства этого места Миссией: «Бет-Захария — сравнительно недавнее (с 1902 г.) владение нашей Русской Духовной миссии и перешло в ее руки как дар бывшего миссийского иеромонаха Владимира, который купил его у одного вифлеемского араба за 900 золотых» [Там же, с. 24–25]. Отметил он и то, что раскопки, проводимые Миссией «с целью отчасти сооружения необходимых для жилья иноков и приютов паломников зданий, отчасти под посадку многочисленных деревьев, а отчасти и ради научной любознательности, которую обнаружили к этому русскому уголку в Палестине ученые западные и наши русские археологи, повели к открытию здесь многих остатков христианской древности» [Там же, с. 25].

По достоинству оценили труды сотрудников Миссии по благоустройству участка и наши паломники. По их описаниям, как и по фотографиям, можно представить, как выглядела местность, например, к 1908 г., когда ее посетил иеромонах Белогорского Николаевского монастыря Серафим: «Когда идешь от Мамврийского дуба, то против Соломоновых прудов находится местность „Бет-Захар“, которая ныне принадлежит русской миссии. Здесь, предполагают, был дачный домик св. Захарии. Ныне на этом месте обнаружена древняя церковь и пол мозаичный весьма древних времен. Вся местность огорожена каменною стеной, внутри которой разводят в обильном количе-

стве маслины и другие плодовые деревья. В горе высечена пещера, в которой предполагается устроить церковь» [Серафим, иером., с. 95].

Тема паломнических подворий на Святой земле в альбоме архим. Леонида является одной из приоритетных, что еще раз подчеркивает злободневность и актуальность для того времени проблемы бытового устройства многочисленных русских паломников на Святой земле, на решение которой была направлена деятельность как Миссии, так и Палестинского общества.

Немало было сделано Миссией для устройства быта паломников, проходящих караванами на поклонение к одной из главных святынь Хеврона — Мамврийскому дубу. Как напоминал в своих записках иеромонах Серафим, сам дуб «вместе с окружающей местностью» в 1860 г. приобрел архим. Антонин (Капустин), «и с тех пор сия драгоценнейшая святыня сделалась достоянием нашего дорогого Отечества» [Серафим, иером., с. 93]²⁷. Деятельность Миссии по обустройству этого святого места иллюстрируют две фотографии альбома архим. Леонида.

На фотографии с л. 23 запечатлен «*Странноприимный дом у дуба Мамврийского*». Сообщения о нем в своих рассказах оставили практически все наши писатели-паломники позднего времени. Так, в воспоминаниях архим. Евгения, посетившего Святую землю в 1895 г., сказано: «Дом Русской миссии расположен на горе, у подножия которой стоит Хеврон. Вокруг миссии стелется Мамврийская долина, покрытая фруктовыми садами, виноградниками и лугами, испещренными душистыми цветами и травами» [Евгений, архим., с. 275]. Паломница Митрофания Полисадова подчеркивала, что «ночлег был очень хороший» [Полисадова, с. 12]. А Петр Аристов отметил еще и сад, который «окружает на высоте священный исторический дуб и двухэтажный дом, построенный о. Антонином, начальником русской миссии, который и приобрел все это драгоценное место» [Аристов, с. 135].

Следующая фотография — «*Новостроящийся храм у дуба Мамврийского*» (л. 24) — важна для представления о деятельности в Хевроне составителя альбома архим. Леонида (Сенцова): под «новостроящимся храмом» понималась церковь Святых праотцев с приделом Святой Троицы. История храма, его архитектура и роль в возведении церкви этого начальника Миссии описаны в брошюре А. А. Дмитриевского, посетившего Хеврон в 1910 г. вместе с паломническим караваном. Учитывая детали, которыми богато описание Алексея Афанасьевича, можно предположить, что в его ос-

---

²⁷ О приобретении дуба Мамврийского и близлежащих к нему земель для Миссии архим. Антонином (Капустиним) и обустройстве этого места архим. Леонидом (Сенцовым) подробнее см.: [Никодим, архим., с. 43–44, 59].

нову положен рассказ самого архим. Леонида (Сенцова), поэтому приведем его полностью: «Сооружением своим этот храм обязан исключительно личному мужеству и любви к храмоздательству²⁸ нынешнего начальника нашей Духовной Миссии о. архимандрита Леонида (Сенцова), который решился на свой страх осуществить на деле заветную мечту многих. Сначала он построил здесь простое продолговатое здание для столовой паломников, без полукружий, но с явным расчетом на возможную переделку его в храм в будущем. Когда возникли у о. архимандрита пререкания с местными городскими властями, подстрекаемыми людьми корыстными и злонамеренными, и когда ему напомнили о фирмане правительства, по которому русские не имели права здесь воздвигать храмы, школы и больницы, то о. Леонид заявил, что строится им столовая и никак не больше. Путем мирных бесед и, конечно, не без раздачи кому следует бакшишей удалось дело относительно постройки храма притушить. Когда потом глаз обывателей по привычке видеть на русском месте весьма изящное здание, именуемое трапезою, о. арх. Леонид решился к нему пристроить полукружия и возвести на нем купол с крестом... Не обошлось дело и на сей раз без волнений и бакшишей, но храм у дуба Мамврийского ныне фактически налицо. О. арх. Леониду удалось даже получить на освящение этого храма и благословение иерусалимского патриарха, обычно достававшееся русским в других случаях не легко и не дешевою ценою. В Миссии уже лежат в готовом виде церковные облачения для этого храма, пожертвованные ее императорским высочеством великою княгинею Елисаветою Федоровною, а русские жертвователи из Москвы прислали для того же храма всю необходимую утварь и все, что требуется чином для освящения храма. Остается дело за малым — получить от султана на Хевронскую церковь фирман, но двухлетние усиленные хлопоты о. арх. Леонида в этом направлении остаются пока без результата» [Дмитриевский 1913b, с. 36–37].

Строительство храма было завершено в 1911 г.: в письме архим. Леонида А. А. Дмитриевскому от 13 июня 1911 г. сообщалось, что над церковью в Хевроне «накануне Троицына дня» был водружен крест на куполе, и «хотя еще не успели снять леса, но я велел сфотографировать храм в настоящем его виде...» (РНБ. Ф. 253 (Дмитриевский А. А.). Д. 510. Л. 1–1 об.).

---

²⁸ Стоит оговориться, что любовь архим. Леонида (Сенцова) «к храмоздательству» и его стремление расширять земельные владения в Палестине не получили широкой поддержки у руководства ИППО, в частности, у великой княгини Елизаветы Федоровны: «Я понимаю Ваше стремление созидать как можно больше церквей в Святой Земле; но мне кажется, давая молитвенно-духовное утешение паломникам, Вы могли бы предоставить Палестинскому обществу устройство подворий и заботу о физическом благосостоянии паломников». Документ цит. по: [Лисовой, Смирнова, с. 483].

Из очерка А. А. Дмитриевского можно составить представление и о крестном ходе, осуществляемом паломниками со священством у дуба Мамврийского [Дмитриевский 1913b, с. 38]. Под аналогичным названием «*Крестный ход у дуба Мамврийского*» в альбоме архим. Леонида помещена фотография, изображающая его участников (л. 25). А описание священника Пудовкина позволяет увидеть его глазами одного из них: «Утром рано мы с крестным ходом пошли к священному дубу, возле коего на открытом воздухе отслужили литургию соборне. Литургия служится здесь на особом антиминсе и камне, полагаемых на широком столе, который устанавливается под дубом. Икона Пресвятой Троицы ставится посреди дуба при его толстых разветвлениях. Во время Херувимской песни обхождение совершается вокруг дерева» [Пудовкин, с. 101].

Особой заботы требовал от начальника Миссии и сам дуб Мамврийский, который, по словам А. А. Дмитриевского, в 1910 г. был «в довольно невзрачном состоянии», поэтому «почтенные руины» нуждались в уходе и защите [Дмитриевский 1913b, с. 34]. Дуб начал сохнуть вскоре после приобретения «достопоклоняемого места» в русскую собственность, а в 1898 г. упала засохшая большая ветвь дерева, которую использовали как «драгоценный материал для написания на частицах ее икон Св. Троицы, разосланных по разным церквам России и раздаваемых и доселе знатым паломникам нашею Духовною Миссиею в благословение» [Там же, с. 31]. Об этом же свидетельствовали и сами паломники. Так, из «Путевых впечатлений» иеромонаха Серафима известно, что в 1908 г. от «любвеобильного» архим. Леонида (Сенцова) он получил «в благословение икону Св. Троицы, написанной на дереве от Мамврийского дуба» [Серафим, иером., с. 107]²⁹.

Стратегическую важность на пути русских паломников к Иерусалиму и обратно исторически имели Яффа и ее порт: сюда стекались потоки богомольцев, прибывавших на кораблях из Одессы, и отсюда начиналась сухопутная часть их маршрута к Святому граду. Обустройство паломников в городе, организация их быта и караванов до Иерусалима — те вопросы,

²⁹ Представление об иконографии таких евлогий начала XX в. можно составить по образцам, известным в собраниях отечественных музеев. Так, в Музее истории религии (Санкт-Петербург) находятся две иконы «Троица Ветхозаветная» с сохранившимися на их оборотах письменными благословениями архим. Леонида (Сенцова) от 1911 и 1912 гг.: «Икона Св. Троицы написана на священном дубе Мамврийском и освящена на живоносном Гробе Господнем. Приносится благословение С. Петербургскому Александро-Невскому Обществу Трезвости от Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Леонид. Иерусалим 30 августа 1912». Владелец другой иконы, полученной от архим. Леонида 12 октября 1911 г., остался неизвестным. Иконы воспроизведены в каталоге: [Паломничество в Святую Землю, с. 16, 18–19].

которыми системно занимались сотрудники Миссии с момента ее организации³⁰. Историю русского присутствия в Яффе в альбоме архим. Леонида иллюстрируют пять фотографий: «*Яффский сад Миссийский*» (панорама, л. 26); «*Яффский сад*» (вид внутри, л. 27); «*Русский храм в Яффе*» (л. 28); «*Пещера св. праведной Тавифы в Миссийском Яффском саду*» (л. 29); «*Св. изображение в Яффском храме*» (л. 30).

Ил. 7. «Яффский сад» (л. 27)

Как видно из перечня фотографий, акцент составителем альбома сделан на «русском храме» (л. 28, 30). По оценке историков Миссии, после того как благодаря заботам архим. Леонида его расписали, он стал украшением и достопримечательностью города³¹, как и яффский сад на территории участка Миссии (л. 26, 27, 29), в котором при архим. Леониде были устроены два монашеских дома, отремонтирована церковь [Никодим, архим., с. 57–58]. Подворье и сад произвели впечатление и на посетившего их А. А. Дмитриев-

³⁰ Об этом см., например: [Грушевой, с. 168–169]. Описание прибытия в Яффу и пути из нее до Святого града содержат и паломнические рассказы разного времени. См., например, паломнические записки конца XIX — нач. XX в.: [Белов, с. 57–65; Кусмарцев, с. 72–76].

³¹ Подробнее об этом см.: [Никодим, архим., с. 57–58].

ского, о чем он оставил запись в отчете о поездке: «...благодаря стараниям нынешнего начальника духовной миссии о. Леонида, в саду о. архим. Антонина близ гробницы св. Тавифы, воскрешенной апостолом Петром, имеется прекрасное подворье, как для интеллигентных, так и для простых паломников, человек на 400—500. На подворье в саду устроены куб для кипятку и котел для варки горячей пищи. То и другое раздается здесь паломникам бесплатно» [Грушевой, с. 271—272]³².

О владениях Миссии в Яффе рассказано и в паломнических записках. Лаконично история устройства подворья обрисована иеромонахом Серафимом: «Русское миссийское подворье находится на том месте, где, по преданию, св. апостол Петр воскресил Тавифу; на самом том месте выстроена чудная православная церковь с величественной колокольной. Тут же находится пещера, где была погребена святая Тавифа (память ее 25 октября). Все это место приобретено покойным начальником миссии о. архимандритом Антонином, им же выстроена и церковь. В прошлом году при начальнике миссии архимандрите Леониде внутри церкви расписана чудной живописью, что очень редко встретите в Палестине. Здесь же устроено хорошее помещение, где русские богомольцы, по приезду в Яффу, желающие отдохнуть несколько дней до отъезда в Иерусалим или принужденные ожидать парохода при обратном пути, могут провести несколько дней» [Серафим, иером., с. 33]. Яффские фотографии нашего альбома могут служить иллюстрацией к рассказу поручика А. И. Недоумова, посетившего подворье в 1896 г.: «Оно имеет весьма приличный и удобный двухэтажный дом, обширный, с роскошной тропической растительностью и прекрасными беседками сад, в саду вырыт довольно большой пруд, где разведено много разных пород рыб. В настоящее время на подворье строится и церковь. Словом, здесь паломникам бывает приятно отдохнуть душою и телом после продолжительного и утомительного морского путешествия» [Недоумов, с. 43]³³.

Еще одно подворье Миссии располагалось у Тивериадского озера, о чем напоминала фотография «*Тивериада*» (л. 31), на которой участок Миссии изображен с воды. Его обустройство и гостеприимство в отчете отмечал А. А. Дмитриевский: «Подворье, состоящее из нескольких отдельных небольших домиков наверху и подвальных чуланов с нарами внизу, легко справилось на сей раз с задачей — дать место для ночлега каравану в 600 человек. Заведующий подворьем о. Иоанн всем паломникам бесплатно предложил кипяток для чаю и вкусную уху из свежей рыбы. Вечером, при дивной погоде,

³² Здесь же в примеч. 72 кратко охарактеризована история Миссийского подворья.

³³ Об этом см. и у других писателей-паломников, например: [Аршуков, с. 38].

на берегу озера были отслужены всенощное бдение и молебен с водосвятием» [Грушевой, с. 287].

На берегу Тивериадского озера расположен и г. Магдала, известный по Евангелию от Матфея (Мф. 15: 39) как место, освященное присутствием Спасителя, а также как родина Марии Магдалины. Закономерно присутствие в рассматриваемом альбоме фотографии с одноименным названием — «*Магдала*» (л. 32): к этой местности архим. Леонид (Сенцов) имел интерес, реализованный им в 1911 г., когда был приобретен так называемый Магдальский сад на берегу Генисаретского озера [Смирнова, Бутова, с. 530] и в нем планировалась постройка церкви равноапостольной Марии Магдалины, осуществленная только в 1962 г. [Лисовой, Смирнова, с. 484].

Ил. 8. «Миссийский участок на горе Кармил» (л. 33)

Завершает альбом архим. Леонида (Сенцова) фотография «*Миссийский участок на горе Кармил*» (л. 33; см. ил. 8). На горе Кармил в Хайфе располагался один из 11 странноприимных домов Миссии и храм св. Илии Пророка, также принадлежавший ей [Никодим, архим., с. 59–60]. Их приобретение в русское владение — также заслуга этого начальника Миссии [Леонид (Сенцов), с. 308].

Рассмотренный альбом архим. Леонида (Сенцова) интересен по нескольким причинам. С одной стороны — как иллюстрация к поездке А. А. Дмитриевского в Палестину в 1910 г. и его общению как секретаря ИППО с начальником Миссии архим. Леонидом, о чем тот упоминал в своих письмах: «...часто вспоминаю те вечера, которые мы проводили в приятной беседе. Когда-то мы опять увидимся?» (РНБ. Ф. 253 (Дмитриевский А. А.). Д. 510. Л. 4—4 об.).

Можно предположить, что преподнесенный архим. Леонидом подарок не оставил Дмитриевского равнодушным: некоторые фотографии из альбома аналогичны фотографиям, которыми проиллюстрированы его воспоминания, изданные после возвращения секретаря Палестинского общества из поездки. Так, в брошюре «Праздник Святой Троицы на Сионской горе и у дуба Мамврийского в Хевроне» воспроизведена фотография с изображением крестного хода у дуба Мамврийского, аналогичная снимку на л. 25 альбома архим. Леонида, в центре которой запечатлен и он [Дмитриевский 1913b, с. 38—39, вклейка] (см. ил. 9).

Ил. 9. «Крестный ход у дуба Мамврийского на третий день Троицы, по окончании литургии» (иллюстрация к очерку А. А. Дмитриевского «Праздник Св. Троицы на Сионской горе и у дуба Мамврийского в Хевроне»)

А фотография из альбома «*Горненская Русская женская община*» (л. 6) иллюстрирует очерк «Горненская русская женская община во граде Иудове (близ Иерусалима)» [Дмитриевский 1916, с. 2–3, вклейка]

Ил. 10. «Общий вид русской Горненской женской общины во граде Иудове» (иллюстрация к очерку А. А. Дмитриевского «Горненская русская женская община во граде Иудове (близ Иерусалима)»)

Не имея сведений о происхождении фотографий, из которых был составлен альбом архим. Леонида, трудно судить о том, воспользовался ли он уже имевшимся у Миссии архивом и выбрал актуальные для него снимки либо специально заказывал их³⁴. Независимо от этого ценность и самобытность альбома «Русская Духовная Миссия» определена тем, что он представляет собой *авторскую* подборку фотографических видов Русской Палестины и подписей к ним, т. е. перед нами Палестина архим. Леонида (Сенцова), кторую он созидал вместе со своими предшественниками.

---

³⁴ В этой связи акцентируем внимание на фотографии с изображением храма св. Марии Магдалины, на которой сохранилась подпись на английском и французском языках: «406. Russian church in Mount of Olivs. Eglise Russe». Таким образом, на л. 8 альбома помещена не оригинальная фотография, а фотокопия с карточки одного из европейских мастеров, которые, как отмечают специалисты, включали снимок храма на Елеонской горе в набор коллекционных фотографий с видами святых мест. Подробнее об этом: [Строительство церкви св. Марии Магдалины, с. 18].

Оговоримся, что в интересе к фотографиям с видами Палестины как изобразительного ряда для своих воспоминаний А. А. Дмитриевский не был одинок: в изданиях паломнических записок писатели-паломники активно начинают их использовать с последней трети XIX в.³⁵, таким образом обеспечивая бóльшую наглядность своим рассказам о святых местах. И если в большинстве изданий количество использованных фотографий, как правило, было незначительным³⁶, то в книгу известного духовного писателя И. П. Ювачева вошла уже целая подборка снимков, специально составленная из материалов фотографической коллекции Палестинского общества, что особо было подчеркнуто автором в предисловии [Ювачев, с. V]³⁷.

С другой стороны, наряду с известными отчетами архим. Леонида (Сенцова) о деятельности на посту начальника Миссии составленный им альбом также может быть рассмотрен как фотоотчет 1910 г., к тому же отразивший и основные вехи в истории Русской Палестины³⁸. В своем стремлении расширить русское присутствие на Святой земле архим. Леонид выступил продолжателем дела архим. Антонина (Капустина) [Никодим, архим., с. 57]. Секретарь Палестинского общества в полной мере оценил эту преемственность и старания архим. Леонида на посту начальника Миссии. Показательны слова А. А. Дмитриевского о деятельности архимандрита и его личности, которые могут служить и комментарием к фотографиям из подаренного ему альбома: «Деятельность о. Леонида в Иерусалиме просто изумительна. В его лице не только воскрес о. арх. Антонин, но иногда он превосходит смелостью в действиях и умением находить деньги для своих предприятий и сего последнего. Горня, основанная о. Антонином, превратилась в русский городок с странноприимницами на 400 человек, с массою хозяйственных пристроек. Венцом всего — громадный собор на вершине горы, заложенный без всякого спроса на то. Елеонская женская община, приведенная в благолепный и благоустроенный женский монастырь с 100 и более обитательниц заботами приснопамятного о. Парфения, под мудрым управлением о.

³⁵ Около этого времени «карточки видов» Святой земли становятся и одним из распространенных паломнических сувениров, о чем также сообщали наши богомольцы, покупавшие их в местных лавках: [Свецкий, с. 17].

³⁶ См., например: [Дневник паломника, с. 50–51].

³⁷ Впечатление о сюжетах фотографий можно составить по «Указателю рисунков» к книге: [Ювачев, с. 363–365].

³⁸ Об этом свидетельствует выбор сюжетов фотографий альбома, на которых отразились не все земельные владения РДМ. В паломнических записках также можно найти описания или упоминания построек Миссии и Палестинского общества, которые не вошли в состав альбома архим. Леонида (Сенцова). См., например: [Пузанов, с. 68; Тарасов, с. 52–53, 56, 62; Маркиан (Попов), с. 95].

Леонида процветает. Сад яффский с прекрасным храмом апостола Петра и гробницею Тавифы ныне настолько расширился и благоукрасился (<...> Но особенно бросается в глаза кипучая деятельность о. Леонида в Хевроне. Старый приют для паломников арх. Антонина расширен и теперь может вмещать до 700 человек в один приход. Сад обогатился множеством виноградных лоз... Рядом почти с приютом, ближе к антониновской башне, красуется изящный небольшой храм, на освящение которого уже имеется благословение патриарха. Внутренность храма, рассчитанная не более как на 250 человек, пока без украшений, и в храме поставлены лишь две иконы, пред которыми совершаются для паломников торжественные всенощные бдения. Как, однако, ни изящен и ни грациозен хевронский храм в виде базилики, он все же не удовлетворяет о. Леонида, который питает страсть к массивным сооружениям. О. архимандрит готовит камень для приделки к нему алтаря в виде полукружия и двух других боковых полукружий для двух приделов в честь праотцев Авраама и Сары... По дороге к Хеврону появился новый громадный участок земли у нашей Миссии с именем Бет-Захария... Кроме упомянутых предприятий и сооружений, о. Леонид приобрел участки земли на Кармиле, у Тивериады, в Назарете и в Кайфе. Вот человек работает до пота лица и находит для сего средства. Исполать сему человеку. И как бы было хорошо, если бы можно было петь ему «Εἰς πολλὰ ἔτη»³⁹ в Палестине, а не в России, куда он уже не стремится. Сам отец Леонид, кажется, серьезно подумывает об архиерействе» (РНБ. Ф. 253 (Дмитриевский А. А.). Д. 31. Л. 76—78).

Такую же высокую оценку деятельности архим. Леонида можно найти и у современных ему паломников, которые не только пользовались плодами трудов архимандрита, располагаясь в гостиницах и странноприимных домах, возведенных Миссией, участвуя в богослужениях, возглавляемых ее начальником, но и лично общавшихся с ним. Особо отметим «Путевые впечатления» 1908 г. иером. Серафима, где ретроспектива деятельности начальника Миссии соединена с биографическими сведениями о нем, что уникально даже для поздней традиции паломнических описаний: «О. Леонид, окончивший технологический институт, служил, кажется, несколько годов на фабрике Морозова в Москве⁴⁰, потом, разочаровавшись в суетной мирской

³⁹ Т. е. «На многая лета, владыко» — песнопение православного архиерейского богослужения.

⁴⁰ Архим. Леонид — в миру Михаил Иванович Сенцов — по окончании Высшего Московского технического училища служил инженером-механиком на фабрике [Лисовой, Смирнова, с. 481].

жизни, оставил все, поступил в духовную академию и принял монашество⁴¹. Трудится усиленно и неусыпно на весьма трудном послушании начальника Иерусалимской миссии. Помогите ему, Господи, потрудиться на благо церкви! При его управлении дела Миссии видимо процветают, много построек произведено на Елеоне, у Мамврийского дуба, в Яффе расписана чудной живописью церковь, прекрасный разведен сад около прудов Соломоновых, в местности Бет-Захар. Одним словом, человек энергичный и деятельный. Думаю, что многое сделает в Палестине, если проживет подольше» [Серафим, иером., с. 47].

Однако такие развернутые отзывы об архим. Леониде (Сенцове) скорее стоит считать исключением, чем общей практикой для воспоминаний паломников. Как правило, в них только упоминается «наш архимандрит» и «отец архимандрит» [Байков, с. 28; Маркиан (Попов), с. 100]. Главным действующим лицом в рассказах паломников, как и в истории Русской Палестины, по праву стал архим. Антонин (Капустин), кипучей деятельности которого отдавали должное не только современные ему богомольцы в своих воспоминаниях⁴², но и паломники начала XX в.⁴³ Среди них выделим свидетельство священника Коровицкого, оставившего свою благодарность архимандриту в специальной книге в одном из странноприимных домов Миссии, «в которую путешественники, здесь останавливающиеся, вписывают свои фамилии». По его словам, в ней не оказалось «ни единой подписи без выражения самой задушевной благодарности достоуважаемому о. Антонину, что, конечно, сделали и мы, выразив почтенному хозяину не фальшивую, не официальную, а самую сердечную, глубокую признательность» [Дневник паломника, с. 176].

Таким образом, Русская Палестина в описаниях паломников поздней традиции — это не только земли, реликвии, русские постройки на Святой земле, но и люди, благодаря трудам которых они стали частью священной топографии Палестины и органичной частью паломничества по ней. А такие понятия, как «русские постройки» и «русский городок», «русский Елеон», «русская Гефсимания», прочно вошли в паломнический обиход, а через него — в описания богомольцев. Поэтому русская паломническая

⁴¹ В Московскую духовную академию поступил в 1898 г. В 1900 г. был пострижен в монашество с именем Леонид епископом Арсением (Стадницким). [Лисовой, Смирнова, с. 481].

⁴² См., например: [Алейникова, с. 73; Недоумов, с. 59; Тарасов, с. 52–53] или рассказ о встрече с архим. Антонином: [Евгений, архим., с. 146].

⁴³ Кратко биографию архим. Антонина и обзор его деятельности как начальника РДМ см. в «Путевых впечатлениях» иеромонаха Серафима, посетившего могилу «этого великого русского труженика на пользу Святой земли» [Серафим, иером., с. 65].

литература последней трети XIX — начала XX в. может быть рассмотрена и как «народная летопись» Русской Духовной миссии в Иерусалиме⁴⁴, которая наряду с сохранившимися документами и фотографиями помогает осознать феномен Русской Палестины и увидеть ее глазами тех, о ком радели и заботились сотрудники Миссии и Палестинского общества. Расширение повествовательного поля рассказов богомольцев, произошедшее за счет такого рода описаний в последней трети XIX — начале XX в., позволяет рассматривать корпус этих источников еще и как *особый период* в истории отечественной паломнической литературы, специфику которого в полной мере еще предстоит описать.

Литература

- Алейникова — *Алейникова А. К.* Путешествие в Иерусалим. Екатеринбург: Тип. Братства Св. Владимира, 1901. 276 с.
- Аристов — Путешествие в Палестину: Из дневника Петра Аристова. СПб.: Типо-лит. Буссея, 1894. 183 с.
- Аршуков — Поездка в Иерусалим, Вифлеем и к реке Иордан: практические сведения: Рассказ путешественника-очевидца полковника Н. Аршукова. Курск: Тип. Губернского Правления, 1905. 44 с.
- Байков — Путешествие в Иерусалим: Дорожные заметки Андрея Байкова. СПб.: Тип. т-ва «Художественная печатня», 1914. 38 с.
- Белов — *Белов Г. В.* Иерусалим и Св. Земля. Путешествие холмских паломников ко Гробу Господню: Рассказ одного из паломников. Варшава: Губернская тип., 1889. 168 с.
- Вертоградов — *Вертоградов П., иером.* Путешествие по святым местам на Святой земле, во Святую Афонскую гору и в Палестину: В 2 ч. С 11 рис. и одним снимком с местоположения старого Иерусалима в 1862 году. М.: Тип. О. Назаровой, 1866. 152 с.
- Грушевой — Материалы к истории деятельности Императорского Православного Палестинского общества в начале XX века: (Отчет А. А. Дмитриевского и В. И. Бельнского о состоянии подворий общества в 1910 году) / Вступ. ст., публ. и примеч. А. Г. Грушевого // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург: Екатеринбург. духовная семинария, 2017. Вып. 2 (18). С. 153–331.
- Дмитриевский 1913а — *Дмитриевский А. А.* Праздник Преображения Господня на Фаворе. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. 32 с.
- Дмитриевский 1913б — *Дмитриевский А. А.* Праздник Св. Троицы на Сионской горе и у дуба Мамврийского в Хевроне. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. 43 с.
- Дмитриевский 1916 — *Дмитриевский А. А.* Горненская русская женская община во граде Иудове (близ Иерусалима). Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916. 32 с.

---

⁴⁴ Оговоримся, что в паломнических записках описаны или упомянуты и другие постройки Миссии и Палестинского общества, которые не вошли в состав альбома архим. Леониды (Сенцова). См., например: [Пузанов, с. 68; Тарасов, с. 52–53, 56, 62; Маркиан (Попов), с. 95].

- Дневник паломника — Дневник паломника: Из путевых заметок законоучителя 2-й мужской и Фундуклеевской женской гимназий свящ. А. Коровицкого. С 30 фототипическими картинками видов и типов Палестины. Житомир: Тип. Е. В. Коровицкой (газеты «Волынь»), 1891. 204 с.
- Евгений, архим. — *Евгений, архим.* Мое «бытие»: Воспоминания о монастырской жизни и поездке в Иерусалим. СПб.: Тип. П. Ф. Воишинской, 1911. 526 с.
- Коллекция фотографий — Коллекция фотографий Императорского Православного Палестинского общества из собрания Государственного музея истории религии / Сост., текст Е. А. Терюкова, П. В. Федотов. М.; СПб.: Вече, 2017. 192 с.
- Кусмарцев — *Кусмарцев П. И.* В землю Завета вечного: Описание странствования моего через Киев, Одессу и Константинополь на Афон, в Иерусалим, на св. гору Синай, в Бар-град, Рим, на Иордан, в Галилею, в Вифлеем и Хеврон. Саратов: Тип. А. Д. Тобиас и К°, 1904. 249 с.
- Леонид (Сенцов) — «Все, что сделано в течение десятилетия для Русской Духовной Миссии в Иерусалиме»: Записка архимандрита Леонида (Сенцова) / Вступ. ст. и примеч. Т. А. Богдановой; изд. Русской Духовной миссии в Иерусалиме // Святая Земля: Ист.-культ. иллюстрир. альм. М., 2012. № 1, ч. 1: Юбилейный вып. «Русская Палестина: люди и судьбы». С. 306–308.
- Лисовой 2004 — *Лисовой Н. Н.* Вифания: Церковное строительство в Вифании в XIX–XX вв. // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2004. Т. 8. С. 588–590.
- Лисовой 2006а — *Лисовой Н. Н.* Гефсиманский во имя равноапостольной Марии Магдалины монастырь // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. Т. 11. С. 436–438.
- Лисовой 2006б — *Лисовой Н. Н.* Горненский монастырь // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. Т. 12. С. 122–125.
- Лисовой 2008 — *Лисовой Н. Н.* Елеонский Вознесенский русский монастырь // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. Т. 18. С. 319–323.
- Лисовой, Смирнова — *Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю.* Леонид (Сенцов Михаил Иванович) // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2015. Т. 40. С. 481–484.
- Маркиан (Попов) — Путешествие в Палестину и на Афон в 1911 году: Дорожные заметки иеромонаха Маркиана (Попова). Иерусалим: Русская Духовная миссия в Иерусалиме, 2017. 188 с.
- Мефодий — Дневник палестинского паломника архимандрита Мефодия, настоятеля Никандровой пустыни Порховского уезда Псковской губернии. СПб.: Тип. А. Катанского и К°, 1893. 87 с.
- Недоумов — *Недоумов А. И.* На пути в Иерусалим и в Иерусалиме: Впечатления и заметки. М.: Синодальная тип., 1897. 134 с.
- Никодим, архим. — *Никодим [Потов], архим.* История Русской Духовной миссии в Иерусалиме // Богословские труды. М.: Изд-во Московской патриархии, 1979. Сб. 20. С. 15–82.
- Паломничество в Святую Землю — Паломничество в Святую Землю: Каталог / Авт.-сост. Е. В. Денисова. СПб.: Изд.-типогр. центр СПбГУТД, 2006. 51 с.
- Полисадова — Путешествие в Святой град Иерусалим и другие места Палестины монахини Митрофании Полисадовой в 1894 году. Тихвин: Тип. Изачик, 1909. 30 с.

- Пудовкин — Пудовкин С. А. Мое путешествие в Иерусалим и на Афон в 1902/03 году. Новочеркасск: Тип. В. И. Бабенко, 1906. 163 с.
- Пузанов — Пузанов Н. Д. Дневник путешественника в Иерусалим и на Афон в 1895 году. М.: Поставщик Высочайшего Двора Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1899. 138 с.
- Свецкий — Свецкий П. П. Поездка в Иерусалим, Палестину, Афон, Синай, Бар-град и Рим. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1899. 49 с.
- Серафим, иером. — Серафим, иером. Путевые впечатления: Поездка в Иерусалим и на Афон в 1908 году. СПб.: Отечеств. тип., 1910. 227 с.
- Смирнова, Бутова — Смирнова И. Ю., Бутова Р. Б. Русская Духовная миссия в Иерусалиме (РДМ) // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2020. Т. 60. С. 521–531.
- Строительство церкви св. Марии Магдалины — Строительство церкви святой Марии Магдалины на Елеонской горе в Иерусалиме в фотографиях из альбома Русской Духовной миссии в Иерусалиме / Сост. К. А. Вах, Г. И. Вздорнов, Н. Н. Лисовой. М.: Индрик, 2006. 127 с.
- Тарасов — Тарасов Е. Путешествие в Палестину: (Из записок паломника). СПб.: Печатня Р. Голики, 1902. 66 с.
- Ювачев — Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню: Очерки путешествия в Константинополь, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет и Грецию. СПб.: Тип. СПб. акц. о-ва печ и писчебум. дела в России «Слово», 1904. 366+XV с.

References

- Alenikova, A. K. (1901). *Puteshestvie v Ierusalim*. Ekaterinoslav: Tipografiya Bratstva Svyatogo Vladimira, 276 p.
- Aristov, P. (1894). *Puteshestvie v Palestinu. Iz dnevnika Petra Aristova*. Saint Petersburg: Tipolitografiya Busselya, 183 p.
- Arshukov, N. (1905). *Poezdka v Ierusalim, Vifleem i k reke Iordan: prakticheskie svedeniya. Rasskaz puteshestvennika-ochevidtsa polkovnika N. Arshukova*. Kursk: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 44 p.
- Baikov, A. (1914). *Puteshestvie v Ierusalim. Dorozhnye zametki Andreyi Baikova*. Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Khudozhestvennaya pechatnya", 38 p.
- Belov, G. V. (1889). *Ierusalim i Svyataya Zemlya. Puteshestvie kholmских palomnikov ko Grobu Gospodnyu. Rasskaz odnogo iz palomnikov*. Varshava: V Gubernskoi tipografii, 168 p.
- Denisova, E. V., ed. (2006). *Palomничество v Svyatuyu Zemlyu: Katalog*. Saint Petersburg: Izdatel'sko-tipografskii tsentr Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina, 51 p.
- Dmitrievskii, A. A. (1913). *Prazdnik Preobrazheniya Gospodnya na Favore*. Saint Petersburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma, 32 p.
- Dmitrievskii, A. A. (1913). *Prazdnik Svyatoi Troitsy na Sionskoi gore i u Duba Mamvriiskogo v Khevrone*. Saint Petersburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma, 43 p.
- Dmitrievskii, A. A. (1916). *Gorninskaya russkaya zhenskaya obshchina vo grade Iudove (bliz Ierusalima)*. Petrograd: Tipografiya V. F. Kirshbauma, 32 p.
- Dnevnik palomnika (1891). *Iz putevykh zametok zakonouchitelya 2-oi muzhskoi i Funduklevskoi zhenskoj gimnazii svyashchennika A. Korovitskogo*.

- S 30 fototipicheskimi kartinami vidov i tipov Palestiny*. Zhitomir: Tipografiya E. V. Korovitskoi (gazety "Volyn"), 204 p.
- Evgenii, arkhimandrit (1911). *Moe "bytie". Vospominaniya o monastyrskoi zhizni i poezdki v Ierusalim*. Saint Petersburg: Tipografiya P. F. Voshchinskoi, 526 p.
- Grushevoi, A. G., ed. (2017). 'Materialy k istorii deyatelnosti Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v nachale 20 veka (Otchet A. A. Dmitrievskogo i V. I. Belynskogo o sostoyanii podvorii obshchestva v 1910 godu)', in: *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya. Vol. 2 (18), 153–331.
- Kusmartsev, P. I. (1904). *V zemlyu Zaveta vechnogo. Opisanie stranstvovaniya moego cherez Kiev, Odessu i Konstantinopol' na Afon, v Ierusalim, na cv. goru Sinai, v Bar-grad, Rim, na Iordan, v Galileyu, v Vifleem i Khevron*. Saratov: Tipografiya A. D. Tobias i K°, 249 p.
- Leonid (Sentsov), arkhimandrit (2012). 'Vse, chto sdelano v techenie desyatiletiya dlya Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime'. Zapiska. Ed. T. A. Bogdanova, in: *Svyataya Zemlya: Istoriko-kul'turnyi illyustrirovannyi al'manakh*. Moscow: Izdanie Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime. Vol. 1, ch. 1. Yubileinyi vypusk "Russkaya Palestina: lyudi i sud'by", 306–308.
- Lisovoi, N. N. (2004). 'Vifaniya. Tserkovnoe stroitel'stvo v Vifanii v 19–20 vekakh', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 8, 588–590.
- Lisovoi, N. N. (2006). 'Gefsimanskii vo imya ravnoapostol'noi Marii Magdaliny' monastyr', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 11, 436–438.
- Lisovoi, N. N. (2006). 'Gornenskii monastyr', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 12, 122–125.
- Lisovoi, N. N. (2008). 'Eleonskii Voznesenskii russkii monastyr', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 18, 319–323.
- Lisovoi, N. N., Smirnova, I. Yu. (2015). 'Leonid (Sentsov Mikhail Ivanovich)', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 40, 481–484.
- Markian (Popov). (2017). *Puteshestvie v Palestinu i na Afon v 1911 godu. Dorozhnye zametki ieromonakha Markiana (Popova)*. Ierusalim: Russkaya Dukhovnaya Missiya v Ierusalime, 188 p.
- Mefodii (1893). *Dnevnik palestinskogo palomnika arkhimandrita Mefodiya, nastoyatelya Nikandrovoi pustyni Porkhovskogo uezda Pskovskoi gubernii*. Saint Petersburg: Tipografiya A. Katanskogo i K°, 87 p.
- Nedoumov, A. I. (1897). *Na puti v Ierusalim i v Ierusalime. Vpechatleniya i zametki*. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 134 p.
- Nikodim [Rotov], arkhimandrit (1979). 'Istoriya Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime', in: *Bogoslovskie trudy*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoi patriarkhii. Vol. 20, 15–82.
- Polisadova, M. (1909). *Puteshestvie v Svyatoi grad Ierusalim i drugie mesta Palestiny monakhini Mitrofanii Polisadovoi v 1894 godu*. Tikhvin: Tipografiya Izchachik, 30 p.
- Pudovkin, S. A. (1906). *Moe puteshestvie v Ierusalim i na Afon v 1902/03 godu*. Novocherkassk: Tipografiya V. I. Babenko, 163 p.

- Puzanov, N. D. (1899). *Dnevnik puteshestvennika v Ierusalim i na Afon v 1895 godu*. Moscow: Postavshchik Vysochaishego Dvora Tovarishchestvo Skoropechatni A. A. Levenson, 138 p.
- Serafim, ieromonakh (1910). "Putevye vpechatleniya". *Poezdka v Ierusalim i na Afon v 1908 godu*. Saint Petersburg: Otechestvennaya tipografiya, 227 p.
- Smirnova, I. Yu., Butova, R. B. (2020). 'Russkaya Dukhovnaya Missiya v Ierusalime (RDM)', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 60, 521–531.
- Svetskii, P. P. (1899). *Poezdka v Ierusalim, Palestinu, Afon, Sinai, Bar-grad i Rim*. Saint Petersburg: V tipografii V. Bezobrazova i kompaniya, 49 p.
- Tarasov, E. (1902). *Puteshestvie v Palestinu: (Iz zapisok palomnika)*. Saint Petersburg: Pечатnya R. Goliki, 66 p.
- Teryukova, E. A., Fedotov, P.V., eds. (2017). *Kollektsiya fotografii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya istorii religii*. Moscow; Saint Petersburg: Veche, 192 p.
- Vakh, K. A., Vzdornov, G. I., Lisovoi, N. N., eds. (2006). *Stroitel'stvo tserkvi Svyatoi Marii Magdaliny na Eleonskoi gore v Ierusalime v fotografiyakh iz al'boma Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime*. Moscow: Indrik, 127 p.
- Vertogradov, P., ieromonakh (1866). *Puteshestvie po svyatyim mestam na Svyatoi Zemle, vo Svyatuyu Afonskuyu goru i v Palestinu: v 2 chastyakh. S 11 risunkami i odnim snimkom s mestopolozheniya starogo Ierusalima v 1862 godu*. Moscow: V tipografii O. Nazarovoi, 152 p.
- Yuvachev, I. P. (1904). *Palomничество v Palestinu k Grobu Gospodnyu. Ocherki puteshestviya v Konstantinopol', Maluyu Aziyu, Siriyu, Palestinu, Egipet i Gretsuyu*. Saint Petersburg: Tipografiya Sankt-Peterburgskogo aktsionernogo obshchestva pechatnogo i pischebumazhnogo dela v Rossii "Slovo", 366+XV p.

М. В. Рождественская

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ «РАЙСКО-ПАЛЕСТИНСКОГО» ТЕКСТА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

Резюме

Статья посвящена вопросу об особенностях «райско-палестинского» текста в рамках темы «Русь и Святая земля», «Русь и Палестина». Рассматриваются три известных апокрифических древнерусских переводных «сказания» о путешествиях к раю: старца Агапия, Макария Римского, старца Зосимы — в страну рахманов / брахманов, — а также «Сказание о 12 пятницах». Ставится вопрос о разнообразии древнерусских письменных источников, таких как хождения, летописи, гимнография, духовные стихи и др. Рассматриваются некоторые черты поэтики названных апокрифов, обсуждается сопоставление паломничества в сакральные земли с монашеством.

Ключевые слова: Русь, Святая земля, рай, «райско-палестинский» текст, сказание, паломничество, путешествия к раю

Milena V. Rozhdestvenskaya

SOME FEATURES OF THE "PARADISE-PALESTINIAN TEXT" IN MEDIEVAL RUSSIAN LITERATURE

Abstract

This is a study of features of what can be called the "Paradise-Palestinian text" within the framework of the theme "Rus' and the Holy Land", "Rus' and Palestine". From this point of view, the article considers several well-known apocryphal "tales" about journeys to Paradise

---

¹ Статья написана в соответствии с госзаданием ИРЛИ РАН в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» в 2022 г.

in Old Russian translation — the journeys of Elder Agapius, of Macarius of Rome, and of Elder Zosima to the country of Rahmans (Brahmins), — and *The Tale of Twelve Fridays*. The article raises the question about the diversity of Old Russian written texts, such as journeys, chronicles, hymnography, spiritual verses, etc. It also considers some features of the poetics of these apocrypha and discusses the comparison of pilgrimage to sacred lands with monasticism.

Keywords: Rus', Holy Land, Paradise, "Paradise-Palestinian" text, legend, pilgrimage, journey to Paradise

DOI 10.31860/2712-7591-2022-41-51

В средневековой славянской книжности круг источников, связанных с изучением темы «Русь и Палестина», «Русь и Святая земля», широк — это, в первую очередь, «хождения / хождения», летописные известия, гимнография, литургические тексты, апокрифические сочинения. Особую группу составляют духовные стихи, отразившиеся как в письменной, так и в устной форме, в которых действуют герои ветхо- и новозаветной истории, разворачивающейся на земле Ближнего Востока, земле древней Палестины, — Богородица, Христос, апостолы, святые, архангелы и ангелы. Можно утверждать, что практически все жанры древнерусской книжности (в том числе и некоторые деловые записки и отчеты) связаны с библейской традицией, с богослужебной практикой, в каких бы формах они ни выражались. «Следует определить богослужение как моделирующий фактор культуры древней поры, — пишет А. Наумов, — а художественное мышление можно назвать мышлением богослужебным» [Наумов, с. 115]. Актуальность заявленной в статье темы обусловлена тем, что понятия «Святая земля», «Палестина», «рай», «паломничество» оставались предметом литературного интереса в России в течение последующих столетий [Гуминский; Александрова-Осокина 2014; 2018]. В соединении с древнерусскими памятниками описания путешествий паломников Нового времени образуют особый метатекст. При всей, казалось бы, в большей или меньшей степени изученности конкретных текстов ряд вопросов требует обсуждения. Во-первых, необходимо обобщить то, что было сделано предшественниками, и современные наблюдения над материалом, учитывая не только новые его интерпретации, но и, прежде всего, введенные в науку новые источники. Во-вторых, следует также выявить характер разнообразных историко-культурных и литературных связей Руси и Палестины и отделить мифологию от реальной истории. В свое время, изучая параллели между древнерусскими описаниями Святой земли и описаниями путешествий к раю в переводных апокрифических сочинениях, мы пришли к выводу о возможности выделить в древнерусской лите-

ратуре особый «райско-палестинский» текст, подобно тому как существуют «петербургский», «крымский», «московский» тексты [Рождественская]. В средневековых хождениях в палестинские пределы герои совершают реальное путешествие в Святую землю с благочестивой целью и по возвращении описывают его. Часто эти описания, начиная с наиболее раннего из известных нам «Хождения игумена Даниила» нач. XII в., совпадают с описаниями райского пространства в других сочинениях, преимущественно апокрифических, хотя сам рай в них не называется. Так, три древнерусских переводных «сказания» — о святом старце Агапии, о Макарии Римском и Сказание Зосимы о рахманах (брахманах) — занимают особое место в этом ряду. В работах недавно ушедшего В. В. Милькова на примере этих апокрифов и некоторых других «райских» текстов ставятся вопросы философско-богословского характера о природе земногорая, выделяются его разные концепты. Ученый писал: «„Хождение Агапия в рай“, „Хождение Зосимы к рахманам“ и „Житие Макария Римского“ давно уже объединены исследователями в единый сюжетно-тематический цикл по признаку общей для них веры в то, что рай существует непосредственно на земле» [Мильков 2016, с. 244; см. также: Мильков 1999; 2020]. Все три «сказания», как полагают, были переведены с греческого языка на южнославянской почве в X–XI вв. или в первый период развития древнерусской литературы, не позднее рубежа XII–XIII вв. В большинстве исследовательских работ и изданий они называются одинаково «сказаниями», хотя рукописная традиция их жанровых названий гораздо разнообразнее. «Сказание об отце нашем Агапии», например, могло называться «Хождение старца Агапия в рай», «Сказание о хождении...», «Житие и хождение...». Заметим, что в одних списках указывается на рассказ самого Агапия о случившемся, а в других название связано с рассказом автора о происшедшем с Агапием. В наиболее раннем из известных нам древнерусских списков — в Успенском сборнике рубежа XII–XIII вв. — апокриф имеет название «Съказание отца нашего Агапия чьсо ради оставляють роды и дома своя и жены и дѣти и възьмъше кръсть и идуць въ слѣдъ Господа якоже Еваангелие велить» [БЛДР, с. 338]. Здесь Агапий — сам автор «Сказания»; в конце долгого пути и пребывания в райском саду, удалившись от мирской суеты, он «вълѣзь въ хлѣвину сътвори молитву и съдъ написа чьтение се» [БЛДР, с. 346]. Когда он закончил писать, то к берегу приплыл корабль и Агапий отдал корабельщикам свое «сказание» с просьбой передать его патриарху Иерусалимскому, чтобы тот велел читать этот текст по всем церквям. В ряде других списков рассказ о путешествии старца в рай отдан переписчиками повествователю. Кроме «Сказания о рахманах», которое входило в состав «Александрии» —

древнерусского перевода греческого романа об Александре Македонском, — другие «сказания» — и «Сказание о Макарии Римском», и «Сказание отца нашего Агапия» — тесно связаны с житийной традицией. «Сказание о Макарии Римском» является частью Жития Макария, однако агиографический план повествования в нем не отражен, оно написано скорее в жанре хождения. «Сказание отца нашего Агапия», напротив, строится вначале по агиографическому канону, но вскоре автор оставляет его: Агапий, услышав во время молитвы голос свыше, выходит за монастырские стены, сюжет начинает разворачиваться по модели волшебной сказки, в которой, как и в житии, мотивирующую роль играет чудо. В конце повествователь снова обращается к агиографическому жанру, и кончина старца, побывавшего в райском саду и приобретшего дар чудотворения с помощью неубывающего хлеба как символа Причастия, описана в духе кончины уже не просто монаха, а святого. Таким образом, начало и конец этого текста объединены общей агиографической рамкой, внутри которой наблюдаются черты сказки, видения, поучения. В основе повествования лежит общий мотив смерти-воскресения. Так, старец Агапий, проживший в монастыре около 17 лет, уходит из монастырской жизни, словно бы умирает для нее, но при этом рождается для жизни вне монастыря, а возвратившись из рая в мир, обретя с помощью упомянутого «райского» хлеба дар чудотворения, он удаляется от городской суеты в некую «хлевину», где находит уединение в посте и молитвах. И в конце обретает там смерть снова как монах и будущий святой. Конечно, путешествие «в сторону рая» нельзя назвать паломничеством в строгом смысле слова, но то преображение, которое испытывает старец Агапий, причастившись чудесным хлебом и сладкой чистой водой, свидетельствует о близости этих явлений. О том, что «паломничество в своей богословской подоплке (...) выглядит сродни монашеству», писал А. В. Назаренко [Назаренко, с. 288]. Правда, старца Агапия считать паломником в строгом смысле слова нельзя — он идет «за Господом» не сознательно, но лишь подчиняется тайному голосу, желая получить ответ на свой вопрос, зачем люди оставляют свои семьи, дома, имущество и отправляются «вослед Господу». Агапий временно попадает в рай, который в апокрифе прямо не назван, но описывается теми же литературными средствами, что и Святая земля². Поэтому слово «паломничество» в данном случае весьма условно. Однако А. В. Назаренко в «Сказании отца нашего Агапия» усматривает «противопоставление монастырского *сидения* странничеству... наивно и буквально понятому как бесприютное перемещение в пространстве,

² Подробнее см.: [Рождественская].

весьма показательно иллюстрируя апокрифическую народную идею паломничества». Пути Господни, — пишет исследователь, — «оказываются ведущими не в монастырь, а из монастыря». Паломник, как и монах, считает А. В. Назаренко, «призван, словно по острию ножа, пройти между подстерегающими его соблазнами, каждый из которых способен уничтожить духовную пользу от паломничества» [Назаренко, с. 290]. О «Сказании об отце нашем Агапии», которое относится к так называемой парабиблейской литературе, существуют исследования относительно текстологической истории сохранившихся списков, соотношения греческого текста и его славянского перевода, а также архаических и фольклорных мотивов в нем [Хачатурян; Роре 1984—1985; Селиванова; Мильков 1999; Пенская 2017а; 2017b]. Однако полного текстологического анализа всех многочисленных списков не проводилось, как и в случае «Сказания о Макарии Римском». Более того, в настоящее время списки текста об Агапии тоже выявлены далеко не полностью. Напомню, что самый ранний известный нам восточнославянский список — в Успенском сборнике — датирован рубежом XII—XIII вв. «Сказание» было популярно также в старообрядческой среде, как и целый ряд других апокрифов, связанных не только с темой рая, но и с палестинской и иерусалимской темой в целом, например в составе сборников из многих территориальных собраний Древлехранилища им. В. И. Малышева в ИРЛИ РАН (Усть-Цилемском, Печорском, Пинежском, Карельском и др.). По нашим предварительным наблюдениям, только в собрании В. Н. Перетца содержатся 4 списка «Сна Богородицы», 3 списка «Хождения Богородицы по мукам», 4 списка «Иерусалимского свитка» («Епистолии о неделе»), 1 список «Сказания о крестном древе», 5 списков «Сказания о 12 пятницах», 7 списков «Георгиева мучения», 7 списков «Пророчества Исаяи-пророка», 7 списков «Слова Евсевия Александрийского о сошествии Иоанна Предтечи в ад», 1 список «Переписки Пилата с Тиверием кесарем», 2 списка «Видения апостола Павла». Есть и несколько списков «Сказания отца нашего Агапия», один из них — в собрании В. Н. Перетца, № 143, датируемый 1620-ми гг., отличается подробностями, которых нет в других списках. Сборник западнорусского происхождения, на что указывают языковые полонизмы. Сборник включает в основном апокрифы: «Сказание о 12 пятницах», «Слово об Аврааме», «Хождение Богородицы по мукам», «Сказание Афродитиана», «Сказание Анфилоху, како вниде в Русалим и рече: хочу видети веру христианскую и поганую, что есть»³. Все эти списки относятся к раз-

³ Сборник № 143 достоин особого рассмотрения, он содержит не только перечисленные апокрифы, но и другие тексты.

ному времени, в основном к XVI–XVIII вв. Не так давно «Сказанию отца нашего Агапия» была посвящена кандидатская диссертация Д. С. Пенской, в которой впервые предпринято комплексное исследование греческого текста Сказания в его взаимоотношении со славянской рукописной и литературной традициями [Пенская 2017b]. В работе проясняется степень апокрифичности «Сказания», что позволило исследовательнице вновь поставить вопрос о каноничности / неканоничности как с богословской, так и с научной точки зрения большого круга переводных текстов. Д. С. Пенской был представлен также экскурс в историю восточнохристианского монашества и практики описаний путешествий по пустыне в поисках некоего райского локуса или страны блаженства в византийской историко-культурной и литературной традиции. Автор диссертационного исследования сопоставила «Сказание об отце нашем Агапии» с упоминаемыми нами византийскими «райскими» текстами: Житием Макария Римского, Сказанием Зосимы о рахманах, рассказами Патермуфия из истории египетских монахов, Житием повара Ефросина, Житием Андрея Юродивого и др. Она показала, как под пером древнеславянского переводчика и древнерусского переписчика / переписчиков и редакторов исходный греческий текст «Сказания» прочитывается на иной культурной и литературной почве. Нельзя согласиться лишь с тем, что «Сказание отца нашего Агапия», по мнению Д. С. Пенской, представляет собой сказочный нарратив, поскольку, как уже упоминалось, оно одновременно включает в себя жанровые элементы хождения, волшебной сказки, мифа и легенды. Сопоставление автором диссертации «Сказания» с ирландским средневековым «Плаванием святого Брендана» обнаруживает в обоих текстах литературные параллели и общие мотивы, что, по мнению Д. С. Пенской, наводит на мысль о существовании контактов древних ирландцев с восточными христианами.

В «Сказании о Макарии Римском» путешествие трех палестинских монахов туда, где «небо сходится с землею», построено не только как путешествие в поисках рая, но и как хождение в Святую землю. Помимо общих топосов, описывающих трудность пути и райский локус, на это указывает то обстоятельство, что перед выходом в путь монахи идут поклониться святыням, словно попросить благословения у Господа на путешествие, как это было принято в паломнической практике. «И тоя нощи изидохом из монастыря отаи. Идохомъ въ Ерусалимъ дни 16 и поклонихомъся Божию гробу и честному кресту. Идохомъ въ святыи Вифлеомъ и поклонихомъся святыи пещерѣ, идѣже родися Христось, и видѣхомъ звѣзду и кладязь водный. Идохомъ дале 2 поприща, обрѣтохомъ мѣсто, идѣже ангели пояху „Слава в вышнихъ Богу“. И возвратихомъся, и взидохомъ на гору Елеонскую, идѣже

Христось взиде, и придохом въ Ерусалимъ, и створихом ту днии 12, ходяще по монастырем и молящеся Богу» [БЛДР, с. 322]. В «Сказании Зосимы о рахманах / брахманах» описывается некая утопическая страна блаженных, куда путь тоже непрост, полон препятствий. Эти сочинения, помимо объединяющего их «райско-палестинского» текста, связаны общим мотивом пути. Он представляет собой развернутую сюжетную канву, на которую «нанизываются» препятствия в виде диких зверей, морской бури, человеческих монстров, ледящего холода или обжигающей жары.

С христианским Востоком, хотя и не столь явно, связано и апокрифическое «Сказание о 12 пятницах», имеющее широкую древнеславянскую рукописную традицию начиная с XIII в. События, описываемые в нем, происходят в городе, который в разных древнеславянских списках называется по-разному (Шептаил, Шептал, Воспиталь, Шипел, Шеплал и др.). Город этот находится в земле Лаура (Лавра), «в западной стороне». Указание на запад свидетельствует о том, что сам автор, по-видимому, находится на востоке. Однако в некоторых южнославянских списках это город Драч (итальянский Дураццо). Полагаем, что возможно предположение о том, что события в «Сказании о 12 пятницах» происходят именно на христианском Востоке, так как основу сюжета составляет религиозный спор между христианином Тарасием (Тарсием) и иудеем Элевферием (Ельферием) — прение о вере. Спор этот выстроен по эпической модели [БЛДР, с. 242–247]. После того как жители города, среди которых были иудеи и христиане, чуть не убили друг друга из-за спора о том, чья вера лучше, спор решается поединком — религиозным диспутом между христианином Элевферием и иудеем Тарасием (Тарсием) при жестком условии, что побежденный примет веру победившего. Каждый для аргументации приводит примеры из текстов Ветхого и Нового Заветов. Мотив прения о вере в «Сказании о 12 пятницах» имеет четко выраженную эпическую структуру: выбор поединщиков, оговаривание условий, троекратное схождение сторон в споре, подмога со стороны проигрывающего — здесь эта подмога в лице сына иудея оказывается мнимой, так как сын переходит на сторону противника, — наконец, посрамление врага. Перечисленные структурные элементы отсылают не только к фольклорной, но и к летописной традиции, к рассказу под 992 г. о «юноше-кожемяке», к рассказу под 986 г. о выборе веры князем Владимиром Святославичем, в основе которых, несомненно, лежит устное предание, если иметь в виду не конкретные события, а построение сюжета. Подобное прение о вере мы встречаем также и под 6855 (1347) годом в летописях: Карамзинской, летописи Авраамки, Софийской Первой, Новгородской первой младшего извода, — где читается рассказ о том, как Магнуш, «король свейский»,

присылает неких чернецов в Новгород с предложением, чтобы новгородцы прислали «на съезд» своих «философов», а Магнуш пришлет своих, и они «поговорят о вере». Если шведские философы убедят новгородцев, что их вера лучше, то новгородцы должны признать их правоту, принять их веру и объединиться со шведами. А если лучшей верой в этом споре-диспуте будет признана вера новгородцев, то Магнуш вынужден будет принять ее и признать их правоту. Эпический мотив богословского спора-поединка реализован также в апокрифе «Сказание о 12 пятницах», правда, с той разницей, что в летописных текстах он служит лишь поводом для политических действий и отношений. В последние годы на примере описания и анализа многочисленных списков из сборников, хранящихся в Древлехранилище им. В. И. Малышева в ИРЛИ РАН, С. В. Ивановым была тщательно изучена рукописная история «Сказания о 12 пятницах» [Иванов]. Напомним, что уже А. Н. Веселовский, который писал о значении пятничного дня недели и его связи с народным культом Параскевы Пятницы в русской духовной культуре, приводя при этом широкие западноевропейские литературные параллели, указывал на существование двух основных редакций этого «Сказания» — Климентовскую и Элевфериевскую [Веселовский]. С. В. Ивановым были расширены и уточнены некоторые положения ученого. А. А. Панченко в ранней своей статье на близкую тему отметил, что «кроме разнообразных обрядов и поверий, относящихся к культу св. Параскевы, в России была распространена группа фольклорных текстов о почитании пятничного дня» [Панченко, с. 110]. И первым в этой группе автор упоминает апокрифическое «Сказание о 12 пятницах». Согласиться с характеристикой апокрифа как преимущественно фольклорного текста, на первый взгляд, не представляется возможным, так как он активно функционировал в древнерусской письменной традиции и в целом ею порожден. Хорошо известны бытовавшие в разных славянских областях устные варианты духовного стиха «о 12 пятницах», причем в основном они представляют ту часть письменного «Сказания», в которой перечисляются и объясняются каждый из 12 «именных» или «временных» пятничных дней годового цикла. Перечень этих дней представлен в разной последовательности в зависимости от того, шел счет по мартовскому или сентябрьскому календарю. В эти пятницы христианам полагается особо строгий пост. Литературное «Сказание о 12 пятницах», ставшее источником устной традиции, связано с объяснением и семантикой христианского поста. Главное ядро сюжета «Сказания» — испытание, а не самопрение о вере, потому что спор о ней подразумевает веру, уже избранную народом. Ее истинность надо только подкрепить примерами и ссылками на Священное Писание. Отсюда и появляется дидактическая тема пользы по-

ста. Связанная с письменной традицией учительско-назидательной литературы, душеполезного чтения, она переключает весь предшествующий текст «Сказания о 12 пятницах» в иной семантический план.

Итак, тема историко-литературных связей Руси и Палестины, «райско-палестинского» текста в виде жанра хождений в Святую землю и апокрифических сочинений о путешествиях к раю, тема иудейско-христианской полемики, разнообразна в своих источниках и требует более подробного исследования не только на уровне выявления общих мотивов и сюжетной организации, но и, прежде всего, строгого текстологического и источниковедческого анализа разных в жанровом отношении текстов.

Литература

- Александрова-Осокина 2014 — Александрова-Осокина О. Н. Паломническое путешествие в русской литературе 1800–1860-х гг.: русский образ Святой земли. Хабаровск: Изд-во Дальневост. гос. гуманитар. ун-та, 2014. 275 с.
- Александрова-Осокина 2018 — Александрова-Осокина О. Н. Паломническая проза 1800–1860-х гг.: Священное пространство, история, человек. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2018. 432 с.
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2004. Т. 3: XI–XII века. 414 с.
- Веселовский — Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. 178. Апрель. С. 283–331; Ч. 179. Май. С. 48–130; 1876. Ч. 183. Февраль. С. 241–288; Ч. 184. Март. С. 50–116; Ч. 185. Июнь. С. 326–367; 1877. Ч. 189. Февраль. С. 186–252; Ч. 191. Май. С. 76–125.
- Гуминский — Гуминский В. М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория Традиции: христианство и русская словесность: Кол. монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 59–97.
- Иванов — Иванов С. В. «Сказание о 12 пятницах» в рукописях ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2011. СПб.: Наука, 2012. С. 34–70.
- Мильков 1999 — Мильков В. В. Апокрифы на Руси: история бытования // Древнерусские апокрифы. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та, 1999. С. 15–78. (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты).
- Мильков 2016 — Мильков В. В. Концепт земногорая в памятниках древнерусской письменности // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 241–276.
- Мильков 2020 — Мильков В. В. Земной рай в религиозных представлениях Древней Руси // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. P. 19–35.
- Назаренко — Назаренко А. В. У истоков русского паломничества (исторические, богословские, дисциплинарные и правовые аспекты) // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 284–297. (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год).

- Наумов — *Наумов А. С.* Кирилл Туровский и Священное Писание // *Philologia Slavica: К 70-летию акад. Н. И. Толстого*. М.: Наука, 1993. С. 114–123.
- Панченко — *Панченко А. А.* Русский культ св. Параскевы Пятницы и почитаемые камни Новгородской земли // *Дивинец Староладожский: Междисциплинарные исследования*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1997. С. 107–119.
- Пенская 2017а — *Пенская Д. С.* Византийское «Сказание отца нашего Агапия»: греческий текст и славянский перевод // *Slověne = Словѣне*. 2017. № 2. С. 101–136.
- Пенская 2017б — *Пенская Д. С.* Греческое «Сказание отца нашего Агапия»: богословский диспут в сказочном нарративе: Дис. ... канд. культурологии. М., 2017. 379 с.
- Рождественская — *Рождественская М. В.* Реальное и мнимое (о «райско-палестинском тексте» в древнерусской литературе) // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2003 год: Материалы и исследования: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М.: Восточная литература, 2005. С. 209–231.
- Селиванова — *Селиванова С. В.* Проблемы фольклорной основы литературного текста: Апокриф «Сказание отца нашего Агапия»: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 224 с.
- Хачатурян — *Хачатурян В. М.* Русские редакции эсхатологических апокрифов (кон. XV — XVIII в.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 346 с.
- Pope 1983 — *Pope R. W. F.* On the Fate of Utopian Apocryphal Apocalypses among the South and East Slavs: The Narration of Our Father Agapius // *Canadian Slavonic Papers*. 1983. Vol. 25, № 1. P. 1–12.
- Pope 1984—1985 — *Pope R.* The Greek Text of the "Narration of Our Father Agapius the Syrian" // *Cyrrillomethodianum*. 1984–1985. № 8–9. P. 233–260.

References

- Aleksandrova-Osokina, O. N. (2014). *Palomnicheskoe puteshestvie v russkoi literature 1800—1860-kh godov: russkii obraz Svyatoi zemli*. Khabarovsk: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 275 p.
- Aleksandrova-Osokina, O. N. (2018). *Palomnicheskaya proza 1800—1860-kh godov: Svyashchennoe prostranstvo, istoriya, chelovek*. 3-e izd. Moscow: Flinta: Nauka, 432 p.
- Biblioteka literatury Drevnei Rusi* (2004). Saint Petersburg: Nauka. Vol. 3: 11–17 veka, 414 p.
- Guminskii, V. M. (2009). 'Palomnicheskaya traditsiya v russkoi literature puteshestvii', in: *Teoriya Traditsii: khristianstvo i russkaya slovesnost': Kollektivnaya monografiya*. Izhevsk: Izdatel'stvo "Udmurtskii universitet", 59–97.
- Ivanov, S. V. (2012). "'Skazanie o 12 pyatnitsakh" v rukopisyakh Instituta russkoi literatury Rossiiskoi akademii nauk (Pushkinskogo Doma)', in: *Trudy Ob"edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu*. 2011. Saint Petersburg: Nauka, 34–70.
- Khachaturyan, V. M. (1984). *Russkie redaktsii eskhatalogicheskikh apokrifov (konets 15 — 18 veka): Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Moscow, 346 p.
- Mil'kov, V. V. (1999). 'Apokrify na Rusi: istoriya bytovaniya', in: *Drevnerusskie apokrify*. Moscow: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 15–78. (Pamyatniki drevnerusskoi mysli: issledovaniya i teksty).

- Mil'kov, V. V. (2016). 'Kontsept zemnogo raya v pamyatnikakh drevnerusskoi pis'mennosti', *Khristianskoe chtenie*, 6, 241–276.
- Mil'kov, V. V. (2020). 'Zemnoi rai v religioznykh predstavleniyakh Drevnei Rusi', *Quaestio Rossica*. Vol. 8, 1, 19–35.
- Naumov, A. (1993). 'Svyatoi Kirill Turovskii i Svyashchennoe Pisanie', in: *Philologia Slavica: K 70-letiyu akademika N. I. Tolstogo*. Moscow: Nauka, 114–123.
- Nazarenko, A. V. (2009). 'U istokov russkogo palomnichestva (istoricheskie, bogoslovskie, distsiplinarne i pravovye aspekty)', in: Nazarenko, A. V. *Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskie issledovaniya)*. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 284–297. (Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2007 god).
- Panchenko, A. A. (1997). 'Russkii kul't svyatoi Paraskevyy Pyatnitsy i pochitaemye kamni Novgorodskoi zemli', in: *Divinets Staroladozhskii: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 107–119.
- Penskaya, D. S. (2017). *Grecheskoe "Skazanie ottsa nashego Agapiya": bogoslovskii disput v skazochnom narrative: Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kulturologii*. Moscow, 379 p.
- Penskaya, D. S. (2017). 'Vizantiiskoe "Skazanie ottsa nashego Agapiya": grecheskii tekst i slavyanskii perevod', *Slověne*, 2, 101–136.
- Pope, R. W. F. (1983). 'On the Fate of Utopian Apocryphal Apocalypses among the South and East Slavs: The Narration of Our Father Agapius', *Canadian Slavonic Papers*, Vol. 25, 1, 1–12.
- Pope, R. (1984–1985). 'The Greek Text of the "Narration of Our Father Agapius the Syrian"', *Cyrrillomethodianum*, 8–9, 233–260.
- Rozhdestvenskaya, M. V. (2005). 'Real'noe i mnimoe (o "raisko-palestinskom tekste" v drevnerusskoi literature)', in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2003 god: Materialy i issledovaniya: Mnimye real'nosti v antichnykh i srednevekovykh tekstakh*. Moscow: Vostochnaya literatura, 209–231.
- Selivanova, S. V. (1992). *Problemy folklornoi osnovy literaturnogo teksta: Apokrif "Skazanie ottsa nashego Agapiya": Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Saint Petersburg, 224 p.
- Veselovskii, A. N. (1875–1877). 'Opyty po istorii razvitiya khristianskoi legendy', *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Vol. 178, April', 283–331; Vol. 179, May, 48–130; Vol. 183, Fevral', 241–288; Vol. 184, Mart, 50–116; Vol. 185, Iyun', 326–367; Vol. 189, Fevral', 186–252; Vol. 191, Mai, 76–125.

В. А. Лукина, В. И. Симанков

«МОЛИТВА ОБ ОЛЬГЕ ПРЕКРАСНОЙ»
В ПУШКИНСКОМ «СОВРЕМЕННОМ»
(К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ)

Резюме

Стихотворный отдел пушкинского «Современника» (1836) неоднократно становился объектом исследования с точки зрения атрибуций. Между тем существует одно анонимное сочинение, которое до сих пор не получило надежной авторской привязки, а именно «Молитва об Ольге Прекрасной», помещенная в 4-й книжке журнала за 1836 г. Несмотря на усилия ряда исследователей атрибутировать «Молитву» А. Н. Муравьеву, а также С. П. Шевыреву, вопрос об авторстве стихотворения по-прежнему остается открытым. В статье предпринимается попытка внести окончательную ясность в данный вопрос. Из обнаруженного в РГАЛИ письма княгини О. А. Долгоруковой к князю П. А. Вяземскому за 1836 г. недвусмысленно вытекает, что подлинным автором стихотворной «Молитвы» в пушкинском «Современнике» следует считать князя Вяземского, а ее адресатом — княгиню Долгорукову. Это, в свою очередь, объясняет, почему именно княгиня Долгорукова фигурирует под именем «Ольги Прекрасной» в переписке Вяземского и его корреспондентов.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. Я. Булгаков, О. А. Долгорукова, А. Н. Муравьев, «Современник», атрибуция

Valentina A. Lukina, Vitaliy I. Simankov

“A PRAYER FOR OLGA THE BEAUTIFUL”: AN INQUIRY INTO THE AUTHORSHIP OF AN ANONYMOUS POEM IN PUSHKIN’S JOURNAL *SOVREMENNİK* (1836)

Abstract

The poetry section of *Sovremennik*, a journal edited by Alexander Pushkin in 1836, has been thoroughly reviewed and studied by many scholars in efforts to establish the authorship of the texts published there. Nevertheless, the origin of the anonymous poem titled “A Prayer for Olga the Beautiful” (*Sovremennik*, 1836, Pt. IV) remains an enigma. Some experts believe that it was written by Andrey Muravyov, while others tentatively acknowledge Stepan Shevryov as its author. The present article argues that the true authorship can be established with the help of a letter in the collection of the Russian State Archive of Literature and Art in Moscow. The letter, written by Princess Olga Dolgoruky to Prince Pyotr Viazemsky in October 1836, makes it very clear that Viazemsky penned the poetic “Prayer” for Olga Dolgoruky, when she fell sick abroad. This, in turn, explains why Viazemsky’s circle of friends extensively used “Olga the Beautiful” as a term of endearment for Olga Dolgoruky in the late 1830s and early 1840s.

Keywords: Alexander S. Pushkin, Pyotr A. Viazemsky, Alexander Ya. Bulgakov, Olga A. Dolgoruky, Andrey N. Muravyov, journal *Sovremennik*, authorship problems

DOI 10.31860/2712-7591-2022-52-67

Стихотворный отдел «Современника» (1836) неоднократно становился объектом исследования с точки зрения атрибуций и кажется уже изученным вдоль и поперек. Между тем на страницах пушкинского журнала можно выявить одно стихотворение, так и оставшееся без надежной авторской привязки. Речь идет о стихах, напечатанных без подписи в 4-й книжке «Современника» за 1836 г. под названием «Молитва об Ольге Прекрасной» [Молитва].

Вопрос об авторстве этого стихотворения был сформулирован еще Я. К. Гротом, составителем первого указателя к журналу «Современник» за 1836–1845 гг. В письме от 15 августа 1845 г. Грот спрашивал у П. А. Плетнева: «Чья „Молитва об Ольге Прекрасной“?» — однако ответа на свой вопрос так и не получил [Грот 1896, с. 521, 526], и в указатель стихотворение попало в раздел «Без подписи» [Грот 1846, с. 79]. Вопрос об авторстве не нашел решения и ко времени составления указателя Е. И. Рыскина¹.

---

¹ «Ни автор этого стихотворения, ни лицо, о котором идет в нем речь („Ольга Прекрасная“), не известны» [Рыскин, с. 62].

Лишь в 1987 г. М. И. Гиллельсон выдвинул предположение о том, что автором анонимной «Молитвы» был, вероятно, А. Н. Муравьев и что адресатом стихотворения являлась княгиня З. А. Волконская [Гиллельсон, с. 183]². По мнению Гиллельсона, все это недвусмысленно следует из воспоминаний самого Муравьева:

Общим центром для литераторов и вообще любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи служил тогда блестящий дом княгини Зинаиды Волконской (...). Она писала и прозой, и стихами, одушевленная чувством патриотизма, который не оставлял ее даже и тогда, как, изменив вере отеческой, поселилась в Риме. Предметом же своей поэмы избрала она св. Ольгу, так как в ее жилах текла кровь Рюрикова и род Белосельских особенно благоговел пред сею великою просветительницею Руси. (У них в доме даже хранилась древняя ее икона, писанная, по семейному преданию, живописцем императора Константина Багрянородного, в то самое время, когда крестилась Ольга в Царьграде.) [Муравьев 1871, с. 11–12].

Нетрудно заметить, что из процитированного Гиллельсоном источника следует только то, что Муравьев был, возможно, знаком с княгиней Волконской и некогда посещал ее московский салон. В воспоминаниях Муравьева нет ни слова о том, что он написал «Молитву» и посвятил ее княгине Волконской. Да, Муравьев мимоходом говорит о том, что Волконская избрала св. Ольгу предметом своей поэтической повести «Сказание об Ольге»³, однако какое отношение это имеет к предположению о том, что Муравьев является автором стихотворения в «Современнике»? «Косвенным подтверждением авторства Муравьева, — говорит Гиллельсон, — служит его стихотворение на сходную тему „Певец и Ольга“ (1826), посвященное З. А. Волконской» [Гиллельсон, с. 183]⁴. Спору нет, в русской словесности можно отыскать немало сочинений о княгине Ольге, и нет ничего удивитель-

² Ср. также: [Хохлова 2001а, с. 22; 2001b, с. 89, 165; 2007, с. 251]. Мимоходом заметим, что в печати пушкинской поры можно отыскать по меньшей мере одно стихотворение А. Н. Муравьева, которое до сих пор оставалось не идентифицированным, — «Храм» («Сокрытый в сердце одиноком...»), — опубликованное за подписью «->>->» [Муравьев 1835а]. Ср. аналогичный криптоним под другим сочинением, достоверно принадлежащим Муравьеву: [Муравьев 1835b].

³ См.: [Волконская 1836а; 1836b]. См. также: [Волконская 1865].

⁴ Предположение об авторстве Муравьева оспорил в свое время С. С. Ланда, посчитавший его «недостаточно убедительным»: «Нет никаких сведений о контактах Муравьева с уехавшей в Италию З. Волконской. Помимо того, Муравьев, с его сильно выраженным интересом к православию, вряд ли мог испытывать какую-либо симпатию к впавшей в „латинскую ересь“ Волконской» [Ланда, с. 235]. Справедливо заметив, что «стихотворение слишком конкретно по своему содержанию», Ланда тем не менее вслед за Гиллельсоном считает адресатом «Молитвы» Зинаиду Волконскую и ошибочно ищет автора «в кругу лиц, поддерживавших дружеское общение» с княгиней, указывая на С. П. Шевырева как на возможного кандидата [Ланда, с. 235].

ного в том, что между ними могут обнаружиться разнообразные переключки, в том числе на уровне посвящений, однако к «Молитве», напечатанной в «Современнике», все эти соображения не имеют никакого отношения хотя бы потому, что адресатом рассматриваемого стихотворения была не княгиня Ольга и не княгиня Волконская, но совершенно иное лицо. Чтобы убедиться в этом, достаточно просто прочесть стихотворение.

Молитва об Ольге Прекрасной

Странников дальних ангел-хранитель,
Добрый наставник душ и телес!
Будь ей в чужбину путеводитель!
Там, где целебно с теплых небес,
Вечно блестящих ярким сапфиром,
Сходит на землю благодать Творца,
Скорби врачаю здравьем и миром
И обновляя жизнью сердца!

Там ли, где льется Рейн изумрудом
В тесной оправе сжавшихся гор,
Быстро сменяясь чудо за чудом,
Замок за замком радуют взор;
Там ли, где ясно в море зеркальном,
Раю подобный смотрится юг:
В странствии трудном, в плавании дальном,
Будь ей заступник, пестун и друг!

Там, где природа юной красую,
Прелестью стройной пышно цветет,
Странницу нашу встретят родною,
Милой сестрою всё назовет.
Радости наши в жертву приносим:
Жертва будь наша, радости ей!
Ангел-хранитель! только и просим:
Здравия чашу в грудь ей пролей!

Ангел разлуки! в день этот черный,
В туче угасший с нашей звездой,
Не унывая, с грустью покорной
В утро свиданья верим душой:
Верим, что скоро ангел возврата,
Празднуя с нами радостный час,
Примет в объятья милого брата
С милым залогом, взятым от нас!

Кто же такая Ольга Прекрасная? Почему, обращаясь к ней, автор «Молитвы» говорит о земле, «где льется Рейн изумрудом»? На наш взгляд, под именем Ольги Прекрасной, вольно или невольно напоминаящим об одноименной опере Сергея Глинки [Глинка], подразумевается княгиня Ольга Александровна Долгорукова (1814—1865), младшая дочь московского почт-директора А. Я. Булгакова⁵, отправившаяся в августе 1836 г. в длительное путешествие за границу⁶.

Достоверно известно, что Ольгой Прекрасной называл княгиню О. А. Долгорукову князь П. А. Вяземский. Так, в письме к А. Я. Булгакову от 29 марта 1837 г. Вяземский сообщал: «Я получил сегодня милое письмо от милой Ольги прекрасной. Оно от 26 / 14 марта и порадовало меня известием, que la santé et l'humeur vont mieux⁷. Она просит у меня подробностей об истории Пушкина. Послал ли ты ей, хоть в извлечении, мое письмо к тебе?⁸ А не то я пошлю от себя. Только отвечай поскорее. Мои глаза не велят писать. Прости. Обнимаю»⁹. В бумагах князя П. А. Вяземского сохранилось несколько писем княгини О. А. Долгоруковой¹⁰, в том числе и упомянутое письмо «от 26 / 14 марта» 1837 г. — последнее было напечатано в выдержках, касающихся смерти Пушкина¹¹, однако фрагмент, в котором Долгорукова пишет о том, что ее здоровье пошло на поправку, в публикации отсутствует¹².

Что касается ответных писем князя Вяземского к Долгоруковой, то по меньшей мере одно из них — от 7 (19) апреля 1837 г., являющееся откликом на только что упомянутое письмо княгини от 14 (26) марта того же года, —

⁵ Подробнее о княгине О. А. Долгоруковой см.: [Черейский, с. 144].

⁶ Хронология заграничного путешествия О. А. Долгоруковой реконструируется на основе ее писем к отцу за 1836–1839 гг.: НИОР РГБ. Ф. 41 (Булгаковы). Карт. 79. № 18–32.

⁷ что здоровье и расположение духа улучшаются (*фр.*).

⁸ Вероятно, имеется в виду письмо П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову от 5 февраля 1837 г., заключающее в себе подробнейший отчет о поединке и кончине Пушкина. См.: [Вяземский 1879а, с. 243–247].

⁹ РГАЛИ. Ф. 79 (Булгаковы). Оп. 1. № 32. Л. 133. Впервые: [Новые материалы, с. 231].

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 3. № 30. Здесь хранятся четыре письма княгини О. А. Долгоруковой (все — на французском языке): 1) от 6 (?) октября 1836 г. (Берлин); 2) от 7 (19) февраля 1837 г. (Баден-Баден); 3) от 14 (26) марта 1837 г. (Баден-Баден); 4) от 14 сентября 1839 г. (Франкфурт).

¹¹ Фрагменты из письма О. А. Долгоруковой к П. А. Вяземскому от 14 (26) марта 1837 г., отправленного из Баден-Бадена, опубликованы в русском переводе: [Пушкин в неизданной переписке, с. 143–144] (публикаторы и авторы комментария: К. П. Богаевская и Т. Г. Цявловская).

¹² Ср. начало постскриптума: «J'oubliais toutefois de vous dire un mot sur ma santé. Elle est depuis quelque temps meilleure ainsi que l'humeur» («Однако я забыла написать Вам пару слов о своем здоровье. С некоторых пор оно лучше, как и расположение духа» — *фр.*) (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 3. № 30. Л. 5 об.).

было обнаружено М. К. Светловой «при разборке поступившего в Центр-архив (тогда Главархив) в 1919 г., вместе с архивом Колычевых-Соллогуб, фонда Александры Александровны Львовой, урожд. кн. Долгоруковой, родной внучки А. Я. Булгакова» [Новые материалы, с. 223]¹³. Указанное письмо к О. А. Долгоруковой от 7 (19) апреля 1837 г., написанное по-французски, примечательно с двух точек зрения.

Во-первых, из него можно заключить, что Вяземский был в весьма доверительных отношениях с молодой княгиней, поскольку при письме своем он переписывает и отправляет «стихи Пушкина, найденные в его бумагах со многими другими». «Они очень трогательны, — замечает Вяземский, — и, может быть, они последние, вылившиеся из-под его пера» [Новые материалы, с. 231]. К сожалению, письмо Вяземского было найдено без приложения, и потому невозможно с полной определенностью сказать, о каких именно стихах шла речь.

Во-вторых, в ответном письме Вяземский раскрывает подробности о своем пошатнувшемся здоровье: «Я все болен. Если вы запрещаете мне говорить с вами о ваших глазах, позвольте мне, по крайней мере, побеседовать с вами о моих. В результате 3-х гриппов, перенесенных мною, один за другим, у меня осталась нервная слабость глаз, которая мешает мне заниматься, и я с трудом пишу вам. С трудом и вы меня прочтете, так как мой почерк должен быть более чем когда-либо неразборчив. Я хотел бы этою весною поехать на какие-нибудь воды, но получить разрешение переплыть море так же трудно, как его выпить, и я еще не знаю, на что решусь». И тут же добавляет: «Помолитесь за меня, который молился за вас» [Новые материалы, с. 231–232]. Это прибавление Вяземского весьма знаменательно; оно, на наш взгляд, позволяет довольно уверенно предположить, что «Молитва об Ольге Прекрасной», напечатанная в 4-м томе «Современника» за 1836 г., есть стихотворная молитва князя П. А. Вяземского о здравии княгини О. А. Долгоруковой¹⁴.

---

¹³ Настоящее местонахождение письма Вяземского к Долгоруковой неизвестно: основной фонд А. А. Львовой ныне хранится в ЦГАМ (Ф. 1341), однако искомого письма там не обнаружено, как и каких-либо иных писем Вяземского к Долгоруковой (здесь, тем не менее, имеется брошюра «Пять стихотворений князя П. А. Вяземского» (СПб., 1858) с дарственной надписью автора Долгоруковой); часть архива Львовой хранится также в РГАДА (Ф. 1468. Оп. 2. Ч. 2), но и там нет следов интересующей нас корреспонденции.

¹⁴ Вяземскому принадлежит целый ряд стихотворений, в названии которых представлено слово «молитва». См., например, стихотворения 1840 и 1850 гг. соответственно: 1) Молитва («Бывают дни, когда молиться так легко...»); 2) Молитва. (Княгине Вере Аркадьевне Голицыной) («И каждый день, и каждый час...») [Вяземский 1878–1896, т. 4, с. 242–243, 356].

Наконец, приведем еще один примечательный пассаж из уже процитированного письма Вяземского к Долгоруковой от 7 (19) апреля 1837 г.: «Вот копия моего письма вашему отцу. Вы найдете там отчет о последних днях нашего несчастного друга (А. С. Пушкина. — *В. Л., В. С.*). Впрочем, вы сможете узнать все подробности события, как только его высочество великий князь Михаил будет с вами. Я знаю, что у него есть официальное донесение, и довольно полное» [Новые материалы, с. 231]. Этот пассаж напрямую перекликается со следующим отрывком из более раннего письма Вяземского к А. Я. Булгакову от 27 января 1837 г.: «Вчера на бале у гр. Разумовской Ее Высочество Елена Павловна говорила мне о стихах Ольге Прекрасной и о ней самой, прибавя, что по последним известиям Великого Князя здоровье Ольги Прекрасной поправляется»¹⁵. О чем здесь идет речь?

По мнению И. Т. Трофимова, впервые опубликовавшего приведенный фрагмент из письма к Булгакову, Вяземский подразумевает здесь свои стихи, «посвященные Ольге Николаевне — дочери царя» [Трофимов, с. 104]¹⁶. Этот вывод, на наш взгляд, явно несостоятелен, поскольку основывается на неверной контекстуализации подробностей из письма Вяземского, а также предполагает существование какого-то стихотворения 1836–1837 гг., обращенного князем к четырнадцатилетней великой княжне Ольге Николаевне, о существовании которого ничего не известно¹⁷. На самом деле речь в письме идет о том, что 26 января 1837 г. на бале у графини Разумовской великая княгиня Елена Павловна завела разговор с Вяземским «о стихах Ольге Прекрасной», то есть о «Молитве», месяц назад напечатанной в «Современнике»¹⁸, и «о ней самой», то есть об О. А. Долгоруковой, прибавив, что «по последним известиям Великого Князя», то есть Михаила Павловича,

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 79 (Булгаковы). Оп. 1. № 32. Л. 116.

¹⁶ Архивный шифр, указанный в книге, приведен с неточностью в номере единицы хранения.

¹⁷ Насколько можно судить, у Вяземского есть только одно опубликованное при жизни стихотворение, посвященное Ольге Николаевне, однако оно очень позднее (под стихотворением указано: «Май. 1875. Эмс»). См.: Ее величеству королеве Ольге Николаевне («Из родника воспоминаний...») [Вяземский 1875]. По словам Я. Березина-Ширяева, «эта брошюра издана в малом количестве экземпляров и не поступала в продажу» [Березин-Ширяев, с. 157]. Один из сохранившихся экземпляров: НИОР РГБ. Ф. 83 (Вяземские). Карт. 1. № 6. В «Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского» [Вяземский 1878–1896, т. 12] это стихотворение не вошло. См. также: [Хрущов, с. 237–238]. Ср. также стихотворение, оставшееся в рукописи: «Шутка (Вел. кн. Ольга Николаевна)» [Вяземский 2022, с. 152].

¹⁸ Когда вышла в свет 4-я книжка «Современника», достоверно неизвестно — соответствующие сведения в газетах до сих пор не обнаружены. Отталкиваясь от даты цензурного разрешения — «11 ноября 1836», — некоторые исследователи полагали, что книжка вышла во второй половине ноября — декабре 1836 г., однако уникальный экземпляр журнала, обнаруженный в 1950-е гг. в библиотеке Ленинградского государственного университета, позволил уточнить эти

«здоровье Ольги Прекрасной поправляется». Теперь проясняются и слова Вяземского о том, что Долгорукова сможет «узнать все подробности события, как только его высочество великий князь Михаил будет с вами. Я знаю, что у него есть официальное донесение, и довольно полное». Из данного фрагмента следует, что великий князь Михаил Павлович, находившийся о ту пору на лечении в Баден-Бадене, располагал самыми подробными сведениями о смерти Пушкина, полученными, вероятнее всего, от самого Вяземского [ср.: Вяземский 1879b], и что княгиня Долгорукова, также находившаяся в Баден-Бадене, могла узнать все подробности о дуэли при встрече с ним.

Память о княгине О. А. Долгоруковой как об «Ольге Прекрасной» хранится и в других письмах Вяземского. Так, свое послание к А. И. Тургеневу от 26 февраля 1838 г. князь заключает следующей припиской: «При сем письма: Жуковского, княгине Голицыной, Лизе Пашковой, в редакцию „Archives du commerce“, картинка и обратно твое письмо, росписка и наконец сто губоприкладств к ручке Ольги прекрасной» [Остафьевский архив, т. 4, с. 27]¹⁹. Примечательно, что Вяземскому не было нужды растолковывать своему корреспонденту, кому именно причитались «сто губоприкладств». Очевидно, Тургенев был вполне осведомлен не только о том, к кому было обращено напечатанное в «Современнике» стихотворение, но и о том, кто являлся его автором. Неудивительно поэтому, что Тургенев и сам прибегает к той же номинации, бегло упоминая о княгине Долгоруковой в своей записке к А. Я. Булгакову от 1843 г.: «И об Ольге прекрасной де Арлинкура не читал еще» [Письма Тургенева, с. 260]²⁰. Здесь имеется в виду вышедшая незадолго до того книга Виктора д'Арленкура «Паломник. Полярная звезда» (1843), в которой был помещен мадригал княгине О. А. Долгоруковой²¹.

данные, так как на его титульном листе содержится резолюция цензурного комитета о возможности «выдать билет», датированная 22 декабря 1836 г. [Фокин, с. 124].

¹⁹ В феврале 1838 г. О. А. Долгорукова, судя по ее письмам к отцу (НИОР РГБ. Ф. 41 (Булгаковы). Карт. 79. № 24), находилась в Париже — там же находился и Тургенев.

²⁰ Ср. также записку Тургенева к А. Я. Булгакову от 1837 г.: «Какое здоровье твоей красавицы Баденской?» [Письма Тургенева, с. 213]. По мнению А. А. Сабурова, публикатора записки, здесь имеется в виду Е. А. Соломирская [Письма Тургенева, с. 332], что едва ли верно, ибо в 1837 г. в Баден-Бадене находилась именно Ольга, а не ее старшая сестра Екатерина (в замужестве Соломирская), проживавшая в это время в России.

²¹ «La princesse Olga (Dolgorouky. — В. Л., В. С.), me présentant un album au moment où j'allais remonter en voiture: „Quelques mots ici!.. — me dit-elle. — Peut-être y ai-je quelques droits; car non seulement j'ai lu *le Pèlerin*, mais encore je l'ai reçu“. Je pris la plume, et j'écrivis: „Votre art est celui de charmer; / Qu'on vous approche, on vous admire! / On peut même oser vous aimer; / Mais comment oser vous le dire!“» («Я уже готов был сесть в коляску, как вдруг княгиня Ольга (Долгорукова. — В. Л., В. С.) вручила мне альбом. „Оставьте здесь несколько слов!.. — сказала она. — Возможно, у меня есть на то некоторое право; ибо я не только прочла ‘Паломника’, но даже приняла его

С этой новинкой был знаком и князь Вяземский, о чем свидетельствует его письмо к А. И. Тургеневу от 19 марта 1843 г.: «Вчера получил я от Толстого книгу d'Arlicourt о России. Пустоцветно и пустословно, по крайней мере по первому беглому взгляду, но, кажется, всё мадригально; есть и мадригал кн. Ольге Долгоруковой и даже мадригал Гречу, conseiller d'état actuel (действительному статскому советнику — *фр.*)» [Остафьевский архив, т. 4, с. 228].

Все рассуждения и наблюдения об авторстве и адресате «Молитвы», приведенные выше, были построены нами на анализе косвенных данных, почерпнутых преимущественно из печатных источников. Скептики, разумеется, вправе возразить: а что если это совпадение? мало ли на свете особ по имени Ольга? не отыщутся ли в архивах какие-либо документы, которые позволят опровергнуть предполагаемое авторство Вяземского? Чтобы рассеять последние сомнения в состоятельности нашей гипотезы и поставить финальную точку в истории с «Молитвой», приведем здесь фрагмент из ранее не публиковавшегося письма Долгоруковой к Вяземскому от 6 (?) октября 1836 г. (письмо отправлено из Берлина):

Papa m'a fait parvenir vos charmans vers, mon aimable prince. Je vous remercie beaucoup et pour vos vœux et pour votre souvenir. — Vous me provoquez à une correspondance, cela n'est pas très généreux de votre part, car je ne suis ni une Sapho ni une Mad. Sévigné. L'avantage sera donc toujours de votre côté, en revanche le plaisir sera du mien. Savez-vous que la prose ajoutée au bas de vos vers m'a fait plus de plaisir. Vous autres poètes avez votre imagination vive et brillante (je n'ose pas dire causerie) vous savez singulièrement embellir vos sujets et quand je pense que c'est le p(rin)ce Pierre Viasemsky qui parle et que c'est à une femme qu'il s'adresse, je ne sais en vérité pas si je dois trop me pavaner de vos vers. Ce n'est pas le cas avec votre prose: j'y trouve les sentiments d'un bon et ancien ami de toute notre maison et je prends au sérieux tout ce que vous me dites. Je crois bien sincèrement à votre prose et vous paye d'un parfait retour. Votre expression d'ami *quand-même* n'est pas exacte, il fallait dire *разлуки*. Je ne suis pas nécessaire de vous expliquer mon énigme comme vous m'expliquez la vôtre. Votre *молитва* m'a en vérité porté bonheur, car mon voyage jusqu'à présent a été peu heureux, et une fois de retour dans ma patrie, quand j'irai en pèlerinage à *Троица* — je n'oublierai pas de prier pour ceux qui ont prié pour moi et ma prière pour ne pas être en vers n'en sera pas moins fervente et sincère²².

в качестве гостя». Я взял в руки перо и написал следующее: „Вы всех готовы восхитить, / Мы все готовы восхищаться! / Вас невозможно не любить — / Да можно ль, право, в том признаться?“» — *фр.*) [Arlicourt, p. 21].

²² РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 3. № 30. Л. 1. Орфография подлинника сохранена. — Сердечно благодарим Екатерину Михайловну Стенчикову (РГАЛИ) за содействие при работе с архивными материалами.

Paris le 6 Octobre 1836.

Papa en a fait pendant nos charmes vers mon
les autres je vous en remercie beaucoup et pour vos
vieux et pour votre bonté. - Vous me prouvez à un
ami penser, cela n'est pas très agréable si ce n'est
au sein d'un amour si vrai. Si j'ai, par ailleurs
deux sans toujours de votre côté en attendant la polaire
deux de votre côté, vous que le projet d'aller au bas
de vos n'a fait plus de plaisir. Vous autres, j'ai avec
votre imagination n'est si belle et j'ai été
certainement de votre côté. Combien de fois j'ai
je pense qu'il est le plus grand plaisir que j'ai
été à une femme qu'il s'agit de voir en vérité j'ai
je dois trop me passer de vous. Le plus grand plaisir
votre projet. J'y tiens les sentiments d'amour et de
de toute votre affection et je prends au sérieux tout ce que
vous me dites. J'ai bien répondu à votre projet
vous prouve d'un parfait retour. Votre captation d'un
même, n'est pas exacte, il fallait s'en prouver je
n'ai pas besoin de savoir captiver, mon amour, comme
vous m'expliquez la vérité. Votre amour en a en vérité
porté bonheur une mon voyage, j'ai qu'à attendre à être
peu et un jour de retour d'un amour, quand j'ai
la possibilité à l'ouvrage j'ai oublié pas de vous
ce qui est pour moi et m'explique pour ce pas
être en vers n'est pas moins fervente et sincère. Je
suis charmé de vous voir à Moscou j'ai vu
papa de vous, et j'ai vu les autres toujours
tous les personnes avec vous et surtout de vous
à votre départ ajoute encore à son grand amour. Je
Mon mari le supplie à votre amitié, et puisque j'ai
Abonny noble je prie de me remettre au moment
Comme un chagrin. Vous ne serez pas grande douleur

Письмо княгини О. А. Долгоруковой к князю П. А. Вяземскому от 6 (?) октября 1836 г.

Первая страница. РГАЛИ

Перевод:

Папá переслал мне ваши очаровательные стихи, любезнейший князь. Сердечно благодарю вас за ваши добрые пожелания и за вашу память обо мне. — Вы невольно заставляете меня взяться за перо, и с вашей стороны это крайне немилосердно, ибо я ни в коем случае ни Сафо, ни г-жа Севинье. Это означает, что преимущество всегда будет на вашей стороне, тогда как на моей стороне всегда будет одно удовольствие. Известно ли вам, что слова, прибавленные вами прозою вслед за стихами, доставили мне еще большее удовольствие? Вы, поэты, обладаете живым и пылким воображением (не смею сказать: искусством светской беседы); в особенности вы умеете приукрашивать предмет своих сочинений, и когда я думаю о том, что это говорит кн. Петр Вяземский и что при этом он обращается к женщине, по правде сказать, не знаю, стоит ли мне слишком гордиться вашими стихами. Иное дело — ваша проза: я нахожу в ней чувствования старого доброго друга нашего семейства и принимаю все сказанное вами всерьез. Я искренне верю каждому вашему слову в прозе, и в ответ призываю вас ровно к тому же. Ваше дружеское выражение *все-таки* не вполне точно, и вам следовало сказать: *разлуки*²³. Не вижу нужды разъяснять вам свою загадку, подобно тому как вы разъяснили мне свою. Ваша *молитва* принесла мне поистине счастье, ибо путешествие мое до сих пор было весьма неблагоприятным; как только я вернусь на родину и отправлюсь на богомолье к *Троице*, — я непременно помолюсь за тех, кто молился за меня, и молитва моя, пусть даже и не сложенная стихами, будет не менее пылкой и искренней.

Приведенное выше письмо позволяет не только окончательно закрыть вопрос с авторством и адресатом «Молитвы»²⁴, но и в общих чертах воссоздать историю создания стихотворения. Нет сомнений, что берлинское письмо княгини Долгоруковой является хронологически первым посланием князю Вяземскому, — до октября 1836 г. переписки между ними не было. Поводом для первого письма послужило стихотворение Вяземского «Молитва», полученное Долгоруковой через отца, А. Я. Булгакова. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что Вяземский написал «Молитву» вскоре после отъезда княгини в Германию, «где льется Рейн изумрудом», то есть, вероятнее всего, в августе — сентябре 1836 г., во время отпуска, проведенного в подмосковном Остафьеве. Не исключено, что дополнительные подробности, касающиеся этой истории, могут обнаружиться в переписке Булгакова с дочерью или в переписке Вяземского с Булгаковым за

²³ Здесь и далее слова, выделенные курсивом, в подлиннике написаны по-русски.

²⁴ Лишним подтверждением могут служить и следующие строки из письма Вяземского к А. Я. Булгакову от 19 декабря 1836 г.: «Стало мне писать в Баден-Баден к Ольге Прекрасной? Жаль мне, что не едет она в Париж. Там было бы ей здоровее, потому что веселее» (РГАЛИ. Ф. 79 (Булгаковы). Оп. 1. № 32. Л. 107).

этот период. Все эти документы в значительной мере остаются до сих пор неопубликованными²⁵.

Вернемся, однако, к журналу «Современник». Вскоре после написания «Молитвы» Вяземский, надо полагать, отправил стихотворение Пушкину с просьбой поместить его в ближайшей книжке журнала. Пушкин, очевидно, ответил согласием, однако переписка между ними по этому случаю неизвестна. Между тем в одном из дошедших до нас писем, а именно от 11 августа 1836 г., Вяземский, только что приехавший из Петербурга в Остафьево²⁶, переслал Пушкину свои «Подражания испанским сегидильям» [Вяземский 1836]²⁷ и прибавил: «Подписывать имени моего не надо, так же как и под стихами: „Не говори, красавица, for ever“, а выставить только *Рим*» [Переписка Пушкина, с. 365]²⁸. Та же просьба, на наш взгляд, была высказана Вяземским и по поводу публикации «Молитвы об Ольге Прекрасной», потому-то эти стихи появились в журнале без подписи.

В пушкинском «Современнике» (1836) Вяземский поместил пять стихотворений: 1) «Роза и кипарис. Графине М. А. Потоцкой» (Т. 1. С. 226); 2) «Kennst du das Land?» [Великой княгине Елене Павловне] (Т. 3. С. 91–93); 3) «Ответ» [Адресат неизвестен] (Т. 3. С. 107–108); 4) «Подражания испанским сегидильям» (Т. 3. С. 195–196); 5) «Молитва об Ольге Прекрасной» (Т. 4. С. 232–233), при этом три последних были напечатаны анонимно. Почти все стихотворения скрыто или явно обращены к великосветским особам.

---

²⁵ Ср. фрагментарные публикации: [Вяземский 1879а; Булгаков].

²⁶ Ср. фрагмент из письма П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 27 июля 1836 г.: «Я непременно буду в Москву к 7-му августа на месяц, а может быть и более» [Остафьевский архив, т. 3, с. 329]. Ср. также фрагмент из письма Вяземского к И. И. Дмитриеву от 8 августа 1836 г.: «Вчера успел я только что проехать чрез Москву и пересеть из дилижанса в коляску, уже меня ожидавшую, и отправился в Остафьево к своим молодым и к своей новорожденной, потому что вчера был день рождения Машеньки, и я спешил из Петербурга попасть к ней на обед. Пробуду здесь, вероятно, до середины» [Вяземский 1868, стб. 647].

²⁷ В «Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского» [Вяземский 1878–1896, т. 4] эти стихи не вошли. Об источнике «Подражаний» см.: [Алексеев 1964, с. 200; 1985, с. 199].

²⁸ Примечательно, что на вопрос Я. К. Грота: «Чьи „Подражания испанским сегидильям“? Чей „Сапожник“?» — П. А. Плетнев отвечал: «„Подражания испанским сегидильям“ (кажется) Пушкина, равно и „Сапожник“» [Грот 1896, с. 521, 526]. Если бы в 1911 г. не отыскалось письмо Вяземского к Пушкину от 11 августа 1836 г., из которого недвусмысленно следовало, что именно Вяземский был автором «Подражаний» и «Ответа» («Не говори, красавица, for ever!..»), то еще неизвестно, чем бы закончилась история с атрибуцией этих стихотворений.

История с «Молитвой об Ольге Прекрасной» показывает, что корпус выявленных поэтических сочинений князя Вяземского²⁹ может содержать в себе еще немало лакун и, если бы не новонайденное письмо О. А. Долгоруковой, стихотворение в пушкинском «Современнике» так и осталось бы жить под именем А. Н. Муравьева.

Литература

- Алексеев 1964 — Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 216 с.
- Алексеев 1985 — Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. 543 с.
- Березин-Ширяев — Дополнительные материалы для библиографии (...) / Сост. Я. Березин-Ширяев. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1876. 325 с.
- Булгаков — Из писем А. Я. Булгакова к его дочери княгине О. А. Долгорукой [1836. Март—август] / [Публ. П. И. Бартенева] // Русский архив. 1906. Кн. 3, № 11. С. 431–466.
- Волконская 1836a — Волконская З. А. Отрывок из «Сказания об Ольге» // Московский наблюдатель. 1836. № 11. Август, кн. 1. С. 286–309.
- Волконская 1836b — Волконская З. А. Второй отрывок из «Сказания об Ольге» // Московский наблюдатель. 1836. № 15. Октябрь, кн. 1. С. 308–338.
- Волконская 1865 — Волконская З. А. Сказание об Ольге // Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской. Париж; Карлсруэ, 1865. С. 37–150.
- Вяземский 1836 — [Вяземский П. А.] Подражания испанским сегидильям [1. «Вчера, когда прохладной тьмою...»; 2. «Не страшусь я смерти жадной...»; 3. «Хоть вы красавица, хоть вы и баронесса...»] // Современник. 1836. Т. 3. С. 195–196.
- Вяземский 1868 — Письма [князя П. А. Вяземского] к И. И. Дмитриеву / [Публ. П. И. Бартенева] // Русский архив. 1868. № 4–5. Стб. 602–658.
- Вяземский 1875 — Два стихотворения князя Вяземского. Франкфурт: [б. и.], 1875.
- Вяземский 1878–1896 — Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского / Изд. графа С. Д. Шереметева: В 12 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1878–1896.
- Вяземский 1879a — Из писем князя П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову [1831–1838] / [Публ. П. И. Бартенева] // Русский архив. 1879. Кн. 2, № 6. С. 237–257.
- Вяземский 1879b — Из письма князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу по поводу кончины Пушкина / [Публ. П. И. Бартенева] // Русский архив. 1879. Кн. 1, № 3. С. 387–398.
- Вяземский 2013 — П. А. Вяземский. Неизвестный и забытый: (Из поэтического наследия) / Изд. подгот. П. Р. Заборов и Д. М. Климова. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2013. 623 с.
- Вяземский 2022 — Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Творчество П. А. Вяземского: известное и неизвестное. СПб.: Союз художников, 2022. 712 с.
- Гиллельсон — [Гиллельсон М. И.] «Молитва об Ольге Прекрасной»: [Комментарий] // Современник: Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. М.: Книга, 1987. [Т. 5]: Приложение к факсимильному изданию. С. 183.

---

²⁹ В настоящее время резко возрос интерес к неизвестному и забытому Вяземскому-поэту. См.: [Вяземский 2013; 2022].

- Глинка — Ольга Прекрасная, героическая опера в двух действиях; во времена язычества. Слова сочинения Сергея Глинки, музыка господина Кашина. М.: Тип. П. Бекетова, 1808. 64 с.; 2-е изд. М.: Тип. С. Селивановского, 1817. 54 с.
- Грот 1846 — [Грот Я. К.] Указатель содержания «Современника» за десятилетие с 1836-го по 1845-й год. СПб.: Тип. Военно-учеб. заведений, 1846. 79 с.
- Грот 1896 — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1896. Т. 2. 966 с.
- Ланда — Ланда С. С. Рецензия на фототипическое издание журнала «Современник» {...} // Ланда С. С. «Я вижу некий свет...». СПб.: [б. и.], 1999. С. 229–236.
- Молитва — Молитва об Ольге Прекрасной («Странников дальних ангел-хранитель...») // Современник. 1836. Т. 4. С. 232–233.
- Муравьев 1835a — [Муравьев А. Н.] Храм («Сокрытый в сердце одиноком...») // Московский наблюдатель. 1835. № 3. Апрель, кн. 1. С. 613–615.
- Муравьев 1835b — [Муравьев А. Н.] Вечер в Петергофе // Московский наблюдатель. 1835. № 7. Июнь, кн. 1. С. 493–500.
- Муравьев 1871 — [Муравьев А. Н.] Знакомство с русскими поэтами. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1871. 35 с.
- Новые материалы — Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина: (Из переписки А. Я. Булгакова и кн. П. А. Вяземского) / [Предисл. М. А. Цявловского; подгот. текста и примеч. М. К. Светловой] // Красный архив. 1929. Т. 33. С. 222–235.
- Остафьевский архив — Остафьевский архив князей Вяземских: [В 5 т.]. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899–1913.
- Переписка Пушкина — Сочинения Пушкина. Переписка / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1911. Т. 3: (1833–1837). 473 с.
- Письма Тургенева — Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подгот. текста писем к печати, вступ. ст. и коммент. А. А. Сабурова. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 376 с.
- Пушкин в неизданной переписке — Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58. С. 3–154.
- Рыскин — Рыскин Е. И. Журнал А. С. Пушкина «Современник», 1836–1837: Указатель содержания. М.: Книга, 1967. 92 с.
- Трофимов — Трофимов И. Т. Поиски и находки в московских архивах. 3-е изд., испр. и доп. М.: Моск. рабочий, 1987. 207 с.
- Фокин — Фокин Н. К истории создания «Капитанской дочки» А. С. Пушкина // Ученые записки Уральского пед. ин-та им. А. С. Пушкина. 1957. Т. 4, вып. 3. С. 97–124.
- Хохлова 2001a — Хохлова Н. А. Эпическая поэма А. Н. Муравьева «Потоп» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 2000. М.: Наука, 2001. С. 19–45.
- Хохлова 2001b — Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев — литератор. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 244 с.
- Хохлова 2007 — Хохлова Н. А. Об А. Н. Муравьеве и его поэтическом сборнике «Таврида» // Муравьев А. Н. Таврида. СПб.: Наука, 2007. С. 237–342.
- Хрущов — Хрущов И. Королева Виртембергская Ольга Николаевна // Русский вестник. 1893. № 1. С. 219–239.
- Черейский — Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1989. 544 с.
- Arlincourt — Le pèlerin: L'étoile polaire / par le Vicomte d'Arlincourt. Paris: Dumont, 1843. Т. 2. 400 р.

References

- Alekseev, M. P. (1964). *Ocherki istorii ispano-russkikh literaturnykh otnoshenii 16–19 vekov*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 216 p.
- Alekseev, M. P. (1985). *Russkaya kul'tura i romanskii mir*. Leningrad: Nauka, 543 p.
- d'Arlincourt (1843). *Le pèlerin. L'étoile polaire*. Paris: Dumont. Vol. 2, 400 p.
- [Bartenev, P. I.], ed. (1868). 'Pis'ma [knyazyza P. A. Vyazemskogo] k I. I. Dmitrievu', *Russkii arkhiv*, 4–5, 602–658.
- [Bartenev, P. I.], ed. (1879). 'Iz pisem knyazyza P. A. Vyazemskogo k A. Ya. Bulgakovu [1831–1838]', *Russkii arkhiv*, Vol. 2, 6, 237–257.
- [Bartenev, P. I.], ed. (1879). 'Iz pis'ma knyazyza P. A. Vyazemskogo k velikomu knyazyu Mikhailu Pavlovichu po povodu konchiny Pushkina', *Russkii arkhiv*, Vol. 1, 3, 387–398.
- [Bartenev, P. I.], ed. (1906). 'Iz pisem A. Ya. Bulgakova k ego docheri knyagine O. A. Dolgorukoi [1836. March — August]', *Russkii arkhiv*, Vol. 3, 11, 431–466.
- Berezin-Shiryayev, Ya., ed. (1876). *Dopolnitel'nye materialy dlya bibliografii...* Saint Petersburg: Tipografiya I. I. Glazunova. 325 p.
- Chereiskii, L. A. (1989). *Pushkin i ego okruzhenie*. 2nd ed. Leningrad: Nauka, 544 p.
- Fokin, N. (1957). 'K istorii sozdaniya *Kapitanskoi dochki* A. S. Pushkina', *Uchenye zapiski Ural'skogo pedagogicheskogo instituta im. A. S. Pushkina*. Vol. 4, 3, 97–124.
- [Gille'son, M. I.] (1987). "'Molitva ob Ol'ge Prekrasnoi'". [Kommentarii]. in: *Sovremennik. Literaturnyi zhurnal, izdavaemyi Aleksandrom Pushkinym*. Moscow: Kniga. [Vol. 5]: Prilozhenie k faksimil'nomu izdaniyu, 183.
- Glinka, S., Kashin, D. (1808). *Ol'ga Prekrasnaya, geroicheskaya opera v dvukh deistviyakh; vo vremena yazychestva*. Slova sochineniya Sergeya Glinki, muzyka gospodina Kashina. Moscow: Tipografiya P. Beketova, 64 p.; 2nd ed. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo, 1817, 54 p.
- [Grot, Ya. K.] (1846). *Ukazatel' soderzhaniya "Sovremennika" za desyatiletie s 1836-go po 1845-i god*. Saint Petersburg: Tipografiya Voenno-uchebnykh zavedenii, 79 p.
- Grot, Ya. K., ed. (1896). *Perepiska Ya. K. Grota s P. A. Pletnevym*. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya. Vol. 2, 966 p.
- Khokhlova, N. A. (2001). *Andrei Nikolaevich Murav'ev — literator*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 244 p.
- Khokhlova, N. A. (2001). 'Epicheskaya poema A. N. Murav'eva *Potop*', in: *Pamyatniki kul'tury. Nove otkrytiya: Ezhegodnik. 2000*. Moscow: Nauka, 19–45.
- Khokhlova, N. A. (2007). 'Ob A. N. Murav'eva i ego poeticheskom sbornike *Tavrida*', in: *Murav'ev, A. N. Tavrida*. Saint Petersburg: Nauka, 237–342.
- Khrushchov, I. (1893). 'Koroleva Virtembergskaya Ol'ga Nikolaevna', *Russkii vestnik*, 1, 219–239.
- Landa, S. S. (1999). 'Retsenziya na fototipicheskoe izdanie zhurnala *Sovremennik...*', in: *Landa, S. S. "Ya vizhu nekii svet..."*. Saint Petesburg: [s. n.], 229–236.
- [Murav'ev, A. N.] (1835). 'Khram' ("Sokrytyi v serdtse odinokom..."), *Moskovskii nablyudatel'*, 3, april, pt. 1, 613–615.
- [Murav'ev, A. N.] (1835). 'Vecher v Petergofe', *Moskovskii nablyudatel'*, 7, june, pt. 1, 493–500.
- [Murav'ev, A. N.] (1871). *Znakomstvo s russkimi poetami*. Kiev: Tipografiya I. i A. Davidenko, 35 p.
- Ostafevskii arkhiv knyazei Vyazemskikh* (1899–1913). [5 vols]. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.

- 'Pushkin v neizdannoi perepiske sovremennikov (1815–1837)' (1952), in: *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 58, 3–154.
- Ryskin, E. I. (1967). *Zhurnal A. S. Pushkina "Sovremennik", 1836–1837: Ukazatel' soderzhaniya*. Moscow: Kniga, 92 p.
- Saburov, A. A., ed. (1939). *Pis'ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym*. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 376 p.
- Saitov V. I., ed. (1911). *Sochineniya Pushkina. Perepiska*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 3 (1833–1837), 473 p.
- Sheremetev, S. D., ed. (1878–1896). *Polnoe sobranie sochinenii knyazya P. A. Vyazemskogo*. 12 Vols. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Svetlova, M. K., Tsyavlovskii, M. A., eds. (1929). 'Novye materialy o dueli i smerti Pushkina (Iz perepiski A. Ya. Bulgakova i kn. P. A. Vyazemskogo)', in: *Krasnyi arkhiv*. Vol. 33, 222–235.
- Trofimov, I. T. (1987). *Poiski i nakhodki v moskovskikh arkhivakh*. 3d ed. Moscow: Moskovskii rabochii, 207 p.
- Vasil'ev, N. L., Zhatkin, D. N., eds. (2022). *Tvorchestvo P. A. Vyazemskogo: izvestnoe i neizvestnoe*. Saint Petersburg: Soyuz khudozhnikov, 712 p.
- Volkonskaya, Z. (1836). 'Otryvok iz *Skazaniya ob Ol'ge*', *Moskovskii nablyudatel'*, 11 (August, Pt. 1), 286–309.
- Volkonskaya, Z. (1836). 'Vtoroi otryvok iz *Skazaniya ob Ol'ge*', *Moskovskii nablyudatel'*, 15 (October, Pt. 1), 308–338.
- Volkonskaya, Z. (1865). 'Skazanie ob Ol'ge', in: Volkonskaya, Z. A. *Sochineniya*. Paris, Karlsruhe, 37–150.
- [Vyazemskii, P. A.] (1836). 'Molitva ob Ol'ge Prekrasnoi' ("Strannikov dal'nikh angel-khranitel'..."), *Sovremennik*, 4, 232–233.
- [Vyazemskii, P. A.] (1836). 'Podrazhaniya ispanskim segidil'yam' [1. "Vchera, kogda prokhladnoi t'moyu..."; 2. "Ne strashus' ya smerti zhadnoi..."; 3. "Khot' vy krasavitsa, khot' vy i baronessa..."], *Sovremennik*, 3, 195–196.
- Vyazemskii, P. A. (1875). *Dva stikhotvoreniya knyazya Vyazemskogo*. Frankfurt: [s. n.].
- Zaborov, P. R., Klimova, D. M., eds. (2013). *P. A. Vyazemskii. Neizvestnyi i zabytyi: (Iz poeticheskogo naslediya)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom", 623 p.

В. Е. Ветловская

ПРОТОТИПЫ ГЕРОЕВ ДОСТОЕВСКОГО: ПРИСТАВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ ПОРФИРИЙ ПЕТРОВИЧ И НЕ ТОЛЬКО...

Резюме

В предлагаемой вниманию читателя статье говорится о прототипах героев Достоевского, связанных с юридическим миром старой России. Это персонажи, играющие заметную роль в ходе событий и судьбах главных действующих лиц «Униженных и оскорбленных» (1861) и «Преступления и наказания» (1866). В первом из названных романов такую роль играет частный сыщик Маслобоев, во втором — Порфирий Петрович, пристав следственных дел, занимающийся выяснением обстоятельств убийства старухи процентщицы и ее сестры, а также выявлением виновника совершенного злодеяния. Даже не слишком искушенный читатель, знакомясь с этими персонажами, не может не заметить, что за ними стоит живая реальность — известные писателю характеры и факты. Хотя в исследовательской литературе об этом вскользь уже говорилось, тема заслуживает серьезного изучения, тем более что прототипы, о которых здесь идет речь, названы самим Достоевским. Это К. Л. Шерстобитов (к сожалению, сведения о нем крайне малочисленны) и И. Д. Путилин, ученик и сослуживец К. Л. Шерстобитова, чья биография и деятельность, напротив, достаточно широко известны, поскольку он оказался начальником Санкт-Петербургской сысской полиции с момента ее основания в 1866 г. и долгие годы оставался на этой службе. В свое время А. Ф. Кони посвятил ему небольшой, но очень содержательный очерк. И. Д. Путилин был неоднозначной, но очень яркой фигурой среди русских юристов, человек глубокого, пронизательного ума и разносторонней одаренности. Знакомство с ним, каким бы кратким оно ни было, не могло оставить Достоевского равнодушным, и это отразилось в создании образа Порфирия Петровича, ведущего следствие об убийстве, совершенном недоучившимся студентом Родионом Романовичем Раскольниковым.

Ключевые слова: преступление, психология, улики, следствие, Маслобоев, Порфирий Петрович, Раскольников, Шерстобитов, Путилин

Valentina E. Vetlovskaya

THE PROTOTYPES OF DOSTOEVSKY'S CHARACTERS:
PORFIRY PETROVICH, THE HEAD OF THE INVESTIGATION
DEPARTMENT, AND SOME OTHERS

Abstract

This article deals with prototypes of those characters of Dostoevsky's novels who are associated with the legal industry of the Russian Empire. These are the characters who play a prominent role in the events and in the lives of the main characters of the novels "Humiliated and Insulted" (1861) and "Crime and Punishment" (1866). In the first novel, this role is being played by the private investigator Masloboev, in the second one by Porfiry Petrovich. The latter is the head of the Investigation Department, who is engaged in clarifying the circumstances of the murders of the old pawnbroker and her sister and who is in communication with the culprit of the committed crime, the undergraduate student Rodion Romanovich Raskolnikov. Even an unsophisticated reader can notice that there is a living reality behind these characters — some people and facts that are known to the writer. Although the topic has been touched upon by researchers, it deserves a more serious study, especially since the implied prototypes were named by Dostoevsky himself. These are K. L. Sherstobitov, of whom we know very little, and I.D. Putilin, Sherstobitov's student and colleague. The latter's life and activities are quite well known because of his long service as the first head of the Detective Police of St. Petersburg after the foundation of this institution in 1866. Anatoly F. Koni wrote a small but very informative essay about him. Putilin was an ambiguous but very bright figure among Russian lawyers, a thoughtful and sharp-minded man with versatile talent. Acquaintance with such a person, no matter how brief it was, could not leave Dostoevsky indifferent. It was reflected in the image of Porfiry Petrovich.

Keywords: crime, psychology, evidence, investigation, Masloboev, Porfiry Petrovich, Raskolnikov, Sherstobitov, Putilin

DOI 10.31860/2712-7591-2022-68-102

Настоящая статья тесно связана с работой «Литературные и реальные прототипы героев Достоевского („Мещанин в халате“ в „Преступлении и наказании“») [Ветловская 2008], корректируя и продолжая ее. В заключении этой работы речь шла, в частности, об известном французском сыщике Эжене Франсуа Видоке (1775–1857) и его литературных коллегах, появляющихся на страницах французского романа-фельетона и романов детективного жанра, чьи профессиональные приемы практикует и Порфирий Петрович.

Но у героя Достоевского были предшественники в российской действительности, среди них — знаменитый русский сыщик Иван Дмитриевич Путилин (1830–1893). Заканчивая одну из своих исторических миниатюр, по-

священных прославленным отечественным детективам, В. С. Пикуль писал: «Я не специалист по творчеству Достоевского, но думается, что некоторые черты путилинского облика и характера писатель воплотил в образе следователя Порфирия Петровича в своем „Преступлении и наказании“. Роль этого следователя лучше всего исполнил Кондрат Яковлев, и, наверное, вы помните, что писал по этому поводу прославленный С. А. Юрьев: „Невозможно забыть эти округлые манеры и движения, эти ласковые, такие, казалось, обыденные, житейские интонации... Вся сцена велась им (Яковлевым) как виртуозная игра в кошки и мышки“. В этом описании актерской игры я невольно ощущаю что-то очень знакомое от обликов Шерстобитова и его подручного Путилина» [Пикуль, с. 522]¹.

Об И. Д. ПутиLINE как возможном прототипе Порфирия Петровича и подобных ему персонажей специалисты по творчеству Достоевского упоминали. Правда, вскользь. Т. И. Орнатская пишет: «...Путилин представлял собою реальную „натуру“ для создания образов частных и состоящих на государственной службе сыщиков, следователей и прочих судебно-полицейских чиновников Достоевского: Маслобоева, Заметова, Порфирия Петровича» [Орнатская, с. 259; Орнатская, Туниманов, с. 361]. Опираясь на биографические данные и мемуары, она говорит также о времени и обстоятельствах знакомства писателя с этим весьма незаурядным служителем Фемиды. Судя по всему, знакомство случилось после того, как Достоевский, обитавший по окончании сибирской ссылки с семейством в Твери, получил разрешение на жительство в Петербурге. Перебравшись в столицу в конце декабря 1859 г., он тотчас включился в литературную жизнь. Весной 1860 г. вместе с братом, М. М. Достоевским, он становится постоянным посетителем собраний у давнего своего приятеля А. П. Милюкова (1817–1897), который, заведя редакцией журнала «Светоч» (издавался в 1860–1861 гг.), по вторникам приглашал к себе сотрудников, преимущественно молодых и перспективных, на дружеские беседы. Встречи у А. П. Милюкова братьям Достоевским были тем более полезны, что, намереваясь выпускать собственный журнал, они могли набраться редакторского опыта и присмотреться к литераторам «Светоча», многие из которых вскоре стали сотрудниками их журнала «Время» [Нечаева 1972, с. 36–38; Орнатская].

В числе таких литераторов был В. В. Крестовский (1840–1895), только что оставивший университет и начавший повестями, рассказами и лирическими стихотворениями творческую деятельность. По воспоминаниям

---

¹ Карп Леонтьевич Шерстобитов (1800–1866) — старший сослуживец и наставник И. Д. Путилина.

А. П. Милюкова, на его редакторских «вторниках» состоялась встреча, а затем и дружеское сближение молодого писателя с Ф. М. Достоевским. В первом номере журнала «Время» за 1861 г., открывавшемся главами романа «Униженные и оскорбленные», был напечатан рассказ Крестовского «Погибшее, но милое созданье» и одно из его стихотворений. Позднее писатель печатал в изданиях братьев Достоевских и оригинальные произведения, и переводы². Возможно, именно Крестовский, как полагает Т. И. Орнатская, познакомил Достоевского с И. Д. Путилиным³.

Скупые сведения об этом знакомстве, приведенные Т. И. Орнатской, восходят к биографическому очерку, который сопровождал первый том Собрания сочинений В. В. Крестовского, опубликованный вскоре после смерти писателя и заключающий в себе роман «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных» (впервые: «Отечественные записки», 1864—1867). Несколько глав начала романа под названием «Ерши» (об одном из грязных притонов столицы) были напечатаны в № 1 и 2 (сдвоенная книга) журнала Достоевских «Эпоха» за 1864 г. В письме к брату от 26 марта 1864 г., откликаясь на выход первых номеров их нового журнала, Ф. М. Достоевский сообщал: «...,Ерши“ (<...> мне очень понравились» (28₂; 73).

Автор биографического очерка в посмертном Собрании сочинений Крестовского, Ю. Л. Елец, хорошо знавший покойного писателя и некоторых лиц его ближайшего окружения, постарался изложить предысторию «Петербургских трущоб» со ссылками на мемуарную литературу и всеми известными ему подробностями. Замысел романа, приковавшего к себе по выходе в свет общее внимание, возник у Крестовского в самом конце 1850-х гг. Воодушевленный идеей описания столичного дна, писатель занялся сбором материала и несколько лет посвятил изучению быта завсегдаев гнусных приютов порока и преступлений. «Если книга эта, — объяснял он в предисловии к роману, — заставит читателя призадуматься о жизни и участи петербургского бедняка и отверженной парии — трущобной женщины; если в среде наших филантропов и в среде административной он возбудит хотя

---

² Как утверждает А. П. Милюков, некоторые стихотворения Крестовского Достоевскому очень нравились, он слушал их с удовольствием и иногда просил повторить [Милюков, с. 238]. Но в целом поэзия Крестовского писателя не привлекала. Он даже был готов подвергнуть ее уничтожительному разбору. См. записную книжку 1860–1862 гг. [Достоевский, т. 20, с. 168]. В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках в тексте статьи. Первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

³ Т. И. Орнатская пишет: «...он (Крестовский. — В. В.) познакомил Достоевского и с самим Путилиным» [Орнатская, с. 259]. Правда, в другой статье исследовательница говорит, что Достоевский и Путилин были знакомы и только [Орнатская, Туниманов, с. 361].

малейшее существенное внимание к изображенной мною жизни, я буду много вознагражден сознанием того, что труд мой, кроме развлечения для читателя, принесет еще и частицу пользы для той (...) среды, где голодная мать должна воровать кусок хлеба для своего голодного ребенка; где источником существования двенадцати-тринадцатилетней девочки является нищенство и продажный разврат; где голодный и оборванный бедняк, тщетно искавший честной работы, нанимается для совершения преступления мошенником сытым и более комфортабельно обставленным в жизни, причем этот ничем почти не рискует, а тот, за самую ничтожную цену, ради требований своего непослушного желудка, гибнет на каторге...» и т. д. [Крестовский, с. 28–29].

Безусловно, и предмет описания, и филантропический пафос автора «Петербургских трущоб» были близки Достоевскому, работавшему (как раз в начальную пору их знакомства) над романом «Униженные и оскорбленные» (1861). Наблюдения молодого филантропа над мрачными углами и закоулками отнюдь не парадного Петербурга не могли не занимать Достоевского.

В странствиях по сомнительным «заведениям» и значным местам Крестовского иногда сопровождали (с той же любознательностью и творческой целью) Н. С. Лесков (1831–1895) и художник и скульптор М. О. Микешин (1836–1896), автор проекта памятника «Тысячелетие России»⁴. Лесков и Микешин были знакомы братьям Достоевским и время от времени тоже посещали их редакционный кружок. Лесков печатался в их журналах, а Микешин хотел бы, но безуспешно пытался это сделать⁵.

Сохранился рассказ Лескова (его приводит Ю. Л. Елец) о посещении писателей и скульптора одного из притонов «Вяземской лавры», так называемого Малинника: «Это было летом. Мы втроем: Крестовский, я и еще кто-то, кажется, Микешин (...) отправились гулять и встретили знакомого Крестовскому сыщика, который и предложил нам отправиться в „Малинник“. Мы, конечно, охотно согласились. Пришли (...) К нам сейчас же подсади местные дамы и потребовали угощения. Они пили водку, а мы ели яйца, единственное кушанье, которое мог рекомендовать нам буфетчик, хорошо знавший сыщика. Подсела к нашей компании и женщина, которую Крестовский назвал Крысой. Она без церемонии влезла на колени к бывшему со мною и Крестовским спутнику. Помню случившийся при этом небольшой, но довольно характерный эпизод: приятель наш сидел с Крысой и держал

⁴ Этот памятник был открыт в Новгороде 8 сентября 1862 г.

⁵ См. роспись содержания журналов «Время» и «Эпоха» за 1864–1865 гг.: [Нечаева 1975, с. 233–260, 286].

в руке, откинутой на спинку стула, папиросу. Кругом сидели и ходили самые отвратительные оборванцы. Один из них, проходя мимо нашего стола, преспокойно схватил эту папироску и начал курить. Спутник наш вскочил и собирался проучить нахала. Однако сыщик удержал его, говоря, что затевать скандал здесь опасно. Когда этот инцидент закончился, нас повели по какому-то длиннейшему коридору смотреть внутренние помещения „Малинника“. Шли мы совершенно спокойно, как вдруг где-то сзади послышался сначала сильный шум (...) потом крики: „Помогите, режут, убивают!“

— Обыкновенная история, — заметил сыщик, — это бывает здесь.

Он не успел окончить начатой фразы, как крики о помощи сменились другими: „Спасайтесь, полиция“. Мы обернулись, и представьте себе наше удивление. Коридора уже не было, мы находились в комнате: сзади нас спустилась сверху стена, и коридор превратился в комнату. Вышли мы из „Малинника“ совершенно другим ходом — нас вывел сыщик» [Елец, с. XI—XII].

Отголоски этого или подобных ему рассказов, знакомых Достоевскому со слов Крестовского и его спутников, отчетливо слышны в повествовании о посещении Иваном Петровичем и Маслобоевым (литератором и сыщиком) «ресторации» и притона Бубновой в «Униженных и оскорбленных» (главы V и VII второй части романа). В грязные закоулки «Вяземской лавры», изображенной в «Петербургских трущобах», ради острых ощущений заглядывал Свидригайлов («Преступление и наказание» — 6; 224) [Тихомиров, с. 343—344].

Сыщиком, о котором говорит Лесков, был И. Д. Путилин. Известно свидетельство самого Путилина о его «набегах» с Крестовским в петербургские трущобы, а также о других способах посвящения писателя в интересующий его материал — в разного рода уголовные тайны. «Я сам, — вспоминал Путилин, — сопровождал его по трущобам, вместе с ним переодеваясь в нищенские костюмы: он вместе со мной присутствовал на облавах в различных притонах; при нем, нарочно при нем я допрашивал в своем кабинете многих преступников и бродяг, которые попали потом в его роман. Наконец, я самолично давал ему для выписок дела сысского отделения, которыми он широко пользовался, потому что почти все действующие лица его произведения — живые, существовавшие люди, известные ему так же близко, как и мне, потому что с большинством их я имел возможность его перезнакомить» [Елец, с. XII—XIII]. Воспоминание начальника сысской полиции, воспроизведенное Ю. Л. Ельцом, было записано (уже после смерти Крестовского) М. В. Шевляковым, которого с Путилиным связывало довольно тесное и доверительное знакомство (разумеется, в той степени, в какой эту доверительность тот мог себе позволить). В конце жизни, отойдя от дел, Пути-

лин занялся автобиографическими заметками — рассказами о важных или чем-либо примечательных из раскрытых им преступлений. Но таких заметок сохранилось сравнительно немного. В издательском предисловии к книге, посвященной знаменитому детективу, сказано: «Он оставил после себя небольшую книжку мемуаров, написанных собственноручно, и надиктовал еще одну книжку способному литератору М. Шевлякову. Приключения, описанные в этих двух книжках, не уступали похождениям Холмса и Пинкертона». Но самой популярной и многократно переиздававшейся была книга «Гений русского сыска И. Д. Путилин. Рассказы о его похождениях». Собранные в ней истории основаны на подлинных сыскных делах, литературно обработанных известным в свое время прозаиком, драматургом, театральным рецензентом и фельетонистом Романом Лукичом Антроповым (1876–1913), выступившим под псевдонимом Роман Добрый [Антропов 2003, с. 6–7; Прокопов, с. 8]⁶.

Будучи великолепным рассказчиком, Путилин нередко делился опытом своей богатой событиями жизни со всеми, кому это было в профессиональном (да и любом другом) отношении интересно, в том числе с Ф. М. Достоевским.

Ко времени «вояжей» на дно столицы в компании с Крестовским и его приятелями (конец 1850-х — начало 1860-х гг.) Путилин успел прославиться раскрытием нескольких громких и запутанных преступлений, вроде тех, в которых, как говорит Разумихин Раскольникову, рекомендуя ему Порфирия, «почти все следы были потеряны» (6; 189), когда преступление налицо, а преступника или преступников, как говорится, «Митькой звали». Этот фразеологизм, записанный Достоевским в Сибирской тетради и повторен-

---

⁶ Книга [Путилин 1995], предисловие к которой написано Т. Ф. Прокоповым [Прокопов], помимо «Записок...» включает в себя и несколько рассказов Романа Доброго (Р. Л. Антропова) [Антропов 1995], и повествования М. В. Шевлякова [Шевляков 1995]. Надо заметить, что литературная обработка разрозненных записок и устных рассказов И. Д. Путилина вызвала резкую критику некоторых современных авторов — см., например, [Васильев]. Автор статьи уточняет и комментирует кое-какие детали этих литературных обработок, но его негодование по поводу допущенных там ошибок и неточностей кажется чрезмерным, ведь такие сочинения не претендуют на то, чтобы их отнесли к разряду официальных «документов», непогрешимых во всех подробностях. Важно, что эти рассказы (за редким и, как правило, очевидным для читателя исключением) основаны на реальных фактах. Впрочем, неодобрение К. Васильева вызывают не только повествования о Путилине, но и сам Путилин. В Послесловии к капитальному изданию [Путилин 2003], написанном Д. Нечевиним и Л. Беляевой, сказано, что в недавно найденной в Петербурге части архива Путилина сохранились документы, свидетельствующие о том, что записки и рассказы о его деятельности, вышедшие в свет без указания имени шефа сыскальной полиции, биографичны [Путилин 2003, т. 2, с. 600].

ный в «Записках из Мертвого дома» (4; 29, 238), писатель художественно обыгрывает в «Преступлении и наказании» (сцена побега Раскольникова из квартиры убитой старухи процентщицы — 6; 69) [Ветловская 2002, с. 130]. Любопытно, что этот же фразеологизм возникает в рассказе Константина Ивановича Путилина (сына детектива) «Покушение в поезде» — об одном уголовном деле, сохранившемся в архивных записях его отца (впервые опубликован в «Историческом вестнике» в 1913 г.). Здесь один из собеседников говорит другому о преступнике: «И скрылся? Митькой звали!» [Путилин 2003, т. 1, с. 383; весь рассказ — с. 376–398]. Очень может быть, что И. Д. Путилина в разговорах то и дело доводилось поминать скрывшегося Митьку, поскольку поводов для этого у него было более чем достаточно. Ведь после нескольких важных разоблачений в начале его карьеры поиски самых хитрых и изворотливых мошенников и злодеев всегда поручали именно ему. И не было случая, чтобы в борьбе с представителями этой отпетой братии детектив уступил им в бесстрашии и сообразительности, как бы те ни прятали концы в воду. Кстати сказать, этот фразеологизм тоже встречается у И. Д. Путилина. Например, в рассказе «Дезертир»: «Надо (...) отдать справедливость Григорьеву (искушенному преступнику, главному герою рассказа. — *В. В.*), что он отлично умел прятать концы в воду и выходил из всякого мошеннического дела с незапятнанной репутацией. Но и на старуху бывает проруха» [Путилин 1995, с. 122]. Широкий смысл метафоры, заключенный во фразеологизме «концы в воду» (или «прятать концы в воду»), в «Преступлении и наказании» сужается до прямого значения и реализуется в решении Раскольникова расстаться с награбленным добром, бросив его «в канаву» (в Екатерининский канал): «Бросить всё в канаву, и концы в воду, и дело с концом» (6; 84). Еще раз, с большей сложностью и детализацией, эта метафора реализуется в смерти Марфы Петровны, утонувшей в собственной купальне, хотя и по неясной причине, но, безусловно, с помощью своего супруга, господина Свидригайлова, за которым числится не одно «с юридической точки зрения (...) весьма темное» уголовное дело (6; 228–229, 175–176, 220, 381). Во всех этих случаях правдами и неправдами, в прямом и переносном смысле Свидригайлову удается «спрятать концы в воду» [см. также: Тихомиров, с. 463–464].

Успех И. Д. Путилина в расследовании «темных» дел и блестящая служебная карьера были тем удивительнее, что сыщик всем этим был обязан почти исключительно самому себе. Он родился в очень бедной семье; для того чтобы проложить дорогу в жизни, вынужден был заняться самообразованием. В 1853 г. в Императорском Петербургском университете экстерном

сдал экзамены за полный гимназический курс и приобрел соответствующий аттестат, открывавший ему двери для прохождения полицейской службы. Начав в 1854 г. с мелкой должности младшего помощника квартального надзирателя Толкучего рынка, он быстро поднимался по чиновничьей лестнице, получая русские и зарубежные отличия и награды [Пиотровский]. В 1866 г., когда было учреждено Управление сыскной полиции, И. Д. Путилин был назначен его начальником. Свою службу он закончил в чине тайного советника (III класс Табели о рангах), по некоторым сведениям — даже в чине действительного тайного советника (II класс Табели о рангах) [Путилин 1990, с. 8–9; Пиотровский, с. 80].

И. Д. Путилин был необыкновенно умным, разносторонне одаренным человеком. Конечно, его профессия была его страстью. Любя практическую работу, он исполнял ее с постоянным риском для жизни и невозмутимым хладнокровием. (Напомним, кстати, неколебимое спокойствие Порфирия в ответ на злобные угрозы и наскоки Раскольникову, убийцы). В решении задач, которые ему подкидывала жизнь уголовного мира, Путилин не знал шаблонов. Он руководствовался безошибочной интуицией, доверяя своему натренированному чутью, осведомленностью в самых разных областях знаний и изощренной, но безупречной логикой. «Это, брат, славный парень, увидишь! — говорит Разумихин Раскольникову о Порфирии. — Неуклюж немного, то есть он человек и светский, но я в другом отношении говорю неуклюж. Малый умный, умный, очень даже неглупый, только какой-то склад мыслей особенный... Недоверчив, скептик, циник... Надувать любит, то есть не надувать, а дурачить... Ну и материальный старый метод... А дело знает, знает... Он одно дело, прошлого года, такое об убийстве разыскал, в котором почти все следы были потеряны! Очень, очень, очень желает с тобой познакомиться!» (6; 189).

Отношение к Путилину было неоднозначным. У непредвзятых профессионалов-юристов его таланты не могли не вызывать уважения. А. Ф. Кони, знавший Путилина по совместной работе в 1871–1875 гг., писал: «По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо (...) пронизательные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выра-

жению И. Ф. Горбунова, „покрыты мраком неизвестности“» [Кони 1989с, с. 43]⁷.

Однако «прогрессивная» общественность России и тогда, и позднее отзывалась о Путилине с заметным, а иногда и резким неодобрением. Дело в том, что Путилин принужден был заниматься не только уголовным, но и политическим сыском. Одной из его «жертв» был поэт и публицист М. И. Михайлов (1829–1865), рано погибший на каторге. Тайная канцелярия Его Императорского Величества привлекла известного сыщика к розыску лиц, замешанных в распространении антиправительственных прокламаций. Среди них была листовка «К молодому поколению» (1861). Она была написана Н. В. Шелгуновым (1824–1891) и М. И. Михайловым, но ее авторство, выгораживая друга, взял на себя М. И. Михайлов. В конце концов это не спасло ни того ни другого⁸. Путилин готовил розыскные материалы и к процессу Н. Г. Чернышевского (1862)⁹. Не исключено, что походы сыщика в значимые места с молодыми писателями и художником тоже были не просто дружеской услугой, но и профессиональной заботой — так сказать, для личного знакомства с излишне любознательной творческой публикой и на всякий случай... С этой же целью, безусловно, он заглядывал иногда и в литературный кружок. Заметим в этой связи интерес Порфирия к статье Раскольникова «О преступлении», напечатанной до того, как тот решился на убийство, и имевшей, как понял сыщик, политическую подоплеку (6; 198 и след., 345), а также появление Порфирия на «новоселье» у Разумихина среди разношерстных его гостей (6; 103–104, 130, 196 и след.).

Для Путилина, однако, политика не была главным делом. Не десятки, а сотни раскрытых преступлений — указанных и наказанных грабителей, убийц, фальшивомонетчиков, религиозных изуверов — важнейший результат работы «гения сыска». Сводя к общему знаменателю разные мнения о Путилине, его биограф пишет: «И сколько бы ни вчитывались мы в различные суждения о Путилине, совершенно очевидно, что все они сходятся

---

⁷ В эти же годы работы с Путилиным Кони довольно близко сошелся и с Ф. М. Достоевским, помогая ему искупить юридические «огрехи» на посту редактора «Гражданина» (1873). Будучи прокурором Петербургского окружного суда, А. Ф. Кони оказался в глазах Достоевского очень ценным, умным, компетентным, широко мыслящим собеседником. Писатель воспользовался этим обстоятельством в полной мере. Их разговоры касались проблем нового суда, оценки преступления и, по-видимому, многих и разных явлений юридической практики. Разумеется, они не могли обойти вниманием и конкретных лиц русского юридического общества [Кони 1989b, с. 160–161].

⁸ О Путилине в деле М. И. Михайлова [Лемке, с. 82 и след.]. Дело М. И. Михайлова см.: [Лемке, с. 59–160].

⁹ О Путилине в деле Н. Г. Чернышевского см.: [Лемке, с. 205 и след.]. Дело Н. Г. Чернышевского см.: [Лемке, с. 161 и след.]

в одном: на беду не только уголовников, но и политических он был профессионалом высокого класса, что вряд ли могло прийти по душе тем авторам высказываний, чьими судебными историями талантливый (а точнее, великий) сыщик принужден был заниматься и по долгу службы, и по своим убеждениям, оставаясь верным слугой престола, преданным стражем интересов Российского государства» [Прокопов, с. 6]¹⁰. Таким «слугой» и «стражем» был, конечно, и Порфирий Петрович, на что намекает его имя и отчество (*Порфирий* от слова *порфира* — торжественное одеяние монархов — указание на монархическую власть, монархию; *Петрович* — указание на состояние этой монархии после петровских преобразований).

По своим способностям и многостороннему опыту Путилин был востребован временем — эпохой реформ, отказа от устаревших стереотипов, установления института адвокатуры и суда присяжных, гласного судопроизводства, подробного отражения наиболее важных уголовных и политических процессов в печати. Но свою деятельность детектив начинал в дремучих дебрях прежнего «правосудия», где квартальный надзиратель, каков бы он ни был, для простого человека знаменовал начало и конец административной, полицейской и всякой другой законности. Работу дореформенной полиции Путилин знал по собственному опыту и великолепно, поскольку довольно долго служил, как сам любил рассказывать, «в самом бойком — “апраксинском” — околотке», пребывая «под начальством знаменитого Шерстобитова, когда-то наводившего страх и ужас на обывателей своего участка и в особенности на так называемый подпольный элемент. Шерстобитов пользовался славой искусного сыщика, и в уголовной хронике Петербурга имя его занимало видное место...» [Шевляков 1995, с. 340].

На дореформенной полиции стоит задержаться, поскольку характерные для нее типы и приемы их работы занимают заметное место в «Униженных и оскорбленных». По воспоминаниям Путилина, «нрав всякого полицейского прежних времен был необычайно крут (...) В квартале царил самосуд безапелляционный. От пристава до последнего будочника включительно

---

¹⁰ Д. Нечевин и Л. Беляева, авторы предисловия к книге о шефе сысской полиции Петербурга, ссылаются на мнение одного из тех, кто знал о знаменитом сыщике и его работе не понаслышке: «Путилин был личностью совершенно необычной. Если бы нашлось перо, которое правдиво описало его подвиги в сысской работе, то слава Ивана Дмитриевича затмила бы всяких выдуманных шерлоков холмсов. Уже при жизни он был легендарной личностью... Весьма симпатичный и обаятельный, он к преступникам испытывал скорее жалость, чем неприязнь. С каждым умел найти общий язык, вызвать на разговор. Его блестящее умение анализировать, сопоставлять, строить неожиданные и смелые версии вызывает восхищение. Путилину удалось раскрыть великое множество самых злодейских и запутанных преступлений» [Путилин 2003, т. 1, с. 8].

всякий полицейский считал себя „властью“ и на основании этого безнаказанно тяготел над обывательским затылком и карманом» [Шевляков 1995, с. 340–341]. При этом затылок и карман были в непостижимой, казалось бы, но прочной связи. Такую связь «начальство» разъясняло молодым коллегам при первом их поползновении уйти в сторону от грубого обычая и произвола. Полиция должна была внушать страх правому, виновному, жертве, обидчику — всем вообще, «а не будь этой привилегии (вызывать оторопь и творить физическую расправу. — *В. В.*) — в грош бы нас не стали ценить, тогда как теперь ценят целковыми» [Шевляков 1995, с. 341]. «Действительно, — вспоминал Путилин, — в старину обыватели делали оценку полиции денежными знаками. Взятничество было развито до крайних пределов. Взятки брались открыто, бесцеремонно и почти официально. Без „приношения“ никто не смел появляться в квартале, зная заранее, что даром ему ничего не сделают» [Шевляков 1995, с. 341]. Взятки, судя по всему, — основной источник материального благополучия Маслобоева, бывшего гимназического товарища Ивана Петровича (рассказчика «Униженных и оскорбленных»). Служба в полицейской «конторе», а затем частный сыск дают Маслобоеву средства для безбедного существования. «...Я теперь хоть и не служу, — признается он Ивану Петровичу, — но денежки наживаю удобно: взятки беру и за правду стою; молодец против овец, а против молодца и сам овца» (3; 265). Не будучи скупым (при том что «своего» он, разумеется, никогда не упустит, о чем свидетельствуют его деловые отношения с князем Валковским), Маслобоев готов поделиться бесцельно нажитым добром с честным и нищим приятелем: «Послушай же откровенно и прямо, по-братски (<...> — не надо ли денег? Есть. Да ты не гримасничай. Деньги возьми, расплатись с антрепренерами, скинь хомут, потом обеспечь себе целый год жизни и садись за любимую мысль, пиши великое произведение!» (3; 266).

Конечно, взяточничество не единственный источник доходов для людей «полицейской части». «Путилин уморительно рассказывал, — пишет М. В. Шевляков, — как в старое время в квартале производился обыск вора, пойманного с поличным», при понятых и потерпевшем [Шевляков 1995, с. 341–342]. Расследование и суд ведет и наказание определяет «некий пристав» (скорее всего, имелся в виду К. Л. Шерстобитов, преподававший Путилину азы полицейской науки). Смех «уморительного» рассказа, в котором нельзя не заметить изрядной доли цинизма, заключался в живописном изображении приемов дознания и общего результата следствия, произведенного с надлежащей остроткой. В конце концов и вор, и пострадавший уходят из «квартала» насмерть перепуганные, с явным для себя убытком, оставив

в карманах полицейского чиновника свое несправедно и праведно добытое добро. «Пристав этот, — заключает рассказ Путилин, — нажил большое состояние и был уволен „без прощений“ (то есть без указания на какие бы то ни было упущения по службе. — В. В.). Впоследствии он жаловался на несправедливость начальства и любил хвастнуть, что его обожал весь околоток за порядок и за умелое миротворение» [Шевляков 1995, с. 343].

Были и другие, более капитальные способы наживы. Например, при охранительной описи ценного имущества какого-нибудь скончавшегося богача. Путилин вспоминал (речь идет о той же дореформенной поре), как, назначенный на такую опись, он добросовестно перечислил все дорогостоящие предметы. Начальник был недоволен его работой и тут же «отредактировал» перечень в сторону резкого сокращения ценности указанных вещей. В установленный порядок срок наследники явились за получением имущества. «Иван Дмитриевич присутствовал при этом как представитель полиции и охранительной власти. Он пристально приглядывался к вещам, еще недавно им виденным и подробно отмеченным в первоначальной описи, но не узнавал их. Почти ни один предмет не имел надлежащего вида, — все превосходно соответствовало другой, то есть переделанной описи... Только тут понял неопытный квартальный надзиратель, — как опытен его начальник» [Шевляков 1995, с. 345]. Впрочем, в практике такого рода не было ничего исключительного. В рассказах И. Ф. Горбунова (1831–1895) о московском дореформенном быте («Из московского захолустья. I. Иверские юристы») встречаем те же приемы дознания и суда и те же хитроумные описи имущества [Горбунов; Кони 1989а, с. 270–273]. Кстати, И. Ф. Горбунов и И. Д. Путилин были не только знакомы, но и дружны. Происходя из небогатых, бедных семейств, они оба были знатоками народного быта и великолепными импровизаторами и рассказчиками. Об этом со ссылками на мемуарную литературу см.: [Пикуль, с. 521]. М. В. Шевляков писал: «Иван Дмитриевич был неподражаемым рассказчиком и даже имитатором. Обладая природной наблюдательностью и врожденным юмором, он картинно передавал всяческие события и типы, всегда возбуждая глубокое внимание и неудержимый смех слушателя. Увлекая своими повествованиями других, он увлекался сам...» Речь, собственно, идет о незаурядном актерском таланте [Шевляков 1901, с. 10; 2009, с. 9–10].

Но какими бы средствами обогащения ни пользовался наставник Путилина К. Л. Шерстобитов, он, начав с пуста, кончил жизнь весьма состоятельным человеком — в отличие от героя Достоевского, Маслобоева, который часто пускал деньги на ветер или даже умудрялся использовать их себе во вред. Тем не менее именно К. Л. Шерстобитов, ярко изображенный

в рассказах Путилина, был главным прототипом Маслобоева в «Униженных и оскорбленных». На это указывает, в частности, смысловая переключка реальной и вымышленной фамилий, ср.: Шерсто-битов — Масло-боев.

Официальные сведения о К. Л. Шерстобитове скупы. В статье А. Ломачевского «Рассказы из прежней полицейской службы в Петербурге» ему отведено незначительное место. О нем говорится как о «знаменитом в свое время сыщике», «самом искусном, осторожном, находчивом и терпеливом» [Ломачевский, с. 202, 209], рассказывается о некоторых раскрытых им преступлениях, а также о том, что, будучи грозой преступников, он нередко обнаруживал «доброе, сострадательное сердце», в противоположность его известным французским коллегам, с которыми Шерстобитова иногда сопоставляли [Ломачевский, с. 208].

Наиболее подробные сведения о Шерстобитове находим в историческом очерке Пикуля «Старое, доброе время», написанном не без веселой усмешки, но с явной симпатией к избранному герою. «В середине прошлого столетия (то есть в XIX в. — В. В.), — пишет В. С. Пикуль, — жители российской столицы часто видели странного человека, который свободно проникал в кабинеты самых знатных вельмож, а иногда шепотком беседовал с дворниками. Держался он слишком независимо и даже отчужденно (...) вечно сосредоточенный, взирающий исподлобья, но при этом его маленькие свинные глазки, казалось, насквозь пронизали каждого человека (...) Чиновники, служившие в канцелярии обер-полицмейстеров Санкт-Петербурга, не раз видели» его «в различном одеянии. Он являлся перед ними то солидным господином, посверкивая бриллиантами в перстнях, то его видели вертким купцом в чуйке, а то вдруг он представлял жалким оборванцем-пропойцей, который, казалось, начнет сейчас клянчить на водку». У знающих его людей было четкое убеждение, что «с этим человеком лучше бы (...) не связываться» [Пикуль, с. 511]. Очерк, как все такого рода повествования писателя, основан на обширном и мало кому доступном мемуарном и архивном материале. «На заинтересовавшую Пикуля личность, — объясняет комментатор, А. И. Пикуль, — он заводил карточку и годами (а иногда десятилетиями) заносил в нее библиографические источники, в которых встречался материал, необходимый для полного раскрытия образа будущего героя миниатюры. Иногда библиография составляла 60–70 источников» [Пикуль, с. 600]. Среди таких источников были воспоминания и рассказы И. Д. Путилина, ведь многие дела Шерстобитов и Путилин вели вместе.

К. Л. Шерстобитов происходил из кантонистов. Выучился на военного фельдшера и двадцать лет служил в морском госпитале Кронштадта, с лихвой отрабатывая скудное казенное обеспечение, полученное в детстве. В 1841 г.

был освобожден от службы с чином коллежского регистратора (последний, XIV класс Табели о рангах) и перебрался в Петербург с женой, матросской дочерью Прасковьей Артамоновной, с которой, добродушно пикируясь, всю жизнь прожил душа в душу. В Петербурге супруги сняли «угол», завели канарейку, «и она радостно запевала, когда хозяин ударял по струнам гитары» [Пикуль, с. 512].

В полиции К. Л. Шерстобитов оказался более или менее случайно. Обзаведясь знакомствами в столице, он как-то решил помочь своему соседу, брендмайору О. С. Орловскому, которого обворовали и которому полиция не смогла вернуть украденные вещи. Шерстобитов взялся за розыск сам. Переодевшись, прислушиваясь и присматриваясь к подозрительным субъектам, он после некоторых усилий, для него отнюдь не безопасных, нашелтаки пропажу в той же «Вяземской лавре». В ответ на вопрос благодарного соседа, как новоявленного сыщика там не зарезали, Шерстобитов, как обычно, заиграл на гитаре и объяснил: «С людьми говорить уметь надобно. Когда криком, а когда шепотом. Я тебе, друг ситный, ласковым словом любую гадюку из-под коряги выманю...» [Пикуль, с. 513]. Брендмайор рассказал эту историю обер-полицмейстеру Петербурга, и тот, познакомившись с Шерстобитовым, стал поручать ему то одно, то другое запутанное дело, которые сыщик всегда распутывал с успехом. Он был принят на службу со званием помощника квартального надзирателя, затем стал старшим помощником, наконец, получил в свое ведение квартал (полицейский участок). За свои победы над героями уголовного мира Шерстобитов получал и деньги, и ордена и монаршей милостью был переведен из XIV сразу в XII класс Табели о рангах. Тогда «завел он себе пушистый халат на беличем меху, настроил гитару, ударил по струнам, и в клетке радостным пением отозвалась ему канарейка» [Пикуль, с. 515]. Наконец, благодаря своим талантам и усердию бывший безродный кантонист получил чин коллежского асессора (VIII класс Табели о рангах) и потомственное дворянство. Его Прасковья Артамоновна, по словам В. Пикуля, «прифрантилась, орешки шелкала, словно белка, научилась по утрам кофейком баловаться», а мужа просила, чтобы сыграл ей на гитаре: «Гляди, как жизнь-то обернулась: никаких расходов — одни прибитки пошли. Вот и канарейка запела...» [Пикуль, с. 516].

В это время у К. Л. Шерстобитова было уже «несколько ловких помощников, которые при надобности ездили не только по всей России, но даже за границу...» [Пикуль, с. 516]. Наиболее талантливым из них оказался И. Д. Путилин. Отношение его к своему начальнику вряд ли было однозначным, но свои молодые годы, уже будучи главой Санкт-Петербургской сыскальной полиции, он вспоминал не без удовольствия — даже тогда, когда повод

для веселья в нравственном плане нельзя было считать безупречным. Сравнивая новое и старое время, Путилин говорил А. Ф. Кони: «То ли дело было прежде, в сороковых да пятидесятых годах. Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав (то есть начальник полицейской части. — В. В.) Шерстобитов — человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате (из плотного шелка с разводами. — В. В.), на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается. Я же был у него помощником, и каких дел не делали, даже вспомнить весело!» [Кони 1989с, с. 46]. Далее следовал рассказ об одном из таких дел — вынужденных плутовских проделках начальника и подчиненного, связанных с возвращением французскому послу, герцогу Монтебелло, украденного у него серебряного сервиза, — проделках, предпринятых для спасения чести и русской полиции, и русской монархии, а заодно для спасения собственной репутации вместе с материальным достатком [Кони 1989с, с. 46–48]. Закljučая повествование об этой истории и весь очерк, А. Ф. Кони пишет: «„Иван Дмитриевич, — сказал я (...) — а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих пор действуете по-шерстобитовски...“ — „Э-э-эх! Не те времена, и не такое мое положение, — отвечал он. — Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна...“» [Кони 1989с, с. 48]. В это время К. Л. Шерстобитова уже не было в живых. После смерти любимой жены в 1848 г. он ушел с полицейской службы (начало 1850-х гг.) и в 1866 г., когда его ученик был назначен начальником Санкт-Петербургской сыскной полиции, умер тихо, всеми забытый, найдя последний приют на Митрофановском кладбище Петербурга рядом с доброй своей супругой. Похоже, что Достоевский об этом не знал, так как среди записей к роману «Подросток» (1874 г.) оставил заметку, из которой ясно, что, по соображениям писателя, Карп Леонтьевич Шерстобитов (а именно о нем здесь идет речь) еще не покинул земную обитель: «О Шерстобитове (Путилин). Вид суровый, в доме у него канарейки поют, сам на гитаре играет, каменный дом имеет» (16; 184). Но, может быть, эта заметка связана с замыслом какого-нибудь сочинения о прежней жизни. Может быть тоже (и даже скорее всего), что рассказы Путилина о Шерстобитове всплыли в сознании писателя благодаря его недавним беседам с А. Ф. Кони на юридические темы (1873). В комментарии первого академического издания по этому поводу сказано: «О Шерстобитове (Путилин). — Купец Шерстобитов упомянут также в подготовительных материалах к „Преступлению и наказанию“ (см.: наст. изд., т. VII, стр. 45 и 402)» (17; 415). Однако упомянутый в черновиках к «Преступлению и наказанию» Шерстобитов (такие купцы, как известно,

в Петербурге действительно были) не имеет никакого отношения к тому, о котором Достоевскому и Кони рассказывал И. Д. Путилин.

Как бы то ни было, забытый всеми еще при жизни К. Л. Шерстобитов прочно удержался в памяти своего ученика, его слушателей и даже обрел неожиданное бессмертие в художественном творчестве Достоевского, отразившись некоторыми чертами характера и обстоятельствами жизни в характере и обстоятельствах жизни Маслобоева, начиная с общей картины его семейной идиллии и кончая подробностями домашней обстановки: «Ровно в семь часов вечера я уже был у Маслобоева (...) Видно было, что меня ожидали. Хорошенький томпаковый самовар (томпак — сплав меди с цинком. — В. В.) кипел на круглом столике, накрытом прекрасною и дорогою скатертью. Чайный прибор блистал хрусталем, серебром и фарфором. На другом столе, покрытом другого рода, но не менее богатой скатертью, стояли на тарелках конфеты (...) варенья киевские (...) мармелад, пастила, желе, французские варенья, апельсины, яблоки и трех или четырех сортов орехи, — одним словом, целая фруктовая лавка (...) За чайным столиком сидела Александра Семеновна хоть и в простом платье и уборе, но, видимо, изысканном и обдуманном, правда, очень удачно (...) Удовольствие и веселость сверкали на ее свеженьком личике. Маслобоев сидел в прекрасных китайских туфлях, в дорогом халате и в свежем щегольском белье. На рубашке его были везде, где только можно было прицепить, модные запонки и пуговики» (З; 330). Рекомендую гостю свою «великолепную хозяйку и распорядительницу», Маслобоев говорит: «Представь, дружище (...) Рубашку голландскую на меня напялили, запонки натыкали, туфли, халат китайский, волосы расчесала мне сама и распомадила...» и т. д. (З; 331). Александра Семеновна объясняет чрезвычайные приготовления тоскою по настоящим гостям: «Никто-то, никто-то не ходит к нам в гости; а только по утрам, по делам какие-то люди ходят; меня и прогонят. А между тем и самовары, и сервиз есть, и чашки хорошие — всё есть, всё дареное. И съестное-то нам носят (...) Целый год думала: вот придет гость, настоящий гость, мы все это и покажем, и угостим (...) а что его, дурака, напомадила, так он и не стоит того; ему бы всё в грязном ходить. Вон какой халат на нем: подарили, да стоит ли он такого халата? Ему бы только нализаться прежде всего» (З; 331). Канарейки и гитары у Маслобоева нет (во всяком случае, о них ничего не говорится), зато другие свидетельства благополучия и достатка, сплошь состоящие из «приношений», и среди них богатый шелковый халат, явно указывают на реальный источник всей этой «роскоши».

Модные запонки, пуговики, прочая блестящая мелочь, трансформировавшись в цепи, кольца и перстни, в дальнейшем украшают у Достоевского

полицейских чиновников низшего ранга, от Заметова в «Преступлении и наказании» (см.: 6; 76, 98—99; ср. далее: 6; 104) до молодого судебного следователя в «Братьях Карамазовых»: «Милый молоденький человечек был (...) большой шалун (...) С виду он был маленького роста, слабого и нежного сложения. На тоненьких и бледненьких пальчиках его всегда сверкали несколько чрезвычайно крупных перстней» (14; 408 и др.). Что касается халата (шелковый ли он, не шелковый ли), то после Маслобоева он тоже словно прилепился к героям Достоевского, служащим по полицейской части. При первом свидании Раскольников с Порфирием Петровичем этот «Порфирий Петрович был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях» (6; 192). В сравнении с Маслобоевым, в его блестящем (в прямом смысле слова) облачении восседающим среди родных пенатов (3; 273), внешний вид Порфирия Петровича гораздо скромнее. Это понятно: другие времена — другие нравы. Да и служебный ранг не тот.

Надо сказать, что прототип (или один из прототипов) Порфирия Петровича, И. Д. Путилин, был человеком идеи (точнее, определенных охранительных убеждений) и страсти, но никак не корысти. Т. Ф. Прокопов пишет: «4 мая 1889 года тайный советник Путилин с вконец расстроенным здоровьем навсегда уходит на покой, поселившись в своем имении в Волхове. Здесь он и умер (...) 18 ноября 1893 года (...) Один из биографов Ивана Дмитриевича счел нужным завершить жизнеописание великого русского сыщика таким неброским, но существенным для всех нас свидетельством о его совершеннейшем бескорыстии: „Биография его не будет полной, если не закончить ее уверением, что после себя Путилин ничего не оставил семье, кроме пенсии“» [Прокопов, с. 7]. Т. Ф. Прокопов имеет в виду свидетельство М. В. Шевлякова [Шевляков 1901, с. 8]. Другой биограф, заканчивая жизнеописание детектива, замечает: «К сказанному остается прибавить, что после покойного не осталось никакого состояния... При жизни, с помощью жалованья и пенсии он еще мог всячески изворачиваться и мечтал даже удержать за собой приобретенную с помощью всяких банковских комбинаций и займов усадьбу. Но с его смертью рухнуло все. И движимое, и недвижимое пошло „с молотка“ для расчета с кредиторами... В руках наследников остались только отцовские записки да груды всяких интересных материалов» [Путилин 1990, с. 12]. В биографическом очерке «Польза. Честь. Слава»¹¹ одного из современных изданий о Путилине тоже сказано, что он был «неподкупен

¹¹ Девиз ордена Св. Владимира. Этим орденом (среди других русских и иностранных орденов) за годы своей службы Путилин был награжден дважды: 31 октября 1861 г. орденом Св. Владимира 4-й степени и 30 августа 1870 г. орденом Св. Владимира 3-й степени [Пиотровский, с. 69, 75].

и справедлив» и хотя получил потомственное дворянство и умер в чине тайного советника, «состояния не нажил» [Путилин 2003, т. 1, с. 19, 22].

Внешний вид, лицо и фигура Порфирия Петровича никак не напоминают Путилина; разве что отсутствие бакенбард и даже «что-то бабье» (6; 192) в облике литературного персонажа указывают (по противоположности) на живой оригинал, чьи густые бакенбарды, бросаясь в глаза, были слишком примечательны. Зато суть характера, приемы сыска и допроса (при всей, казалось бы, их рутине), а главное — умение разглядеть в известных случаях идеологическую (политическую) подоплеку (в юридических терминах — «идеологическая составляющая») уголовного преступления недвусмысленно отсылают к реальному прототипу. Будучи более или менее равнодушным к иным, даже весьма предосудительным, поступкам, Путилин тотчас настораживался, когда являлось подозрение «о мошенническом или политически неблагонадежном сообществе» [Антропов 1995, с. 308] или о неблагонадежности отдельных лиц, обративших на себя, к их несчастью, его заинтересованное внимание. Подчеркнем, что слежка за Раскольниковым началась, в сущности, сразу после знакомства Порфирия Петровича со статьей героя в «Периодической речи» (6; 198 и след.). Не случайно, что обсуждению этой статьи и далеко идущим из нее идеологическим и практическим выводам следователь посвящает первый допрос. Поразительная интуиция — так сказать, обостренное чутье и следователя Достоевского, и его реального прототипа¹², а также часто неожиданная, но всегда безупречная логика ведут детектива от внутреннего убеждения относительно того, кто совершил преступление, до обоснованного обвинения в злодействе. Провожая Раскольникова на первое свидание с Порфирием (в сущности, на первый допрос), Разумихин говорит: «„Очень, очень, очень желает с тобой познакомиться!“ — „Да с какой стати очень-то?“» (6; 189).

Об одном из своих сыскных дел Путилин писал: «Вспоминаю это старое дело 1859 года исключительно потому, что я сделал первоначальный розыск и дознался до истинного преступника исключительно путем логического вывода и долгое время считал его самым блестящим в моей практике. Но будущее чревато событиями — и последующие дела заслонили на время историю этого розыска...» [Путилин 1995, с. 103]. Тогда, доверяя логическим доводам, Путилин установил, что два преступления (убийство и ограбление), казавшиеся разрозненными, в действительности связаны друг с другом

¹² Не случайно один из публицистов герценовского «Колокола», характеризуя Путилина, в избытке негодования воскликнул: «Доморощенный Видок, обладающий уму непостижимым чутьем гончей собаки» [Прокопов, с. 5].

и исполнены одним лицом: «Тринадцатого июня были совершены оба преступления, а двадцать второго я представил все вещи и самого преступника (начальству. — В. В.). Шувалов (имеется в виду Санкт-Петербургский обер-полицмейстер генерал-майор граф Шувалов. — В. В.; см. [Пиотровский, Кудрявцев, Очкур, с. 61 и др.]) высказал (...) свое удивление моим способностям, но в то время я и сам был доволен и гордился этим делом, потому что все розыски были сделаны мною только на основании соображений, логически построенных» [Путилин 1995, с. 111]. Однако в трудных случаях, когда, как кажется, нет улик и следы потеряны, по необходимости приходилось опираться как раз на логические соображения. В подобных случаях участие петербургского сыщика в розыске было как нельзя более кстати. «В Петербурге в первой половине семидесятых годов, — вспоминал А. Ф. Кони, имея в виду годы личного знакомства с Путилиным, хотя такая ситуация сложилась раньше, — не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне наглядно пришлось ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александро-Невской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона» [Кони 1989с, с. 43–44]. Далее Кони рассказывает о поразительном по сообразительности и точности анализе преступления, произведенном сыщиком на месте злодеяния мгновенно и на глазах изумленного юриста [Кони 1989с, с. 44–45].

Именно логические аргументы в первую очередь (главные из которых он высказывает при очной встрече с злополучным героем) заставляют Порфирия Петровича сначала предположить в Раскольникове возможного преступника, а затем указать на него как на грабителя и убийцу. Уже при первом свидании Раскольникова с Порфирием становится ясно, что следователь не сомневается в том, что пришедший к нему незванный-непрошенный посетитель является виновником кровавой драмы. Отсюда «нескрываемая, навязчивая, раздражительная и *невежливая* язвительность Порфирия» (6; 202), его провокационные высказывания и вопросы, стремящиеся пробить или ослабить оборону противника, вынудить его утратить внимание и проговориться. Лишь чудом Раскольникову удалось избежать «ловушки», в которую заманивал его Порфирий и которая (в случае успеха замысла) позволила бы следователю в глаза и сразу назвать Раскольникова убийцей. Вместо Порфирия это делает неожиданно явившийся к герою тотчас после допроса и подозрительно похожий на следователя «мещанин в халате»:

«Мещанин (...) поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова.

— Убивец! — проговорил он вдруг тихим, но ясным и отчетливым голосом... Раскольников шел подле него. Ноги его ужасно вдруг ослабели, на спине похолодело, и сердце на мгновение как будто замерло; потом вдруг застучало, точно с крючка сорвалось. Так прошли они шагов сотню, рядом и опять совсем молча.

Мещанин не глядел на него.

— Да что вы... что... кто убийца? — пробормотал Раскольников едва слышно.

— Ты убивец, — произнес тот, еще раздельнее и внушительнее и как бы с улыбкой какого-то ненавистного торжества, и опять прямо глянул в бледное лицо Раскольникова и в его помертвевшие глаза» (6; 209).

Позднее, в последнее свидание с Порфирием, тот открыто, уже без маски и тени сомнения, обвиняет Раскольникова в убийстве:

«— Как кто убил? — переговорил он, точно не веря ушам своим, — да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с... — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом <...>

— Это не я убил, — прошептал было Раскольников <...>

— Нет, это вы-с, Родион Романыч, вы-с, и некому больше-с, — строго и убежденно прошептал Порфирий» (6; 349).

Но убеждения следователя для официального обвинения мало. Чрезвычайно важно собственное признание преступника в совершенном злодействе. Правда, такое «признание» может быть (как в случае с Миколкой) самооговором¹³, но опытному следователю выяснить правду большого труда не составляет. Миколка не способен поколебать уверенности Порфирия, который позднее говорит Раскольникову: «Не хочу, чтобы вы меня за изверга почитали, тем паче, что искренно к вам расположен, верьте не верьте. Вследствие чего <...> и пришел к вам с открытым и прямым предложением — учинить явку с повинною. Это вам будет бесчисленно выгоднее, да и мне тоже выгоднее, — потому с плеч долой» (6; 350).

Сознание преступника, существенное в любых случаях, иногда бывает особенно необходимо. Так было, например, в деле об убийстве и ограблении военного австрийского агента князя Аренсберга (Аренберга) (1870 г.). Хотя против убийц имелись неопровержимые улики (у одного из них при обыске нашли золотые часы покойного и несколько французских золотых монет),

---

¹³ Еще об одном самооговоре Порфирий Петрович рассказывает Раскольникову при одном из свиданий (6; 266). Среди детективных историй, в которых пришлось разбираться И. Д. Путилину, были и истории с самооговором. См. рассказ «Доказательство любви» [Шевляков 2009, с. 47–51]. По-видимому, тот же случай лег в основу рассказа «Убивец» [Путилин 1990, с. 13–16].

преступники не признавали свою вину. «Моя задача (найти и назвать злодеев. — В. В.), как я думал, — спустя годы вспоминал Путилин, — была окончена с честью, а между тем я же должен был, как оказывалось (в представлении начальства. — В. В.), во что бы то ни стало добиться сознания. Это было необходимо для того, чтобы дать австрийскому послу уверенность, что арестованы были *настоящие* преступники (а не назначенные на эту роль подставные фигуры. — В. В.), о чем посол торопился дать знать в Вену. Убежденный, что общее мнение присутствовавших (при обсуждении вопроса полицейскими чинами. — В. В.) не оскорбит меня подозрением в способности употребить насилие для вынуждения признания у обвиняемых, и получив массу уверений, что успех, если он будет достигнут, будет отнесен к искусству моему и навыку, я решил приступить к окончательному допросу» [Путилин 1995, с. 23; курсив автора]. Искусно построенный допрос быстро привел к желаемому финалу.

Собственное признание чрезвычайно важно и в деле Раскольников, поскольку прямых улик против преступника, как кажется, нет, а косвенные выглядят двусмысленно. Выйдя от Порфирия с Разумихиным после первого допроса, Раскольников объясняет ситуацию: «...у них нет факта, ни одного, — всё мираж, всё о двух концах, одна идея летучая — вот они (Порфирий и Заметов. — В. В.) и стараются наглостью сбить. А может, и сам (Порфирий. — В. В.) озлился, что фактов нет, с досады прорвался. А может, и намерение какое имеет... Он человек, кажется, умный... Может, напугать меня хотел тем, что знает... Тут, брат, своя психология...» (6; 206). Предположение о том, что Порфирий хотел напугать Раскольника, выбить тем самым его из равновесия и колеи, подтверждается смертельным страхом, который испытал Раскольников, едва расставшись со следователем, когда, вернувшись домой, он судорожно ищет украденные вещи, способные «выступить <...> неожиданною и неотразимою уликой» (6; 208), и позднее, когда, не успев успокоиться от мысли об уликах, он слышит от мещанина в халате обвинение в убийстве (6; 209). С тех пор пароксизмы страха разоблачения, провоцируемые Порфирием (и не только им), не оставляют убийцу.

Двусмысленность видимых улик и связанной с ними «психологии», обличающих Раскольника, а вместе с тем допускающих и сомнение в его вине, очевидна не только преступнику, но и следователю. При втором допросе Порфирий заявляет: «Вы вот изволите теперича говорить: улики (надо сказать, что Раскольников пока ничего не говорил Порфирию про улики. — В. В.); да ведь оно, положим, улики-с, да ведь улики-то, батюшка, о двух концах, большею-то частью-с, а ведь я следователь, стало быть, слабый человек, каюсь: хотелось бы следствие, так сказать, математически ясно представить,

хотелось бы такую уличку достать, чтоб на дважды два — четыре походило! На прямое и бесспорное доказательство походило бы!» (6; 261; ср.: 6; 344). Мотив улики и психологии «о двух концах» повторяется (см.: 6; 268, 275, 276, 323, 346, 349—350 и др.). Однако эта двусмысленность не спасает убийцу, и именно потому, что она может быть повернута не только в пользу преступника, но и против него. Играя с Раскольниковым и забавляясь такой игрой, Порфирий говорит: «Я лгу?.. Ну а как я с вами давеча поступил ⟨...⟩ сам вам подсказывая и выдавая все средства к защите, сам же вам всю эту психологию подводя: „Болезнь, дескать, бред, разобижен был; меланхолия да квартальные“, и всё это прочее? А? Хе-хе-хе! Хотя оно, впрочем, — кстати скажу, — все эти психологические средства к защите, отговорки да увертки, крайне несостоятельны, да и о двух концах: „Болезнь, дескать, бред, грезы, мерещилось, не помню“, всё это так-с, да зачем же, батюшка, в болезни-то да в бреду всё такие именно грезы мерещутся, а не прочие? Могли ведь быть и прочие-с? Так ли? Хе-хе-хе-хе!» (6; 268). И хотя позднее, при третьем свидании, Порфирий говорит, что, например, в случае с «мещанинишкой», уличившим было Раскольникова в убийстве, «второй-то конец» психологии о двух концах (тот, что в пользу преступника) «больше будет» и что кроме показаний «мещанинишки» у него против Раскольникова «пока и нет ничего» (6; 350), в действительности дело обстоит иначе. Не случайно сразу вслед за словами об отсутствии однозначных и неопровержимых улик следователь предлагает преступнику «явку с повинною» (6; 350).

Кстати, об уликах. Главная из них — это, конечно, сам Раскольников. Что бы он ни придумывал в свое оправдание, он все-таки убийца (ср. слова Свидригайлова: «Очень уж вы себя выдаете, Родион Романыч» — 6; 357). И в этом качестве он не представляет для следователя никакой загадки: «Ведь я знаю, как вы *квартиру-то нанимать ходили*, под самую ночь ⟨...⟩ да в колокольчик стали звонить, да про кровь спрашивали, да работников и дворников с толку сбили. Ведь я понимаю настроение-то ваше душевное, тогдашнее-то... да ведь все-таки этак вы себя просто с ума сведете, ей богу-с! Закружитесь!» (6; 265). И далее: «Эдак можно и горячку нажить, когда уж этакое поползновение нервы свои раздражать являются, по ночам в колокольчики ходить звонить да про кровь расспрашивать! Эту ведь я психологию-то изучил всю на практике-с» (6; 266). В одном из рассказов Р. Л. Антропова Путилин, тайно поджидая убийцу у трупа очередной жертвы, говорит другу и помощнику по следственной работе: «Видишь ли: несколько раз в моей практике приходилось убеждаться, что какая-то таинственная, непреодолимая сила влечет убийц поглядеть на своих жертв» [Антропов 2003, с. 107]. Предположения Путилина, учитывавшего собственный опыт

и опыт других криминалистов, оправдались, как были оправданными и соображения Порфирия.

Вся цепочка улик против Раскольникова, начиная со злополучной статьи и кончая более поздними и более осязательными фактами (их перечисляет Порфирий в последнее свидание с преступником) имеет косвенный характер. Среди них наиболее важными можно считать «колокольчики» (наем квартиры) и свидетельство «мещанина в халате», прямо обвинившего Раскольникова в убийстве. Что касается «колокольчиков», то неопределенность этого показания (очевидная и для следователя, и для преступника) лишает его достаточной доказательной силы. Остается «мещанин в халате». Но и с мещанином, как объясняет тот же Порфирий, тоже получается одна неопределенность и «психология». Следователь говорит Раскольникову при том же последнем свидании: «Приведу я, например, уличать вас мещанишку, а вы ему скажете: „Ты пьян аль нет? Кто меня с тобой видел? Я тебя просто за пьяного и принимал, да ты и был пьян“, — ну что я вам тогда на это скажу, тем паче, что ваше-то еще правдоподобнее, чем его, потому что в его показании одна психология, — что его рылу даже и неприлично, — а вы-то в самую точку попадаете, потому что пьет, мерзавец, горькую и слишком даже известен. Да и сам я вам откровенно признавался (...) что психология эта о двух концах и что второй-то конец больше будет, да и гораздо правдоподобнее, а что, кроме этого, против вас у меня пока и нет ничего» (6; 349–350).

Подсказывая Раскольникову доводы против опасного свидетеля (до которых сам герой не додумался бы, да и не стал бы думать: не в том он был состоянии), Порфирий лукавил. Он не мог не знать, что «мещанина в халате» и Раскольникова видел дворник и что этот мещанин (дворник мог бы это подтвердить) был трезв (6; 208–209). Защищая по видимости преступника, Порфирий в действительности защищал себя. Свидетель, дважды явившийся перед Раскольниковым и заставивший его пережить сначала смертельный ужас, а затем неоправданное торжество свободы от него, сделал свое дело и теперь, выведенный из игры, должен был покинуть сцену. Для Порфирия Петровича он был лишь средством (которое в иных формах следователь применяет и во время допросов), лишь одним из приемов в изматывающей преступника борьбе и психологической пытке, чтобы побудить убийцу, бросаемого из крайности в крайность (от надежды к отчаянию и от отчаяния к надежде), отказаться от сопротивления и сознаться в злодействе. Зная характер Раскольникова, его впечатлительность, нетерпеливость, раздражительность, высокомерие, готовность выскочить и доказать свое превосходство, следователь действовал почти наверняка. С первого своего

появления и до конца «мещанин в халате» остается на заднем плане тревог и страхов убийцы как угроза возможного и страшного разоблачения.

Однако в обвинениях «мещанинишки», как выясняется, ничего страшного нет («одна психология», да и та «о двух концах»), вообще ничего нет, даже и «психологии», поскольку на деле нет обвинителя. Ведь в роли «мещанина в халате» выступил сам Порфирий. Именно он дважды приходил к убийце сразу после допросов, и он же, скорее всего, а не какой-нибудь его агент, был среди тех, кто видел Раскольникова, выходящего из квартиры старухи после разговора с работниками и «колокольчиков»: «Несколько людей стояло при самом входе в дом с улицы, глаза на прохожих: оба дворника, баба, мещанин в халате и еще кое-кто» (6; 134). Этот мещанин и предлагал отвести Раскольникова «в контору» (6; 135). Такая практика в расследовании обычна. Ср. в одном из дел Путилина об убийстве: «Целая рать самых опытных, искусных агентов, „замешавшись“ в толпе, зорко приглядывалась и внимательно прислушивалась к лицам толпы и их открытым речам» [Антропов 1995, с. 165]. Опустим другие переключки в приемах работы Порфирия Петровича и Путилина (игра «кошки с мышью», «поддавки», сбивание с толку, запутывание и т. д.) [Путилин 1995, с. 100, 110 и др.], так как подобные приемы используются в любой следовательской работе и они менее впечатляют, чем переодевания и актерство.

Утверждению тождества Порфирия Петровича и «мещанина в халате»¹⁴ противоречит, как кажется, тот факт, что во время второго допроса Раскольникова этот мещанин будто бы находился рядом с кабинетом Порфирия, за перегородкой. Свидетель должен был явиться перед убийцей, уже не владеющим собой и до крайности уставшим, в виде обличающего «сюрприза»:

«— Сюрпризик-с, вот тут, за дверью у меня, хе-хе-хе! (Он указал пальцем на запертую дверь в перегородке, которая вела в казенную квартиру его).

— Я и на замок припер, чтобы не убежал.

— Что такое? где? что? — Раскольников подошел было к двери и хотел отворить, но она была заперта» (6; 269).

«Сюрприз» не состоялся из-за Миколки, спутавшего «игру» Порфирия. Он не состоялся бы и без Миколки (о чем следователь мог заранее позаботиться), так как за запертой дверью (как раз на тот случай, чтобы туда не заглянул Раскольников) не было никакого «мещанина в халате», а был только «халат». Помещение за перегородкой, ведущее в казенную квартиру Порфирия, было, судя по всему, его гримеркой и гардеробной.

¹⁴ Подробно об этом см.: [Ветловская 2008].

Такая гардеробная была у Путилина. Р. Л. Антропов пишет (рассказ «Мельница в Гусевом переулке»):

«— Ну, господа, прошу покорно в мою гардеробную!

В комнате, находившейся рядом с его служебным кабинетом, хранились знаменитые „путилинские чудеса“ по части поразительных, волшебных превращений.

Несколько шкафов были сплошь набиты костюмами, одежаниями всевозможного характера.

Тут рядом с „мантией Антихриста“ висел костюм трубочиста; там бок о бок с блестящим мундиром гвардейского полковника красовались отрепья нищего (...) Близ больших шкафов находились небольшие, со стеклами, шкафчики, в которых были расположены парики, усы, бороды, накладки.

Два туалетных столика: на них — все аксессуары грима: краски, пудра, белила, румяна, карандаши, щеточки...

Это была поистине удивительная лаборатория».

Нарядив и преобразив всех, Путилин отправил их в свой кабинет, а сам задержался в гардеробной. Скоро собравшиеся в кабинете услышали:

«— Скажите, пожалуйста, господа, могу я видеть его превосходительство господина Путилина? — раздался чей-то хриплый бас.

Мы обернулись.

На пороге кабинета стоял коренастый господин с черными волосами, густыми длинными бакенбардами „котлеткой“, с одутловатым лицом. Видимо, он был не дурак выпить.

Одет был новый посетитель в коричневый фрак, белый жилет, белый галстук. Чудовищно толстая цепь колыхалась на животе его.

— Мне-с по экстренному делу! — продолжал оригинальный гость.

— Войдите, г. Путилин сейчас будет здесь... — ответил я.

— А как же это ты, доктор, в мой кабинет, без моего разрешения посетителей принимаешь? — расхохотался господин в коричневом фраке.

Я только руками развел.

Это был Путилин» [Антропов 2003, с. 175, 176–177].

Превращения, к которым прибегал знаменитый следователь и благодаря которым его не узнавали даже близкие ему люди (таких примеров немало в рассказах о нем), для И. Д. Путилина были привычным делом¹⁵.

---

¹⁵ Автор биографического очерка о нем писал, что уже в самом начале своей карьеры Путилин «из любви к искусству, в свободные часы переодевался (...) и посещал всякого вида и рода постоянные дворы, притоны, трактиры и вертепы». Это было далеко не безопасно, и однажды его так избili, что он насилу ушел. «Этот урок, впрочем, нисколько не охладил усердия молодого человека, и он продолжал свою практику. Зато разыгрывать роли, то чернорабочего, то купца, то

Они требовали незаурядного актерского таланта. Этим талантом мог похвастаться не один прославленный сыщик — и реальный (например, Видок), и литературный (Шерлок Холмс)¹⁶. Им наделен у Достоевского и Порфирий Петрович.

Рекомендуя следователя Раскольникову при первом свидании, Разумихин говорит:

«— Да ведь всё притворяется, черт! (...) Ведь он это всё нарочно, ты еще не знаешь его, Родион! И вчера их сторону принял, только чтобы всех одурачить (...) Прошлого года уверил нас для чего-то, что в монахи идет (...)! Недавно вздумал уверять, что женится, что всё уж готово к венцу. Платье даже новое сшил (...)

— В самом деле вы такой притворщик? — спросил небрежно Раскольников.

— А вы думали, нет? Подождите, я и вас проведу — ха-ха-ха!» (6; 197–198).

Порфирий осуществил свою угрозу гораздо раньше, чем можно было ожидать: в виде «мещанина в халате» он явился к убийце сразу после первого свидания-допроса. И хотя позднее, во время второго допроса, стараясь оскорбить и унижить Порфирия, Раскольников говорит об его актерстве («...лжешь, полишинель проклятый!» — 6; 269), герой не подозревает, до какой степени, унижающей его самого, он прав: ведь Порфирий в чужом обличье дурачил преступника буквально на его глазах, а тот об этом даже не догадывался. Следователь проделал этот фокус еще раз, сразу после второго допроса, и с таким же успехом.

Но как выглядит общая ситуация? Если у Порфирия Петровича, как он сам признается, «мещанин в халате» — главная улика против Раскольникова, то у следователя вообще нет доказательств его вины. Все остальные улики, о которых говорит Порфирий (6; 345–346, 348), остаются на уровне более или менее обоснованных подозрений. Но «изо ста кроликов никогда не составит лошадь, изо ста подозрений никогда не составит доказательства», как утверждает английская пословица, которую здесь цитирует Порфирий (6; 345). Между тем сразу вслед за такими невыгодными для него признаниями, к которым, заметим, следователя никто не принуждал, он

босьяка, то даже духовного лица, он научился в совершенстве, и это в течение всей его дальнейшей карьеры сослужило ему немалую службу» [Путилин 1990, с. 10].

¹⁶ Скрываясь то от полиции, то от воров и бандитов, Видок все время перевоплощался: «Под чужими именами и личинами он втирался в доверие к ворам, грабителям и убийцам. При этом ловко носил как лохмотья бродяг, так и фраки аристократов. Мог прикинуться даже дамой под вуалью» [Макарова]. Подобным талантом обладал Шерлок Холмс, см.: [Дойл, с. 326].

обещает арестовать убийцу и посадить в острог, а во избежание этого — настойчиво предлагает ему «учинить явку с повинною» (6; 350). Всё это кажется странным. Поэтому Раскольников не спешит сдаваться:

«— Послушайте, Порфирий Петрович, вы ведь сами говорите: одна психология, а между тем въехали в математику. Ну что, если и сами вы теперь ошибаетесь?»

— Нет, Родион Романыч, не ошибаюсь. Черточку такую имею. Черточку-то эту я и тогда ведь нашёл-с; послал Господь!

— Какую черточку?

— Не скажу какую, Родион Романыч» (6; 350).

Выходит, что, помимо сомнительной «психологии», о которой, не скупясь на слова и плетя свою паутину, распространяется Порфирий Петрович, он владеет более серьезными доказательствами вины Раскольникова, о которых молчит. По поводу своих и слов, и молчания он заявляет: «Эх, Родион Романыч, не совсем словам верьте (...) Я, может быть, и сам от вас кой-что даже и теперь (при третьем, последнем свидании. — *В. В.*) скрываю-с. Не всё же мне вам так взять да и выложить, хе-хе!» (6; 350). И далее: «Вы мне, Родион Романыч, на слово-то, пожалуй, и не верьте, пожалуй, даже и никогда не верьте вполне, — это уж такой мой норов, согласен...» (6; 352). Дело, конечно, не только в «норове», но и в профессиональных целях и способах дознания. Прямые, «математически» неопровержимые доказательства вины преступника, о которых ранее говорил Порфирий (6; 261), он, по-видимому, собирался «выложить» при дальнейших допросах, уже в остроге. О пристрастии Порфирия к конкретным фактам и «математическим» доказательствам в свое время рассказывал Раскольникову Разумихин, характеризуя следователя и его приемы: «Недоверчив, скептик, циник (...) Ну и материальный старый метод...» Имеются в виду факты и вещественные свидетельства вины (6; 189). В этом не раз признавался и сам Порфирий, в том числе — при последнем свидании с преступником: «Нет, думаю, мне бы хоть черточку! хоть бы самую махочкую черточку, только одну, но только такую, чтоб уж этак руками можно взять было, чтоб уж вещь была, а не то что одну эту психологию» (6; 344). Добыванием таких «вещей» и бесспорных улик озабочен любой следователь, ведь только они завершают следствие и ведут к судебному приговору даже и тогда, когда преступник в содеянном не сознается¹⁷.

---

¹⁷ Напомним, что наличие подобных вещей, например, в деле об убийстве князя Людвига фон Аренсберга (д'Аренсберга) Путилин считал вполне достаточным для окончания следствия и обвинения.

Когда Порфирий Петрович говорил Раскольникову об улике, которая была бы «вещью» и которую «этак руками можно взять было», он такой «вещью» (и, возможно, не одной), разумеется, уже обладал: «послал Господь!». Поскольку мне приходилось подробно писать об этом [Ветловская 2020а, с. 249–254; 2020b, с. 146–148], ограничусь немногим.

Неопровержимые доказательства вины Раскольникова Порфирий Петрович мог получить лишь в результате обыска: «Вы что думаете: я у вас тогда не был с обыском (ранее он утверждал, что не был; см.: 6; 268. — *В. В.*)? Был-с, был-с, хе-хе, был-с, когда вы вот здесь больной в постельке лежали. Не официально и не своим лицом (то есть переодевшись и кем-то прикинувшись. — *В. В.*), а был-с. До последнего волоска у вас, в квартире, было осмотрено, по первым даже следам; но — *imsonst* (тщетно, *нем.* — *В. В.*)!» (6; 346). Последнему утверждению противоречит продолжение: «Думаю: теперь этот человек придет, сам придет, и очень скоро; коль виноват, так уж непременно придет. Другой не придет, а этот придет (...) Жду-с! Жду вас изо всех сил (...) смотрю, а вас Бог и дает — идете! (...) Ну зачем вам было тогда приходиться? Смех-то, смех-то ваш, как вошли тогда (...) а не жди я вас таким особенным образом, и в смехе вашем ничего бы не заметил» (6; 346). Зная о Раскольникове гораздо больше, чем тому бы хотелось, Порфирий сразу разглядел в его смехе игру, так как в действительности убийце, уж конечно, было не до смеха.

Следователь осматривал квартиру Раскольникова в тот момент, когда тот был в беспамятстве и бредил. Как позднее рассказал Разумихин, отвечая на настойчивые расспросы Раскольникова, он бредил о каких-то сережках, цепочках, носке, бахроме на панталонах и проч. (6; 98–99). До Разумихина и его «приятелей» (Зосимова, Заметова) этот бред, несомненно, слышал Порфирий. В отличие от других посетителей, навещавших больного, он не мог не разобраться, в чем тут дело. Однако на этот счет Порфирий молчит. Тема подозрительного бреда и его подробностей не возникает ни в одном из разговоров следователя с убийцей. Почему? Вероятно, потому, что эти подробности (сережки, цепочки и проч.) прямо связаны с тем, что следователь тогда «нашел» («послал Господь!»). Это были уже материальные доказательства преступления — вещь или вещи, которые «этак руками можно взять было», а не какая-то там «психология». Ведь когда Раскольников скрывал улики, он «себе не принадлежал», он был болен (6; 98). Болезнь настигла его во время злодейского убийства и далее не отпускала. Для начала, убегая с места преступления, он обронил «коробку с золотыми сережками и с камушками» (которую вскоре подобрал Миколка — 6; 106) и даже не заметил. Затем, добравшись до своей каморки и уничтожая улики,

он забывал то одно, то другое, был несобран, рассеян (6; 73–74) и сам понимал, что «соображение его ослабело, раздроблено... ум помрачен...» (6; 72). Более тщательный осмотр квартиры, чтобы в ней нельзя было при обыске вдруг обнаружить какую-нибудь цепочку, запонку, сережку, бумажку, подписанную рукой старухи, и т. д., Раскольников предпринимает уже после того, как в квартире побывал Порфирий (6; 99, 208). Всё, что в больном, помраченном состоянии пропустил и не заметил Раскольников, не мог пропустить и не заметить Порфирий, у которого с соображением, умом и, главное, профессионально цепким вниманием не было никаких проблем. Это особое внимание следователя неприятно удивило Раскольникова во время первого же свидания и допроса: «Как это вы так заметливы?...» (6; 194). Подобного свойства не только во время болезни, но и вообще, как сразу увидел Порфирий, не было у несчастного убийцы: «Какой, однако ж, у вас характер! Живете так уединенно, что таких вещей, до вас прямо касающихся, не ведаете. Это ведь факт-с» (6; 198).

Поскольку Порфирий Петрович с самого начала располагает доказательствами вины Раскольникова, он с самого начала и обращается с ним как с преступником. Правда, путая его (и не только его, но и читателя), он упорно утверждает, что никаких серьезных улик против убийцы у него нет. Но, как объясняет Раскольников Разумихину после первого допроса: «Тут, брат, своя психология...» (6; 206). Об этой психологии Порфирий рассуждает во время второго допроса: «...считай я, например, того, другого, третьего за преступника, ну зачем, спрошу, буду я его раньше срока беспокоить, хотя бы я и улики против него имел-с? Иного я и обязан, например, заарестовать поскорее, а другой ведь не такого характера, право-с...» (6; 260). И далее: «...засади его не вовремя, — хотя бы я был и уверен, что это *он*, — так ведь я, пожалуй, сам у себя средства отниму к дальнейшему его обличению, а почему? А потому, что я ему, так сказать, определенное положение дам, так сказать, психологически его определю и успокою, вот он и уйдет от меня в свою скорлупу» — замолчит, отняв всякие средства «к дальнейшему (...) обличению» (6; 261). Между тем еще до ареста, до предъявления вещественных улик, лишь в ходе изматывающих преступника допросов Порфирий заставляет его не раз проговориться и, в сущности, признать вину. Ср., например:

«— Я всё, всё понимаю! — подскочил он к нему (Раскольников к Порфирию. — *В. В.*). — Ты лжешь и дразнишь меня, чтоб я себя выдал...

— Да уж больше и нельзя себя выдать, батюшка, Родион Романыч» (6; 269; см. также: 6; 267, 351).

И все-таки следователь продолжает добиваться прямого признания в преступлении и явки с повинной. Только такой финал выгоден и следова-

телю, и преступнику. Первому — потому, что дает основание закрыть дело (и «с плеч долой»), второму — потому, что явка с повинной обещает облегчение наказания, то есть по суду — уменьшение срока заключения (6; 350). И если в скорейшем и успешном окончании расследования можно усмотреть личную заинтересованность Порфирия Петровича и корысть, то в уменьшении срока преступнику для следователя нет никакой корысти. Однако оно устраивает и Порфирия. Он даже собирается со своей стороны сделать все, чтобы оно было максимальным (6; 350), и позднее так и поступает (6; 411).

При последнем свидании с Раскольниковым Порфирий Петрович сам объясняет движущие им мотивы: «Не хочу, чтобы вы меня за изверга почитали, тем паче, что искренно к вам расположен, верьте не верьте» (6; 350). Преступление молодого человека, по его мнению (и так и было на самом деле), — результат скороспелой, не додуманной до конца и отвлеченной от жизни теории, «вроде помрачения какого-то», с которым преступник ввиду сложившейся ситуации не сумел совладать: «Теорию выдумал, да и стыдно стало (...) что уж очень не оригинально вышло! Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец. Совсем не такой подлец!» (6; 351). Это обстоятельство оставляет место состраданию. Поэтому словам Порфирия Петровича о расположении к едва вступающему в жизнь и тяжело оступившемуся молодому человеку нельзя отказать в доверии.

Надо сказать, что и реальный прототип Порфирия Петровича, И. Д. Путилин, нередко испытывал подобное чувство. В биографическом очерке о нем («Польза. Честь. Слава») сказано, что он обычно считал преступника «лишь несчастным человеком, заслуживающим сострадания. Делал для него все, что мог и что вправе был сделать, не оставляя безнаказанным преступление» [Путилин 2003, т. 1, с. 19]. Бывало и так (в случаях, когда нарушение закона было не слишком серьезным), что Путилин, видя непритворное раскаяние, вообще отпускал виновных. Например, в рассказе «Голь на выдумки хитра» М. В. Шевляков пишет: «Актеры рассказали о своем безвыходном положении, которое довело их до предосудительного поступка (речь идет о мелком мошенничестве. — В. В.). Иван Дмитриевич очень ценил раскаяние и, умея отличать действительных преступников от случайных, дело производством прекратил, не подвергнув виновных никакому наказанию» [Шевляков 2009, с. 143]. Сходным образом заканчивается и рассказ «Странный случай»: «Они (нищий бывший студент и его приятель. — В. В.) чистосердечно признались Ивану Дмитриевичу в шалости, имевшей такие странные последствия. Отобрав у них триста рублей, то есть сумму похищенную, Путилин не дал хода делу и освободил молодых людей от уголовного преследования. Доброе сердце Ивана Дмитриевича подсказало, что

это не преступники...», то есть не закоренелые злоумышленники и любители легкой наживы [Шевляков 2009, с. 139]. Впрочем, сострадание к несчастным нарушителям закона и помощь им вообще была нередкой в русской юридической практике.

Литература

- Антропов 1995 — *Антропов Р. Л. (Роман Добрый)*. Гений русского сыска // Среди убийц и грабителей: И. Д. Путилин. Записки начальника Санкт-Петербургской сыскальной полиции. М.: Современник, 1995. С. 161–339.
- Антропов 2003 — *Антропов Р. Л.* Сыщик Санкт-Петербургской полиции. М.: Эксмо, 2003. 352 с.
- Васильев — *Васильев К.* Торжество вымысла и скудость литературно-исторических изысканий // Шевляков М. В. Роковое совпадение: По рассказам бывшего начальника Санкт-Петербургской сыскальной полиции И. Д. Путилина. СПб.: Авалонъ; Азбука классика, 2009. С. 186–193.
- Ветловская 2002 — *Ветловская В. Е.* Логика положений: «Тот свет» в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Ветловская В. Е. Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. СПб.: Наука, 2002. С. 125–153.
- Ветловская 2008 — *Ветловская В. Е.* Литературные и реальные прототипы героев Достоевского: («Мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. 2008. № 1. С. 194–205.
- Ветловская 2020а — *Ветловская В. Е.* Логическая основа художественного текста, или Что скрывает Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 1. С. 249–254.
- Ветловская 2020б — *Ветловская В. Е.* Современное прочтение Ф. М. Достоевского: Размышления на темы книги Х.-Ю. Геригка «Литературное мастерство Достоевского в развитии: От „Записок из Мертвого дома“ до „Братьев Карамазовых“» // *Dostoevsky Studies: The Journal of the International Dostoevsky Society. New Series.* 2020. Vol. 23. P. 146–148.
- Горбунов — *Горбунов И. Ф.* Юмористические рассказы и очерки. М.: Московский рабочий, 1962. 256 с.
- Дойл — *Дойл А. К.* Приключения Шерлока Холмса. М.: Изд-во Э, 2018. 352 с.
- Достоевский 1972–1990 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Елец — *Елец Ю. Л.* Биография Всеволода Владимировича Крестовского // *Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского.* СПб.: Общественная польза, 1899. Т. 1: Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных. Ч. I–IV. С. III–LV.
- Кони 1989а — *Кони А. Ф.* Иван Федорович Горбунов // Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1989. С. 251–356.
- Кони 1989б — *Кони А. Ф.* Достоевский // Кони А. Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. С. 157–172.
- Кони 1989с — *Кони А. Ф.* Из записок и воспоминаний судебного деятеля: Иван Дмитриевич Путилин // Кони А. Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. С. 42–48.
- Крестовский — *Крестовский В. В.* Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных: Роман в шести частях. М.: Правда, 1990. Ч. I–IV, гл. I–LVIII. 736 с.

- Лемке — *Лемке М. К.* Политические процессы в России 1860-х гг.: (По архивным документам). 2-е изд. М.; Пгр.: ГИЗ, 1923. 864 с.
- Ломачевский — *Ломачевский А.* Рассказы из прежней полицейской службы в Петербурге // Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р. Русская полиция: Громкие преступления прошлого и подлинные истории их раскрытия. М.; СПб.: Астрель—СПб., 2007. С. 202–209.
- Макарова — *Макарова Л.* Многоликий секрет Парижа // Загадки истории. 2020. № 9. С. 28.
- Милюков — *Милюков А. П.* Литературные встречи и знакомства. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1890. 281 с.
- Нечаева 1972 — *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», 1861–1863. М.: Наука, 1972. 320 с.
- Нечаева 1975 — *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», 1864–1865. М.: Наука, 1975. 304 с.
- Орнатская — *Орнатская Т. И.* Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865 гг.) // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 247–262.
- Орнатская, Туниманов — *Орнатская Т., Туниманов В.* Альбом племянницы Ф. М. Достоевского // Ленинградская панорама: Лит.-критич. сб. Л.: Советский писатель, 1988. С. 350–365.
- Пикуль — *Пикуль В.* Старое, доброе время // Пикуль В. Миниатюры. М.: Вече, 2015. С. 511–522, 600 (коммент. А. И. Пикуль).
- Пиотровский — *Пиотровский В.* Легенда русской полиции // Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р. Полиция Российской империи. 175-летию Ивана Дмитриевича Путилина и 140-летию учреждения Сысской полиции посвящается. М.; СПб.: Астрель—СПб., 2005. С. 72–80.
- Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р. — *Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р.* Полиция Российской империи. 175-летию Ивана Дмитриевича Путилина и 140-летию учреждения Сысской полиции посвящается. М.; СПб.: Астрель—СПб., 2005. 282 с.
- Прокопов — *Прокопов Т. Ф.* Русский Шерлок Холмс // Среди убийц и грабителей: И. Д. Путилин. Записки начальника Санкт-Петербургской сысской полиции. М.: Современник, 1995. С. 5–8.
- Путилин 1990 — Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской полиции И. Д. Путилиным. М.: Юридическая литература, 1990. 263 с.
- Путилин 1995 — *Путилин И. Д.* Записки начальника Санкт-Петербургской сысской полиции // Среди убийц и грабителей: И. Д. Путилин. Записки начальника Санкт-Петербургской сысской полиции. М.: Современник, 1995. С. 9–160.
- Путилин 2003 — Шеф сысской полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин. Соч.: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2003. Т. 1. 480 с.; Т. 2. 604 с.
- Тихомиров — *Тихомиров Б. Н.* «Лазарь! гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.
- Шевляков 1901 — *Шевляков М. В.* Из области приключений: По рассказам бывшего начальника С.-Петербургской сысской полиции И. Д. Путилина (с его портретом и биографией). М.: Т-во И. Д. Сытина, 1901. 200 с.
- Шевляков 1995 — *Шевляков М. В.* По рассказам бывшего начальника Санкт-Петербургской сысской полиции И. Д. Путилина: Дореформенная полиция //

- Среди убийц и грабителей: И. Д. Путилин. Записки начальника Санкт-Петербургской сысской полиции. М.: Современник, 1995. С. 340–411.
- Шевляков 2009 — Шевляков М. В. Роковое совпадение: По рассказам бывшего начальника Санкт-Петербургской сысской полиции И. Д. Путилина. СПб.: Авалонь; Азбука классика, 2009. 288 с.

References

- Antropov, R. L. (Roman Dobryi) (1995). 'Genii russkogo syska', in: *Sredi ubiits i grabitelei: I. D. Putilin. Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii*. Moscow: Sovremennik, 161–339.
- Antropov, R. L. (2003). *Syshchik Sankt-Peterburgskoi politzii*. Moscow: Eksmo, 352 p.
- Dostoevskii, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii*. Leningrad: Nauka, 30 vols.
- Doyle, A. C. (2018). *Priklucheniya Sherloka Kholmsa*. Moscow: Izdatel'stvo E, 352 p.
- Elets, Yu. L. (1899). 'Biografiya Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo', in: *Sobranie sochinenii Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo*. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. Vol. 1: Peterburgskie trushchoby: Kniga o sytykh i golodnykh, chast' I–IV, glavy I–LVIII, III–LV.
- Gorbunov, I. F. (1962). *Yumoristicheskie rasskazy i ocherki*. Moscow: Moskovskii rabochii, 256 p.
- Koni, A. F. (1989). 'Dostoevskii', in: Koni, A. F. *Izbrannoe*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 157–172.
- Koni, A. F. (1989). 'Ivan Fedorovich Gorbunov', in: Koni, A. F. *Vospominaniya o pisatelyakh*. Moscow: Pravda, 251–356.
- Koni, A. F. (1989). 'Iz zapisok i vospominanii sudebnogo deyatelya: Ivan Dmitrievich Putilin', in: Koni, A. F. *Izbrannoe*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 42–48.
- Krestovskii, V. V. (1990). *Peterburgskie trushchoby: Kniga o sytykh i golodnykh: Roman v shesti chastyakh*. Moscow: Pravda. Chast' I–IV, glavy I–LVIII, 736 p.
- Lemke, M. K. (1923). *Politicheskie protsessy v Rossii 1860-kh gg.: (Po arkhivnym dokumentam)*. 2-e izd. Moscow; Petrograd: GLZ, 864 p.
- Lomachevskii, A. (2007). 'Rasskazy iz prezhnei politseiskoi sluzhby v Peterburge', in: Piotrovskii, V., Kudryavtsev, D., Ochkur, R. *Russkaya politsiya: Gromkie prestupleniya prashlogo i podlinnye istorii ikh raskrytiya*. Moscow; Saint Petersburg: Astrel'—SPb., 202–209.
- Makarova, L. (2020). 'Mnogolikii sekret Parizha', *Zagadki istorii*, 9, 28.
- Milyukov, A. P. (1890). *Literaturnye vstrechi i znakomstva*. Saint Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina, 281 p.
- Nechaeva, V. S. (1972). *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Vremya", 1861–1863*. Moscow: Nauka, 320 p.
- Nechaeva, V. S. (1975). *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha", 1864–1865*. Moscow: Nauka, 304 p.
- Ornatskaya, T. I. (1988). 'Redaktsionnyi literaturnyi kruzhok F. M. i M. M. Dostoevskikh (1860–1865 gg.)', in: *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya*. Leningrad: Nauka. Vol. 8, 247–262.
- Ornatskaya, T., Tunimanov, V. (1988). 'Al'bom plemyanitsy F. M. Dostoevskogo', in: *Leningradskaya panorama: Literaturno-kriticheskii sbornik*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 350–365.
- Pikul', V. (2015). 'Staroe, dobroe vremya', in: Pikul', V. *Miniatyury*. Moscow: Veche, 511–522, 600 (kommentarii A. I. Pikul').

- Piotrovskii, V. (2005). 'Legenda russkoi politzii', in: Piotrovskii, V., Kudryavtsev, D., Ochkur, R. *Politsiya Rossiiskoi imperii. 175-letiyu Ivana Dmitrievicha Putilina i 140-letiyu uchrezhdeniya Sysknoi politzii posvyashchaetsya*. Moscow; Saint Petersburg: Astrel'—SPb., 72–80.
- Piotrovskii, V., Kudryavtsev, D., Ochkur, R. (2005). *Politsiya Rossiiskoi imperii. 175-letiyu Ivana Dmitrievicha Putilina i 140-letiyu uchrezhdeniya Sysknoi politzii posvyashchaetsya*. Moscow; Saint Petersburg: Astrel'—SPb., 282 p.
- Prokopov, T. F. (1995). 'Russkii Sherlok Kholms', in: *Sredi ubiits i grabitelei: I. D. Putilin. Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii*. Moscow: Sovremennik, 5–8.
- Prestupleniya, raskrytye nachal'nikom S. -Peterburgskoi politzii I. D. Putilinyam* (1990). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 263 p.
- Putilin, I. D. (1995). 'Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii', in: *Sredi ubiits i grabitelei: I. D. Putilin. Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii*. Moscow: Sovremennik, 9–160.
- Shef sysknoi politzii Sankt-Peterburga Ivan Dmitrievich Putilin. Sochineniya: (2003)*. 2 vols. Moscow: Olma-Press. Vol. 1, 480 p.; Vol. 2, 604 p.
- Shevlyakov, M. V. (1901). *Iz oblasti prikl'yucheni: Po rasskazam byvshego nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii I. D. Putilina (s ego portretom i biografiei)*. Moscow: Tovarishestvo I. D. Sytina, 200 p.
- Shevlyakov, M. V. (1995). 'Po rasskazam byvshego nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii I. D. Putilina: Doreformennaya politsiya', in: *Sredi ubiits i grabitelei: I. D. Putilin. Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii*. Moscow: Sovremennik, 340–411.
- Shevlyakov, M. V. (2009). *Rokovoe sovpadenie: Po rasskazam byvshego nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii I. D. Putilina*. Saint Petersburg: Avalon; Azbuka klassika, 288 p.
- Tikhomirov, B. N. (2016). "Lazar'! gryadi von": Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii. Saint Petersburg: Serebryanyi vek, 560 p.
- Vasil'ev, K. (2009). 'Torzhestvo vymysla i skudost' literaturno-istoricheskikh izyskaniy', in: Shevlyakov, M. V. *Rokovoe sovpadenie: Po rasskazam byvshego nachal'nika Sankt-Peterburgskoi sysknoi politzii I. D. Putilina*. Saint Petersburg: Avalon; Azbuka klassika, 186–193.
- Vetlovskaya, V. E. (2002). 'Logika polozhenii: "Tot svet" v "Prestuplenii i nakazanii" F. M. Dostoevskogo', in: Vetlovskaya, V. E. *Analiz epicheskogo proizvedeniya: Problemy poetiki*. Saint Petersburg: Nauka, 125–153.
- Vetlovskaya, V. E. (2008). 'Literaturnye i real'nye prototipy geroev Dostoevskogo: ("Meshchanin v khalate" v "Prestuplenii i nakazanii")', *Russkaya literatura*, 1, 194–205.
- Vetlovskaya, V. E. (2020). 'Logicheskaya osnova khudozhestvennogo teksta, ili Chto skryvaet Porfirii Petrovich v "Prestuplenii i nakazanii" F. M. Dostoevskogo', in: *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 18, 1, 249–254.
- Vetlovskaya, V. E. (2020). 'Sovremennoe prochtenie F. M. Dostoevskogo: Razmyshleniya na temy knigi Kh.-Yu. Gerigka "Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razviti: Ot Zapisk iz Mertvogo doma do Brat'ev Karamazovykh"', in: *Dostoevsky Studies: The Journal of the International Dostoevsky Society*. New Series. Vol. 23, 146–148.

В. Н. Быстров

«...ЗАМЕСТИТЕЛЬ БОГА НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ».
«ТРИ СЕРПА» А. М. РЕМИЗОВА:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ,
СВОЕОБРАЗИЕ ЗАМЫСЛА

Резюме

Статья посвящена истории создания, публикации в периодике и сборниках, а также художественным особенностям обширного цикла легенд о Николае Чудотворце «Три серпа» (1929) А. М. Ремизова. Он формировался на протяжении 20 с лишним лет. Отмечена нередко фигурирующая ошибочность датировки «Трех серпов»: 1927 г. вместо 1929 г. Определен генезис названия цикла. Ремизов распределил легенды по двум томам: в одном описаны истории из жизни святого, в другом — посмертные чудеса. Особое внимание уделено проблеме обозначения порядка томов, который не указан автором. Установлено, что 1-й том включает произведения о посмертном бытии Чудотворца, 2-й — о его прижизненных деяниях. Воспроизведены отклики эмигрантской критики, касающиеся творческих особенностей ремизовских легенд: стиля, причудливого соединения разновременных пластов прошлого и реалий современности и т. д. (статьи и рецензии Ю. Айхенвальда, К. Мочульского, З. Гиппиус, А. Амфитеатрова и др.). При этом акцентирована категоричная точка зрения И. Ильина, который возражал против новаций Ремизова в этом традиционном жанре, считал, что смешение эпох, разных культур, фантазий и реальности должно иметь какие-то пределы. В качестве противовеса в финале статьи приводятся слова писателя о том, что византийские легенды о Николае Чудотворце — «явление духовного мира» и они «стоят вне истории и археологии».

Ключевые слова: Алексей Ремизов, Николай Чудотворец, «Три серпа», легенды, история текста, творческий замысел

“SAINT NICHOLAS THE WONDERWORKER —
GOD'S DEPUTY IN THE RUSSIAN LAND”
THE ORIGINALITY OF THE CONCEPTUALIZATION OF
ALEXEY REMIZOV'S *THREE SICKLES* AND THE HISTORY
OF THE CREATION AND PUBLICATION
OF THIS CYCLE OF LEGENDS

Abstract

This article is devoted to Alexey Remizov's *Three Sickles*, an extensive cycle of legends about Saint Nicholas the Wonderworker. The study considers the history of creation of the texts that comprise the cycle and their publication in periodicals and collections of Remizov's selected works. It also examines the artistic features of these texts and reveals the origin of the title of the cycle. The cycle had been in the making for over twenty years and was first published in 1929 and not in 1927, as has been frequently argued. Remizov divided the legends into two volumes: one of them included the stories about the saint during his lifetime, the other volume was devoted to the holy man's posthumous miracles. The author did not, however, indicate the order of the volumes. This study establishes that the volume with the posthumous deeds of the Wonderworker came first. The article also reproduces the comments of émigré critics (Y. Aikhenvald, K. Mochulsky, Z. Gippius, A. Amfiteatov, etc.) about artistic features of Remizov's legends, such as style, the bizarre combination of different layers of the past and the present, etc. The most censorious of the critics was I. Il'yin, who strongly objected to Remizov's innovations in this traditional genre and asserted that the mixing of eras, different cultures, fantasies, and reality should have some limits. As a counterbalance to this criticism, the article cites Remizov's own words that the Byzantine legends about Saint Nicholas the Wonderworker are “a phenomenon of the spiritual world” and “stand outside history and archeology”.

Keywords: Alexey Remizov, Nicholas the Wonderworker, *Three Sickles*, legends, history of the text, creative concept

DOI 10.31860/2712-7591-2022-103-115

Начало работы писателя над притчами о Николае Чудотворце относится к 1907 г., когда была впервые напечатана легенда «Никола Угодник» (Голос Москвы. 1907. № 298, 25 дек.). Впоследствии публикация легенд была продолжена в периодических изданиях и сборниках лишь в 1914–1916 гг. В тот период Ремизовым была предпринята также попытка опубликовать притчи в издательстве А. Ф. Маркса. 8 ноября 1915 г. он сообщил А. И. Тинякову: «У меня Николины сказки лежали в Ниве больше году» [цит. по: Докука и балагурье, с. 651]. Затем Ремизов объединил легенды в книге «Николины притчи», состоящей из 25 текстов (Пг., 1917; далее —

НП–1917)[см.: Лимонарь, с. 716–718]. Из этого сборника в «Три серпа» (далее — *ТС*) были включены четырнадцать текстов. В 1918 г. вышел сборник «Никола Милостивый. Николины притчи», составленный из пяти легенд («Никола Милостивый», «Свеча воровская», «Глухая тропочка», «Никола Угодник», «Задача»).

Следующая книга, связанная с образом Николая Чудотворца, — «Звенигород окликанный. Николины притчи» — появилась уже за границей (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924; далее — *ЗО*). В нее включены произведения из *НП–1917* и добавлено вступление «Теплая пламень» (цикл «Жерлица дружинная» здесь не учитывается). Главный редактор издательства «УМСА-Press» Б. П. Вышеславцев писал Ремизову в октябре 1925 г. о *ЗО*: книга «дает русской душе то, о чем она больше всего тоскует: запахи весенних полей, родной земли, звук исконной народной речи и наивность язычески-христианской (веры). Но за всем этим есть нечто бесконечно более глубокое, что я оцениваю как гениальное достижение: это святые в русском духе, прикосновение к Божественному, к наглядным глубинам народной сказки, к самому заветному в ней» [цит. по: Лимонарь, с. 774].

К. В. Мочульский так охарактеризовал ремизовское своеобразие притч о Николе, вошедших в *ЗО*: «Искусство Ремизова — во внутренней правдивости, почти прозорливости: тот же сюжет и поэфффектнее можно было развить, и приукрасить, и присочинить немножко — ведь так и просится! А он знает: одним тоном выше, одним штрихом больше — и будет фальшь. Лишнего не следует — это как в молитве: самые необходимые, самые простые слова. (...) В притчах Ремизова святость без монашеской елейности: Никола — крестьянский бог, ходит в „лапотках“. (...) „Русский народ сказкой сказал о Николе: свою веру, свои чаянья, свою правду“. Кто другой, кроме А. Ремизова, мог бы отважиться пересказать эту „сказку“?» [Мочульский 1924]. Ю. Айхенвальд, отметив весомые художественные достоинства книги в контексте творчества писателя, также обратил внимание на двойственную природу образа святого: «Известно, что Ремизов пишет узорным и затейливым слогом, что русское у него иногда искажается в руссизм, что он поэтому бывает порою непонятен без справок у Даля, без погружения в темные колodцы самого изысканного фольклора. Но „Николины притчи“ всем этим как раз и не страдают: они написаны просто, чудеснейшим языком (...) они черпают свое содержание из свежих и студеных родников народной легенды, преломляя его в личном творчестве самого одаренного автора (...) Микола изображен как представитель и наместник Бога, облеченный всеми его полномочиями и силами, но в то же время сохраняющий все человеческие

повадки и обличие. Именно это соединение божественности и самой земной, самой домашней человечности придает Николе Угоднику его неотразимую привлекательность и обаяние» [Айхенвальд, с. 2, 3].

Рецензируя *ЗО*, З. Н. Гиппиус особо выделила умение художника «сливаться с очень реальной и очень таинственной стороной русского духа, к которой мы и подходить не привыкли. (...) Таинственную сторону России даже зовут, пусть неточно, но понятно — „Юродивой Русью“. Что это такое? Если взять широко — это вся жизнь русской народной души, ее сложный рост в истории. Это — неразнимчатая сплетенность язычества, христианства, сказки, порыва к правде; это ее смех и горе, ее хитрость, слабость и сила. Страницы Ремизова, где он сам становится частью этой жизни с ее безмерностью и неуловимой мерой, с ее всегдашним, хотя бы чуть заметным уклоном к „юродству“ (напрасно мы понимаем его только в отрицательном смысле!), эти страницы и драгоценны, их-то и нельзя не любить, если любишь и чуешь Россию. (...) Ремизов тут почти не „писатель“, просто один из многих „создателей“ Николиных „сказов“» [Гиппиус, с. 447–448].

В. Н. Тукалевский размышлял об органичной близости легенд Ремизова к народному духу, сознанию, мировосприятию и творчеству: «Все притчи Николины, а их много собрал Ремизов, оттеняют, каждая, особую черту народного характера. (...) Так бы и хотелось действительно писать „научную статью“ по рассказам Ремизова, как это делается применительно к произведениям народной словесности. Но суть в том, что „притчи Ремизова“ это не обычный знакомый нам материал, а очищенный от ненужного лишнего слова; взято всё метко, а главное „правильно“. Так сказано, что не отличишь от народного сказа. (...) И чем глубже проникаешь в Николины чудеса, тем яснее, что Николу создал сам народ, таким, каким он его знает, — он „всё может“; а это и есть то русское „авось“, „вывезет“ — за что так попадает от всех русским людям за их „непрактичность“. А Никола-то и есть это — „вывезет“. Причем не в том безалаберном отношении, отрицательном, а в самом лучшем: твердая уверенность в своих силах, вера в себя, в *человека*» [Тукалевский; курсив В. Н. Тукалевского].

Для истории создания и публикации двухтомного цикла «Три серпа» существенно обращение Б. П. Вышеславцева в цитированном выше письме к Ремизову от октября 1925 г.: «Мне хотелось бы вдохновить Вас на книгу о „Николае Угоднике“. По-моему, только Вы можете ее написать. А она нужна русскому человеку (...) Книга должна быть написана приблизительно так, как Вы писали свои „византийские“ вещи“ [Лимонарь, с. 774]. Редактор УМСА-Press предлагал создать книгу о Николае Чудотворце, сходную, к примеру, с жизнеописанием «Преподобный Сергей Радонежский» (1925)

Б. К. Зайцева. Однако изначально замысел Ремизова был совершенно другим, поскольку прообразом его произведений являлась, в отличие от Сергея Радонежского, личность более вымышленная, легендарная, нежели исторически реальная. Так, 5 марта 1926 г. он писал Л. Шестову: «Читаю по-франц(узски) о St. Nicolas. Я до сих пор не могу решиться подписать контракт с Вышеславцевым и попросить денег: боюсь, что житие такое выйдет — НЕ ПРИМУТ. Т(ак) к(ак) ничего неизвестно о жизни, я думаю перевести всё на современность — в Париж. А это не больно-то! Вот этим всем занят с утра до поздней ночи. Всё делается, ничего не готово» [Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым, № 2, с. 143–144]. Важно и другое обстоятельство: по словам Ремизова, «образ Николая Чудотворца возник из слияния двух образов: Николая Мирликийского и Николая Сионитского Пинарского» (Лимонарь. С. 635). Согласно историческим данным, в Ликийи, области на юго-западе Малой Азии, жили два святителя Николая: архиепископ Николай Мирликийский, родившийся в городе Патаре, — в III–IV веках, и архиепископ Николай Пинарский — в VI веке. В житиях святых деяния этих чудотворцев смешались.

В связи с этим значимо высказывание писателя в «Примечаниях» к книге «Образ Николая Чудотворца»: «О Николае Чудотворце исторических матерьялов нет, есть только легенды. И надо было „воссоздать“ эти легенды, из которых выступил бы живой образ, самый человеческий из человеческих — Никола. (...) То, что пишется, пишется не для кого и для чего, а только для самого того, *что* пишется. И если результат работы хоть в какой мере приближается к замыслу, задача исполнена. А понятно это или непонятно, к делу не относится, потому что, как нет одного понимания, так нет одной оценки — на всех не угодишь. 2.III. 1931. Paris» [Лимонарь, с. 649; курсив Ремизова]. В 1956 г. Ремизов записал в 1-й рабочей тетради о генезисе и сакральном значении образа Николая Чудотворца, почитаемого героя легенд, «сказов и сказок»: «Запомнилось на всю жизнь — на всенощной молитва Услыши ны, Боже (...) Эта молитва — величание, вдохновение моей жизни — жизнь — звезды, но невысказанная даль, невозможно подойти — так создавалась легенда о праведном человеке — Николае Угоднике. / Так возник в Византии (образ) Николая Мирликийского и в веках сложились легенды — чудеса при жизни и чудеса по смерти праведного человека. И вышли на Русь сказкой и в русских веках имя Николая Угодника и Чудотворца — заместителя на русской земле недоступного Бога» [Грачева, с. 297]. По замыслу Ремизова, Никола — не только выдуманный святой, но и реальный праведный человек. Отсюда — многогранность и величие его образа.

В № 1 парижского журнала «Версты» за 1926 г. были опубликованы четыре легенды: «Вне закона», «Урс», «К стенке», «Беспризорные». В примечании от редакции сообщалось: «В изд(ательстве) YMCA PRESS появится книга Алексея Ремизова „Николай Чудотворец“. С любезного согласия издательства печатаются некоторые главы из этой книги» (С. 37). Дата под текстами: «11. 4. (19)26. Париж». В YMCA-Press легенды о Николае так и не вышли. Позднее, в 1931 г., в этом издательстве Ремизов напечатал свою книгу «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (далее — *ОНЧ*), о которой написал на экземпляре, подаренном В. И. Малышеву: «Эта книга — введение в легенды о Николе (Николай Мирликийский)» [Волшебный мир, с. 26]. Об истории создания *ОНЧ* в связи с *ТС* см.: [Розанов Ю., с. 581–594].

После *ЗО* Ремизов несколько лет публиковал новые притчи в различных эмигрантских изданиях (чаще всего в газетах «Дни», «Последние новости», журнале «Современные записки»).

Двухтомник *ТС* явился заключительным этапом работы писателя над текстами легенд о Николае Чудотворце. Книги вышли в 1929 г. в парижском издательстве «ТАИР». В библиографии произведений Ремизова, составленной Е. А. Синани, выход книг ошибочно датирован 1927 годом [Сипану, р. 72–74]. Эта неточность затем воспроизведена в целом ряде работ о писателе.

Каждый из томов включает в себя 26 легенд, количество страниц в том и другом одинаковое — 160. Из *НП–1917* и *ЗО* в состав *ТС* вошли 14 притч: «Наречённая доля», «Милостивый», «Судия», «Чудотворец» («Никола Чудотворец»), «Верный», «Свеча воровская», «Каленые червонцы», «Николино стремя», «Заря перегорелая», «Глухая тропочка», «Дар», «Доля», «Ночлежник», «Никола Угодник».

Название двухтомника восходит к зачину легенды «Никола-угодник» (1907): «Чудна некая вещь: явился Николе верхом на коне с серпами в руках ангел Господен. „Время жатвы пришло, пробудись, стань и иди на свою землю!“». Сходный фрагмент содержится в легенде «Кипарис» (1928): «И вдруг видит: всадник — в руках серпы. „Я ангел, держащий жатвенные серпы, — сказал всадник, — меня послал Господь дать тебе один из серпов: время жатвы приходит на весь мир“». Несомненный первоисточник — Апокалипсис (Откр. 14: 14–19). Согласно этому тексту, в руках у «подобного Сыну Человеческому», сидящего на облаке, и Ангела из небесного храма — два серпа. Непосредственно «три серпа» находим в тексте Антонина: «...я есмь ангел, держащий серпы жатвы. И послал меня Господь Бог дать тебе один из серпов тех. Ибо время жатвы наступает для всего мира.

И надобно тебе иметь оружие и печатствовать жнитву и передавать. Я подошел к ангелу посмотреть на оружие и вижу как бы три серпа шириною в 5, а длиною в 15 локтей. (...) я Михаил Архангел, служащий тебе ежедневно. Мне повелел Господь Бог открыть тебе то, что имеет быть во всем мире. (...) серпы, которые ты видел, суть сила и печать Господа» [Антонин, с. 477, 479].

Важно указать на одну эдиционную особенность *ТС*: в обоих томах отсутствует обозначение их порядка. Это обстоятельство породило серьезные затруднения для публикаторов и исследователей. Так, О. П. Раевская-Хьюз, касаясь двухтомника, писала: «В „Трех серпах“ Ремизов значительно расширил круг источников, посвященных св. Николаю. Теперь это были не только русские сказки и легенды, но и эпизоды из византийских и славянских житий святого. Порядок легенд следовал Житию, то есть в совокупности представлял как бы последовательное повествование о жизни, прижизненных и посмертных чудесах св. Николая, затем рассказывалось о перенесении его мощей в город Бари в Италии, после чего Никола отправлялся на Русь. Тринадцать легенд из книги „Николины притчи“ заключали I том „Трех серпов“» [Лимонарь, с. 717]. Казалось бы, есть очень веские основания считать первым том, в который включены легенды о прижизненных деяниях и чудесах Николая Угодника (в частности, из *НП—1917*). Так и поступила О. П. Раевская-Хьюз. Так же полагали и другие исследователи.

Однако Ремизов, любивший парадоксы, принял другое решение. В *ОНЧ* он позднее прямо указал, что «посмертные чудеса воспроизведены в I т. „Трех серпов“» (далее — *ТС I*), а земное житие святителя воссоздано в легендах тома II (далее — *ТС II*) [Лимонарь, с. 664]. О легендах *ТС I* Ремизов писал также в «Примечаниях» к *ОНЧ* (исключая следующие: «О трех купцах», «О ковре», «О трех иконах», «О двух сосудах», «Обманутый Иаков», «Наречённая доля»), что это «главные посмертные чудеса Николая-чудотворца, все же бесчисленные будут только вариантами» [Лимонарь, с. 646]. Легенды в *ТС II*: «чудеса при житии» («Кипарис», «К стенке», «Продовольствие», «Налог», «Кораблекрушение») [Там же]. В 4-й рабочей тетради 1956 г. Ремизов отметил: «„Звенигород окликанный“ — чудеса при жизни» [цит. по: Грачева, с. 325].

Первый том вышел в свет еще в конце 1928 г., о чем можно судить по надписи Сергею Яковлевичу и Анне Васильевне Осиповым на подаренном им экземпляре; она датирована 29 ноября 1928 г. [Волшебный мир, с. 25].

Одним из первых на выход *ТС I* откликнулся Петр Пильский: «Сладостны и тихи, тихи и благоговейны эти любимые московские легенды, — сколько их подслушал, сколько собрал Алексей Ремизов, неутомимый раскопщик старорусских драгоценностей языка и сказаний. Удивительный и оригиналь-

ный писатель! Будто о нем самом говорится в его легенде „О двух сосудах“, об этом умении, этой науке писать „единственным почерком, каким славился Августарий, — пером августариевым, с паутиной запутанной вязью“. (...) И его „московские легенды“ написаны удивительно. Прост, искренен и величав их стиль. Внушительна и убедительна их немногословность, оставляющая глубокое, захватывающее впечатление. (...) Чрез всю книгу проходит, ее пронизывает, освещает внутренним светом убеждение в том, что вера непобедима, и всякое насилие обречено на гибель, побеждаемое человеческим сердцем. Чем-то современным, сегодняшним веет от строк Ремизова, указывающих на то, что для всех иконоборцев самыми опасными врагами представлялись те, „кто в стороне от всякой борьбы делал свое духовное дело“, а „дело, не как-нибудь сделанное, по самому своему духу подрывало ‘иконоборческий догмат’ и было большим соблазном для смирившихся поневоле“» [Пильский, с. 8].

М. Осоргин в отзыве на *ТС I* писал об особенностях восприятия причудливых ремизовских текстов: «Кто умеет читать Ремизова — тот оценит эти легенды; кто не приспособился — для того ни их святость, ни их шутовство не могут быть убедительными. (...) „Три серпа“ — перелицовка священного на язык домашнего обихода, любопытный опыт интимного сближения неба и земли, веры и суеверия, молитвы и детской болтовни. Ни рассказать содержание „любимых московских легенд“, ни объяснить манеру авторского письма нельзя, — мы не на уроке словесности. Можно назвать книгу очаровательной, — но уж дело читателя верить на слово или, проверив, составить личное впечатление» [Осоргин, с. 3].

Критик журнала «Воля России», подписавшийся криптонимом «Z» (вероятно, М. Л. Слоним), словно отвечая М. Осоргину, отметил в рецензии на этот же том: «...не следует думать, будто Ремизов труден или недоступен для широкой публики (...) Наоборот, ряд книг Ремизова — увлекательное чтение. (...) это настоящая литература, требующая от читателя и вкуса, и известной сметки. Но это литература занимательная, и порою на книгах Ремизова отдыхаешь душой. Таков и последний сборник чудесных легенд о св. Николае. Их не устанешь читать: так много юмора, любви к человеку, тонкой наблюдательности и вымысла в этих византийских и латинских легендах, большая часть которых услаждала века тому назад русских людей своими чудесами и небылицами. (...) Язык этих легенд, настоящий русский язык, гибкий, образный, меткий, полный игры и силы — каким умеет владеть только Ремизов, и который напоминает сказки и легенды Лескова...» [Воля России, с. 165–166].

Рецензируя *ТС II* (том вышел в середине 1929 г.), критик И. Воинов постарался выявить в образе чудотворца черты, которые более всего были дороги русским людям: «Эта книга ⟨...⟩ раскрывает перед нами ⟨...⟩ вселенскую миссию Николы, заступника обездоленных, вечно болеющего за темную, греховную человеческую душу. Угодник милостивый глядит на нас ласково, всегда действенный, живой, всегда на посту ⟨...⟩ В той простоте народного говора — лучистая, радостная теплота. Она захватывает читателя подлинным пафосом крепкой мужицкой веры, явственным ощущением чуда. ⟨...⟩ Лик Николая — милостивого, „нашего“ Николы, особенно светел и ясен в тех небольших рассказах Ремизова, где местом чудес святителя является бескрайняя Русская земля. Всё здесь у автора трогательно, правдиво, слова сами плывут в душу, поднимают мысль к Богу, к тайникам слепой, беспредельной веры». При этом И. Воинов обратил внимание на стремление писателя смешать реалии разных времен: «Ремизову, однако, не всегда удается выдержать единство стиля. Старая привычка к затейливым словечкам, к излюбленному, чисто ремизовскому, „юродству“ ясно обнаруживается в некоторых „сказах“ сборника. Совершенно неожиданно, но нарочито намеренно, смешивает он в рассказах далекие, почти легендарные времена с тусклыми буднями наших дней. Мы не можем признать, что такого рода „трюки“ содействуют чистоте и выдержанности стиля... Есть что-то неприятное, пожалуй, даже оскорбительное, в перенесении той нашей повседневности в сказание, хотя бы и стилизованное, о житии святого. ⟨...⟩ Справедливость всё-таки требует признать, что в „Трех серпах“ таких „сказаний“ немного» [Возрождение, с. 3].

С выходом второго тома у критиков появилась возможность оценить легенды Ремизова о Николе в целом. К. В. Мочульский в рецензии на двухтомник писал: «„Московские любимые легенды. Три Серпа“ — пересказ своим голосом старых сказаний о Чудотворце. Автор — последний из народных сказителей. Он продолжает творимую легенду, начало которой в XI веке. И принимая из рук народа нить рассказа, он знает, какую возлагает на себя ответственность. Поддайся он соблазну подражания и „стилизации“ — и светлый образ померкнет. Из иконы получится „портретная живопись“. Ремизов и не пытается „народничать“. От своего имени и своим голосом рассказывает он; двадцатый век, эмиграция, Париж — бедственная жизнь человека в изгнании — всё, что есть и что пережито, — кладет свой отпечаток на сказания о святом Николае. ⟨...⟩ В „Трех Серпах“ есть лирические монологи автора, жалобы на горькую судьбу и плач по „бедовой доле“, здесь — свое и народное — сливаются. Русский Никола — простой и благостный; старик

с насупленными бровями и сияющими добротой глазами. „Христос, — говорит Ремизов, — это очень высоко и очень требовательно“. А Никола — он „запазущный“, благостный Христос, „притоманный“ (т. е. домашний). Этим духом простоты, смирения, домашности и земной веры наполнена книга Ремизова» [Мочульский 1932, с. 480].

А. В. Амфитеатров в пространной заметке также попытался определить, насколько органично переплетаются в ремизовских повествованиях архаика и современность: «А. М. Ремизову пришла в голову идея — доказать, что не только сохранение, но даже дальнейшее развитие древнейших фольклорных мотивов возможно в бытовых условиях современной жизни. И больше того: что современный человек, если для него фольклорный мотив имеет учительную ценность, передает то или иное сказание не в основной старинной форме, но под густым налетом современных же подробностей, которые сказание оживляют новой реальностью (...) Удачный или неудачный опыт? нужный или ненужный? Право, не знаю, как решить. Увлекательно и обольстительно — не оторваться от занимательных страниц, захватывает чародейство слов, захватывает жизненное поновление бытовых драм. Ну, а иной раз все-таки широко открываешь глаза, изумленный:

— Что это? с какой стати? откуда он взял? зачем?

Так всё время и качает А(лексей) М(ихайлович) читателя... от восхищения к недоумению. (...) Пока А. М. Ремизов остается просто излагателем легенд или сближает их с русским сказочным эпосом, его пересказы истинно превосходны, и в них даже допускаемые им дополнения, распространения и „отсебятины“ удачны, метки, остроумны: фольклорного знания и чутья А(лексе)ю Мих(айлови)чу не занимать статью. Но попытки его вносить „модерн“ в события и идеи глубокого Средневековья, на границу мирового перелома от языческой культуры к христианской, срываются с тона» [Амфитеатров, с. 4].

Наиболее категоричным в своих критических суждениях был И. А. Ильин. Он, в частности, писал Ремизову после ознакомления с текстами *ТС* в конце января 1931 г.: «...не могу [не] сказать Вам от себя, что Легенды о Николе в Трех Серпах меня огорчили. Это играющее смешивание эпох производит впечатление *иронического отношения к сюжету*: как заведомо и наверно не могло быть такого междуисторического всесмешения — так, значит, автор и к самим чудесам Николая Угодника относится заведомо несерьезно, с играющей насмешкой. Вот осадок от чтения, и Вы представить себе не можете, (...) какая темная, протестующая грусть родится от этого в душе: как если бы кто-нибудь священному Предмету зачем-то язык показал...» [цит. по: Обатнина 2008, с. 152; курсив Ильина]. Позднее свои

соображения И. А. Ильин развил в книге, одна из глав которой посвящена Ремизову: «Это отсутствие заботы об *органической цельности* произведения и о его *образной правдоподобности* выразилось у Ремизова с особенной наглядностью в его двухтомном произведении „Три Серпа. Московские любимые легенды“. Фантастические рассказы о Св. Николае, Мирликийском чудотворце, составлены автором так, что читатель с первых же страниц испытывает художественный испуг и разочарование, и не расстается с этими чувствами до конца. Дело в том, что в этих рассказах бытовой и образный материал берется *сразу* из первых веков после Рождества Христова, из средних веков европейской жизни, из православной Руси, из большевистской революции, из современного эмигрантского быта во Франции и из русской сказки. И всё это обрушивается на читателя» [Ильин, с. 119–120; курсив соответствует разрядке у Ильина]. И. А. Ильин усматривал в сказаниях писателя нарушение художественных канонов, которыми не следует пренебрегать. По его мнению, смешение жанров, стилей, эпох, разных культур, реальности и фантастики должно иметь пределы и некую творческую цельсообразность.

Тут можно согласиться с мнением З. Н. Гиппиус: «Бесполезное дело — подходить к этой сложной области русской жизни с чисто эстетической меркой» [Гиппиус, с. 448]. Ремизов пояснял в анкете Андрея Седых «Писатели о своих книгах», что его «византийские легенды о Николае Чудотворце, любимые на Москве и пересказанные по-русски, как русские, о русском» — «явление духовного мира» и «стоят вне истории и археологии» [Писатели о своих книгах, с. 4]. Подробнее об этом см.: [Обатнина 2003]. В согласии с писателем был и К. В. Мочульский: «Духовное явление в истории и географии не нуждается, анахронизмов не боится, с бытом ладит и чудесно примиряет самое древнее с наисовременнейшим. Для Ремизова легенды — не археология, а жизнь, со всеми ее мелочами, и сегодняшний день, и вечность» [Мочульский 1932, с. 480].

Литература

- Айхенвальд — *Каменецкий Б.* [Айхенвальд Ю. И.]. Литературные заметки // Руль (Берлин). 1924. № 1170, 8 окт. С. 2–3.
- Амфитеатров — *Амфитеатров А.* Святые на автомобиле и аэроплане // Сегодня. 1932. № 6, 6 янв. С. 4.
- Антонин — *Антонин (Капустин), архим.* Св. Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский // Труды Киевской духовной академии. 1869. Т. 2, № 6. С. 445–497.
- Возрождение — *Воинов И.* Алексей Ремизов. «Три серпа». Московские любимые легенды. Кн. 2-ая. (...) [Рец.] // Возрождение (Париж). 1929. № 1535, 15 авг. С. 3.

- Волшебный мир — Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992. 44 с.
- Воля России — Z. Новая книга Ремизова // Воля России (Париж). 1929. № 2. С. 164–166.
- Гиппиус — Антон Крайний [Гиппиус З. Н.]. А. Ремизов. Николины притчи // Современные записки (Париж). 1924. Кн. 22. Декабрь. С. 447–449.
- Грачева — Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. 536 с. (Б-ка Пушкинского Дома).
- Докука и балагурье — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 2: Докука и балагурье. 720 с.
- Ильин — Ильин И. А. Творчество А. М. Ремизова // Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин — Ремизов — Шмелев. Мюнхен: Тип. Обители прп. Иова Почаевского, 1959. С. 81–131.
- Лимонарь — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 6: Лимонарь. 784 с.
- Мочульский 1924 — К. В. [Мочульский К. В.] Звенигород окликанный. Николины притчи (...) [Рец.] // Звено (Париж). 1924. № 86, 22 сент. С. 3.
- Мочульский 1932 — Мочульский К. В. Алексей Ремизов. (...) Московские любимые легенды. Три серпа // Современные записки (Париж). 1932. Кн. 48. С. 479–481.
- Обатнина 2003 — Обатнина Е. О целях творчества: Полемический диалог А. Ремизова и И. Ильина // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.; Салерно: Europa Orientalis; Puskinskij Dom, 2003. С. 181–202.
- Обатнина 2008 — Обатнина Е. А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 295 с.
- Осоргин — М. О. [Осоргин М. А.]. Легенды А. Ремизова // Последние новости (Париж). 1929. № 2892, 21 февр. С. 3.
- Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 159–174; № 2. С. 136–185.
- Пильский — П. П-ский [Пильский П.]. А. Ремизов. Московские любимые легенды // Сегодня (Рига). 1929. № 12, 12 янв. С. 8.
- Писатели о своих книгах — Писатели о своих книгах: [Анкета Андрея Седых] // Последние новости. 1930. № 3206, 1 янв. С. 4 (Ответ Ремизова о книге «Три серпа» и «По карнизам» среди других авторов).
- Розанов Ю. — Розанов Ю. В. Никольский цикл А. М. Ремизова и проблема «последней книги» // Проблемы исторической поэтики: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. Вып. 8 (5): Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Сб. науч. тр. С. 580–593.
- Тукалевский — Т-ский Вл. [Тукалевский В. Н.] Алексей Ремизов. «Звенигород окликанный» (...) [Рец.] // Воля России (Прага). 1924. № 16/17. С. 233–234.
- Sinany — Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany; sous la direction de T. Ossorguine. Paris: Institut d'études slaves, 1978. 255 p.

References

- Amfiteatrov, A. (1932). 'Svyatyte na avtomobile i aeroplane', *Segodnya*, 6, 6 yanv., 4.
- Anton Krainii [Gippius, Z. N.] (1924). 'A. Remizov. Nikoliny pritchi', *Sovremennye zapiski* (Paris), 22, 447–449.

- Antonin (Kapustin), arhimandrit (1869). 'Svyatoi Nikolai, episkop Pinarskii i arhimandrit Sionskii', *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*. Vol. 2, 6, 445–497.
- Danilova, I. F., Danilevskii, A. A., eds. (1994). 'Perepiska L. I. Shestova s A. M. Remizovym', *Russkaya literatura*, 1, 159–174; 2, 136–185.
- Gracheva, A. M. (2010). *Zhanr romana i tvorchestvo Alekseya Remizova (1910–1950-e gody)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskij Dom", 536 p.
- Il'in, I. A. (1959). 'Tvorchestvo A. M. Remizova', in: Il'in, I. A. *O t'me i prosvetlenii: Kniga khudozhestvennoi kritiki: Bunin — Remizov — Shmelev*. München: Tipografiya Obiteli prepodobnogo lova Pochaevskogo, 81–131.
- Kamenetskii, B. [Aykhval'd, Yu. I.] (1924). 'Literaturnye zametki', *Rul'* (Berlin), 1170, 8 okt., 2–3.
- K. V. [Mochul'skii, K. V.] (1924). 'Remizov A. Zvenigorod oklikannyi. Nikoliny pritchi... [Retsenziya]', *Zveno* (Paris), 86, 22 sent., 3.
- Mochul'skii, K. V. (1932). 'Aleksei Remizov. (...) Moskovskie lyubimye legendy. Tri serpa', *Sovremennye zapiski* (Paris), 48, 479–481.
- M. O. [Osorgin, M. A.] (1929). 'Legendy A. Remizova', in: *Poslednie novosti* (Paris), 2892, 21 fevr., 3.
- Obatnina, E. (2003). 'O tselyakh tvorchestva. Polemicheskii dialog A. Remizova i I. Il'ina', in: *Aleksei Remizov. Issledovaniya i materialy*. Saint Petersburg; Salerno: Europa Orientalis; Puskinskij Dom, 181–202.
- Obatnina, E. (2008). *A. M. Remizov: Lichnost' i tvorcheskie praktiki pisatelya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 295 p.
- P. P-skii [Pil'skii, P.] (1929). 'A. Remizov. Moskovskie lyubimye legendy', *Segodnya* (Riga), 12, 12 yanv., 8.
- 'Pisateli o svoikh knigakh. [Anketa Andrey Sedykh]' (1930), *Poslednie novosti*, 3206, 1 yanv., 4.
- Remizov, A. M. (2000). *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Moscow: Russkaya kniga. Vol. 2: Dokuka i balagur'e, 720 p.
- Remizov, A. M. (2001). *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Moscow: Russkaya kniga. Vol. 6: Limonar'. 784 p.
- Rozanov, Yu. V. (2008). 'Nicol'skii tsikl A. M. Remizova i problema "poslednei knigi"', in: *Problemy istoricheskoi poetiki: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet. Vol. 8 (5): Evangel'skii tekst v russkoi literature 18–20 vekov: Sbornik nauchnykh trudov, 580–593.
- Sinany, H. (1978). *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov*. T. Ossorguine, ed. Paris: Institut d'études slaves, 255 p.
- T-skii VI. [Tukalevskii, V. N.] (1924). 'Aleksei Remizov. "Zvenigorod oklikannyi" (...) [Retsenziya]', *Volya Rossii* (Praga), 16/17, 233–234.
- Voinov, I. (1929). 'Aleksei Remizov. "Tri serpa". Moskovskie lyubimye legendy. Kn. 2-aya (...) [Retsenziya]', *Vozrozhdenie* (Paris), 1535, 15 avg., 3.
- Volshebnyy mir Alekseya Remizova: Katalog vystavki*. Saint Petersburg: Khronograf, 1992, 44 p.
- Z. (1929). 'Novaya kniga Remizova', *Volya Rossii* (Parizh), 2, 164–166.

О. Л. Фетисенко

ПАВЕЛ СУХОТИН И ЕГО НЕИЗВЕСТНЫЕ «ПОМИНКИ» ПО АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Резюме

Многие современники Александра Блока откликнулись на его кончину явными и скрытыми поэтическими посвящениями. Не обошел этой темы и московский поэт П. С. Сухотин (1884–1935), несколько раз встречавшийся с Блоком, переписывавшийся с ним и оставивший о нем краткий мемуарный очерк. В посвященной памяти Блока третьей книге стихов Сухотина, вышедшей в 1922 г., имеются стихотворения, приуроченность которых к 7 августа 1921 г. очевидна, известны сцены в стихах «Поминки поэту», изданные в том же году, но есть в сборнике «В черные дни» произведение, ранее не прочтенное как еще один отклик «на смерть поэта». Этому стихотворению («Окна фабрик окровавили...») и посвящена статья.

Ключевые слова: А. А. Блок, П. С. Сухотин, реминисценции, поэтика, скрытое посвящение

Olga L. Fetisenko

PAVEL SUKHOTIN AND HIS UNKNOWN "COMMEMORATION" OF ALEXANDER BLOCK

Abstract

Many contemporaries of Alexander Block responded to his death in 1921 with explicit and implicit (non-obvious) poetic dedications. The Moscow poet Pavel Sukhotin did not bypass this topic either. He had known Block since 1909, corresponded with him, and in 1922, dedicated his book of poems *In dark days* to Block. This collection contains works with an obvious appeal to the theme of Block's memory, but it also includes a text that has

© О. Л. Фетисенко, 2022

not previously been read from this perspective. The article is intended to substantiate this assertion.

Keywords: Alexander Block, Pavel Sukhotin, reminiscences, poetics of a literary text, non-obvious dedication

DOI 10.31860/2712-7591-2022-116-127

Великое множество стихотворений в разные годы было посвящено Александру Блоку его современниками. В известной публикации Ю. М. Гельперина в «Литературном наследстве» «учтено свыше 380 текстов, принадлежащих более чем 180 авторам» [Гельперин, с. 541], почти треть из них (127) — на смерть поэта — написаны в 1921–1922 гг. Но внимательное чтение показывает, что на самом деле это число значительно больше, ведь в данную публикацию не включались скрытые посвящения. Мною в свое время были высказаны предположения о том, что в 1921 г. на кончину поэта откликнулись стихами Георгий Адамович («По широким мостам...»)[Фетисенко 1998] и Тэффи («Благословение Божьей десницы...»)[Фетисенко 2004]¹. По-видимому, количество не выявленных ранее посвящений на смерть Блока может увеличиться.

Стихотворение, о котором пойдет речь в этой статье, создано одним из больших почитателей Блока — поэтом, беллетристом, драматургом и переводчиком Павлом Сергеевичем Сухотиным (1884–1935)², автором сборников «Астры. Поэмы отошедшему» (М., 1909) и «Полынь» (М., 1914)³. Первый вызвал лишь убийственную реплику Блока в мини-рецензии — об изобретенных Сухотиным «новых рифмах» и «новых выражениях» [Блок 2010, с. 175]. Стихи из второй книги Блок в письме к их автору назвал «непитательными»⁴ для себя [Блок 1963, с. 437].

Двух поэтов познакомил Б. К. Зайцев⁵. Произошло это при случайной встрече в июле 1909 г. в Москве [см.: Сухотин 1980, с. 86–87]. Весной 1914 г. началась их переписка; среди сюжетов первых писем — приглашение

---

¹ Под стихотворением Тэффи даже стоит знаменательная дата — 7 августа 1921 г.

² См. о нем: [Темяков 2019; Боть 2009а; 2009b]. См. также: [Сухотин 1926].

³ Вторая книга была подарена автором Блоку с теплой дарственной надписью и сохранилась в его библиотеке [Библиотека, кн. 2, с. 301]. В 1915 г. Сухотин подарил Блоку свою переводческую работу (Тути-Намэ. М., 1915). Эта книга находится в фонде Блока в РГАЛИ. Дарственная надпись на ней опубликована: [Блок 1982, с. 130]. Об одной утраченной книге см.: [Библиотека, кн. 3, с. 242].

⁴ «...От одного этого слова „непитательно“ меня еще больше повлекло к Блоку», — вспоминал Сухотин [Сухотин 1980, с. 88].

⁵ О Сухотине как прототипе одного из его героев см.: [Темяков 2004].

участвовать в журнале «София», отзывы о книгах и т. п.⁶ Оба поэта были связаны с издательством К. Ф. Некрасова: в 1915 г. Блок подготовил для него сборник стихотворений Ап. Григорьева, а Сухотин — воспоминания последнего [см.: Сухотин 1999]⁷. В библиотеке Блока сохранилось подготовленное Сухотиным издание (*Григорьев Ап. Мои литературные и нравственные скитальчества / С послесл. и примеч. П. Сухотина. М., 1915*) с дарственной надписью:

1916 г. 5 февр(аля). Дорогому Александру Александровичу Блоку.

На память о свидании на Пряжке от Павла Сухотина.

[Библиотека, кн. 1, с. 249]

В гостях у Блока Сухотин побывал трижды. После первого посещения, когда и был подарен этот томик Григорьева, было написано стихотворение с посвящением «Александру Блоку» («Я посетил твой дом на Пряжке...»), опубликованное в «Русской мысли»⁸. В частную коллекцию попала книга «За гранью прошлых дней» (Пг., 1920), подаренная Блоком московскому поэту с надписью: «Дорогому Павлу Сергеевичу Сухотину с приветом от автора, давно забывшего стихи и состоящего на государственной службе» [Блок 1982, с. 129].

Без указания дат в воспоминаниях Сухотина («Памяти Блока», 1924) описаны две его последние встречи с Блоком [Сухотин 1980, с. 89–90]. В комментарии к публикации приведенной выше дарственной надписи Блока, сделанной в сентябре 1920 г., последние визиты в дом на Пряжке ошибочно соединены и отнесены к этому времени [Блок 1982, с. 130]. На самом деле встреча, во время которой прозвучали знаменательные слова «А революция-то кончилась!» [Сухотин 1980, с. 90], состоялась только в феврале 1921 г., что подтверждается дневниковой записью Блока от 25 мая: «Приезжали в феврале Верховский и Сухотин» [Блок 1989, с. 347]⁹.

⁶ Письма Блока к Сухотину см.: [Блок 1964, с. 546–547]; письма Сухотина цитировались: [Блок 1982, с. 130]. Автографы шести писем Сухотина 1914–1920 гг. хранятся в РГАЛИ (Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 418); см. о них: [Блок 1979, с. 446–447].

⁷ Сборник стихотворений «Полынь» также был издан К. Ф. Некрасовым.

⁸ Русская мысль. 1916. Окт. С. 182. См. также: [Гельперин, с. 561]. Примечательно, что стихотворение помечено не «Петроград», а «На Пряжке».

⁹ В. Н. Орлов, напротив, тоже предположив, что речь идет о единственной послереволюционной встрече, «пропускает» сентябрь 1920 г. (о подаренной тогда Блоком Сухотину книге он еще не мог знать) и описание осенней встречи датирует февралем 1921 г., располагая лишь дневниковой записью [см.: Сухотин 1980, с. 436]. По тексту мемуарного очерка между тем ясно видно, что речь идет о двух визитах: во время первого Блок бодр и весел, во время второго — напротив, мрачен и спешит расстаться с гостем. Думается, комментаторов в обоих изданиях ввело в заблуждение упоминание Сухотиным «осеннего пальто» на Блоке во время их последнего разговора.

В 1921 г. Сухотин готовил к печати третью книгу стихов¹⁰. Смерть Блока, возможно, несколько изменила авторский замысел. Этим событием был предопределен выбор названия для изданного З. И. Гржебиным сухотинского сборника, посвященного памяти Александра Блока, — «В черные дни». Рядовому читателю в то время было, конечно, неизвестно, что сам Блок хотел назвать свою последнюю книгу («если будет» она) «Черный день» (это название появляется в его дневнике 6 февраля 1921 г. [Блок 1989, с. 333]¹¹), но во время встречи с Сухотиным (опять-таки в феврале) поэт, давно открывший, что «душа — безумна, воздух — черный» [Блок 1965, с. 160], мог говорить о задуманной книге; не случайно в несохранившейся и известной лишь по цитации самим Сухотиным (см. ниже) дарственной надписи, предположительно на книге «Седое утро», он использовал именно выражение «в черные дни».

Возможно, название «В черные дни» отсылало также к стихотворению Блока «Ты в поля отошла без возврата...» (1905):

Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну...

Если это так, то автор книги видится принимающим «свирель» поэта отошедшего¹². Тот же мотив подтверждается и структурой книги.

Открывается она «Посвящением»:

Называя этот сборник «В черные дни», я посвящаю его ушедшему от нас Александру Блоку, — так написал он мне на своей последней книжке, в последнюю нашу встречу в Петербурге, на Пряжке, и еще добавил: «пусть еще когда-нибудь свидимся».

Да, мы свидимся!

Павел Сухотин

Москва

15 августа 1921 года [Сухотин, с. 3].

Далее следуют два стихотворения, связанные с именем Блока: упомянутое выше «Я посетил твой дом на Пряжке...» и «Промелькнула у трамвая...» — с посвящением «Памяти Александра Блока».

Промелькнула у трамвая
По мостам, у белых стен

---

¹⁰ Вышла в 1922 г. тиражом 2000 экземпляров.

¹¹ Кроме обусловленной самими обстоятельствами времени ассоциации (черный день — самое страшное, что может случиться; «И день последний, ужасней всех, увидим и вы и я...»), такое название четко выстраивало бы «суточный» ряд в названиях следующих друг за другом поэтических книг: «Ночные часы» (1911) — «Седое утро» (1920) — «Черный день».

¹² Можно вспомнить, правда, и стихотворение «В эти черные дни меж домами...».

Путь-дорога зарева
К неизведанному в плен. <...>

Вместо крыльев за плечами
Сумка нищая легла.
Я изранен весь мечами
Солнца и людского зла.

И, вплетаясь в безобразный
Жизни повседневный круг,
Я спешу куда-то, праздный,
И несущу ромашек пук.

Этот скромный, безуханный,
С детства памятный цветок
На бульваре отрок странный
За бумажный отдал клочок.

И сказал он мне, безумный,
Серый, как земная твердь,
Что с полей он в город шумный
Припелся на смерть. <...>

Что в груди сердечным стукам
Заповедано число
Для того, кто шел по мукам,
В ком нездешнее цвело.

Кто любил, как ты, великий,
Нашу бедную страну
И в венке ромашки дикой
Отошел навек ко сну.

И тебя, благоговя,
Нынче помяну в ночи.
Ты же, сердце, поскорее
Срок последний отстучи!

Москва

20 августа 1921 г.

[Сухотин 1922а, с. 6–8]

В оглавлении книги, в отличие от основного текста, посвящения «Александру Блоку» и «Памяти Александра Блока» поданы как названия стихотворений и вместе с заголовком «Посвящение» выделены даже графически — отбивкой и сдвигом вправо по сравнению с названиями других произведений из следующих далее разделов «Встречи», «Разлуки», «Осенние поэмы».

Книга вышла в 1922 г.¹³, как и драматические сцены «Поминки поэту» — еще одно произведение памяти Блока, написанное Сухотиным¹⁴. Однако этим кругом текстов не ограничиваются его «памятники» любимому поэту. Один из них увидел в книге «В черные дни» В. Н. Орлов, сделавший в принадлежащем ему экземпляре на странице со стихотворением «Провожая взором вольную птицу...» помету: «О Блоке»¹⁵. Стихотворение было написано в феврале 1922 г. типично блоковским дольником и посвящено близкой приятельнице Блока последних лет — Е. Ф. Книпович.

Провожая взором вольную птицу,
Листая в книге листы,
Хорошо гадать: где ты
Перечтешь Его голубую страницу?

Он со мной, Он с тобой неразлучен.
Могила, но смерти нет, —
И бродит Рыцарь-Поэт
На коне у речных излучин.

И течет река путем бирюзовым,
Бирюзовым от Его глаз,
И стонет чибис о нас,
И зовет нас Рыцарь далеким зовом.

И горит негасимо багряный
Осенний на могиле клен.
Да будет покой! Да будет сон!
Он прошел по земле со смертельной раной.

Провожая взором вольную птицу,
Листая в книге листы,
Хорошо гадать: где ты
Перечтешь Его голубую страницу?

Февраль 1922 г.
[Сухотин 1922а, с. 81–82]

---

¹³ На ее появление, бегло упомянув среди прочих «сборничков», прочитав которые жалеешь о «потерянном времени», откликнулся в журнале «Печать и революция» В. Я. Брюсов (1922. Кн. 6. С. 290–293). См.: [Брюсов, с. 567, 569].

¹⁴ [Сухотин 1922b]. Заметим попутно, что вопреки утверждению В. В. Темякова в словарной статье [Темяков 2019, с. 154] отклик С. П. Боброва в сборнике «Печать и революция» 1923 г. относится к этому произведению, а не к сборнику «В черные дни». Сухотин, между прочим, назван в этой рецензии «горьким подражателем» Блока [Бобров, с. 218].

¹⁵ Мемориальная библиотека В. Н. Орлова (Музей-квартира А. А. Блока, Санкт-Петербург).

Еще более уместна помета «о Блоке» была бы рядом с другим стихотворением — без названия и посвящения:

Стекла фабрик окровавили
На заре вечеровой
И ко Всенощной ударили,
И исчезли за Москвой.

Не твоя ли свечка малая
У церковного окна —
Трехгрошовая, исталая —
К Благовестью подана?

Но кого с любовью нежною
И с горючею тоской
Ты стезею неизбежною
Провожаешь на покой?

Иль опять с улыбкой милою
В светлой памяти возник,
Скрытый раннею могилою,
Нерасцветший в мире лик?

Иль о Нем опять под крышею
И во тьме глухих ворот
За изорванной афишею
Ветер города поет?

И бедою предугаданный
Видишь ты его черед, —
Иерей у жертвы ладанной
Имя друга назовет.

Но не вскрикнет ни единая
На лице твоём черта, —
Неизменна грусть старинная
И земная красота!

Только горше и бездоннее
Станут тихие слова,
И в глазах твоих просторнее
Затемнеет синева,

Да огонь кольца венчального
В троеперстии блеснет...
Помяни ж меня, печального,
Помяни и мой черед,

Перед судьбами безгласная,
За молитвой и одна,
Светозарная, прекрасная,
Бедная жена!

Москва
10 сентября 1921 г.
[Сухотин, с. 25–27]

Чтобы доказать «мемориальность» этого стихотворения, проанализируем его. Очевидно, что основной темой произведения является поминовение усопшего. Обращает на себя внимание датировка стихотворения: 10 сентября 1921 г. исполнился ровно месяц со дня похорон Блока на петербургском Смоленском кладбище. Текст содержит множество узнаваемых блоковских образов (прием, характерный для большинства стихотворных посвящений «на смерть поэта», любого, не только Блока). Первая строфа воспроизводит почти дословно образный строй стихотворения из цикла «Город» (1904):

Стекла фабрик окровавили
На заре вечеровой
И ко Всенощной ударили...

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены **фабрик, стекла** окон (...)
Все закатом залито (...)

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет **колокол** раздольный
Окровавленный язык.

Но город Сухотина не тождественен блоковскому; его «поминки поэту» — московские («И исчезли за Москвой...»).

Одна из характерных и распространенных форм поэтического посвящения — использование размера, ритмического рисунка, интонации «источника» (стихотворения того, кому посвящение адресовано). Так и в нашем случае: размер и система рифмовки «Стекла фабрик окровавили...» напоминают стихотворение Блока «В голубой далекой спальне...» (1905) и основную часть стихотворения «Сын и мать» (1906)¹⁶. Дактилические рифмы в нечетных стихах чередуются с мужскими в четных.

Заслуживает внимания возможная связь женских образов в этих произведениях. Ср. также вторую строфу Блока и восьмью Сухотина.

---

¹⁶ Тем же размером, впрочем, написан и некрасовский «Влас».

Все, как было. Только странная
 Воцарилась тишина.
 И в окне твоём — туманная
 Только улица страшна.

Только горше и бездоннее
 Станут тихие слова,
 И в глазах твоих просторнее
 Затемнеет синева.

Обратим внимание на мотив окна в обоих текстах: у Сухотина — «у церковного окна», у Блока — «И в окне твоём (...) Штору синего¹⁷ окна».

Вторая строфа стихотворения Сухотина ориентирована на фрагмент блоковского стихотворения «Мой любимый, мой князь, мой жених...» (1904):

Не твоя ли свечка малая
 У церковного окна (...)
 К Благовестью подана?

Робко пламя **церковной свечи**
 У заутрени бледной зажгу (...)
 И к **Царице Небесной** придешь (...)

Более тонкую связь можно проследить и со стихотворением «За гробом» («Божья Матерь *Утоли мои печали...*», 1909). Объединяет тексты, помимо темы смерти и поминания, мотив грусти / тишины, связанный с женским образом (невесты-жены):

Провожаешь на покой...
тихие слова
 Неизменна **грусть** старинная...
 ...огонь **кольца венчального...**

...Перед гробом шла светла, **тиха...**
 Шла **невеста**, провожая жениха...
 И с какою бесконечной **грустью...**
 Приняла она слова сочувствий...
 Где и **грусть** не может быть **тиха...**

И наконец, финал стихотворения Сухотина, развивающий тему второй и третьей строфы, безусловно, связан с концовкой блоковского «Мы самодруг над степью в полночь стали...» из цикла «На поле Куликовом» (1908):

Помяни ж за раннюю обедней
 Мила друга, светлая жена.¹⁸

Характер использования блоковских образов, а также прописная буква в местоимении («о Нем») позволяет сопоставить это стихотворение с приведенным выше «Провожая взором вольную птицу...», где также местоимения, заменяющие имя «Рыцаря-Поэта» («потомка северного скальда»), написаны с прописной буквы.

¹⁷ Ср. у Сухотина: «затемнеет синева».

¹⁸ Ср. также: «Закат в крови» и начало стихотворения Сухотина. Выше было упомянуто стихотворение «Ты в поля отошла без возврата...». Уместно вспомнить, что в нем встречается тот же мотив: «Снова красные копыта заката / Протянули ко мне острие...».

Все это приводит нас к выводу о существовании в третьем сборнике стихов Сухотина по меньшей мере четырех текстов, посвященных Блоку. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о реминисценциях из его стихов в других произведениях книги «В черные дни». Приведу лишь один пример из стихотворения «Мокрый снег прилипает к одеждам...» (написано в Петрограде 28 февраля 1921 г., т. е. после встречи с Блоком):

Но сегодня ничто не разбудит
Зацелованной снегом души.
[Сухотин 1922а, с. 60]¹⁹

«...Уже навсегда неразрывная связь возникла меж Вами, где бы Вы ни были, и мною... — писал Сухотин в последнем письме любимому поэту 26 июня 1920 г., — и я совершенно уверен, что Вы единственный в наше время проносящий светлый дар свой в будущее...» [цит. по: Блок 1982, с. 130]. Свидетельством этой «неразрывной связи» и надежды на грядущую *встречу* («Да, мы встретимся» — заканчивал он «Посвящение») и должна была стать книга стихов «В черные дни».

Литература

- Библиотека — Библиотека А. А. Блока: Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л.: Наука, 1984. Кн. 1. 317 с.; 1985. Кн. 2. 417 с.; 1986. Кн. 3. 330 с. (Книжные собрания писателей в библиотеке Пушкинского Дома).
- Блок 1963 — Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. В. Н. Орлова. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 8: Письма, 1898–1921. 772 с.
- Блок 1964 — Письма Александра Блока к П. С. Сухотину / Публ. Н. С. Ашукина // Блоковский сборник. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1964. [Вып. 1]: Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока (май 1962 г.). С. 545–548.
- Блок 1965 — Блок А. А. Записные книжки, 1901–1920 / Сост., предисл. и примеч. В. Н. Орлова. М.: Худож. лит., 1965. 664 с.
- Блок 1979 — Александр Блок. Переписка: Аннот. каталог / Под ред. В. Н. Орлова. М.: Гл. арх. управл. при Совете министров СССР, 1979. Вып. 2: Письма к Александру Блоку. 644 с.
- Блок 1982 — Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / [Сост. Н. П. Ильин и А. Е. Парнис]; вступ. ст. и публ. В. Я. Мордерер и А. Е. Парниса; коммент. Ю. М. Гельперина, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса, Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В [5] кн. Кн. 3. С. 5–152.
- Блок 1989 — Блок А. Дневник / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Гришунина. М.: Советская Россия, 1989. 512 с. (Русские дневники).
- Блок 2010 — Блок А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 2010. Т. 8: Проза (1906–1916). 590 с.

---

¹⁹ Ср. с концовкой стихотворения «Так жили поэты»: «То вьюга меня целовала».

- Бобров — Бик Э. П. [Бобров С. П.] Павел Сухотин. Поминки поэту {...} [Рец.] // Печать и революция. 1923. Кн. 1. С. 117–119.
- Боть 2009a — Боть В. Забытый писатель: К 125-летию со дня рождения П. С. Сухотина // Приокские зори. 2009. № 1 (14). С. 238–240.
- Боть 2009b — Боть В. И. Поэт, прозаик, драматург: (К 125-летию со дня рождения П. С. Сухотина). URL: http://az.lib.ru/s/suhotin_p_s/text_2009_about.shtml.
- Брюсов — Брюсов В. Среди стихов, 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. М.: Советский писатель, 1990. 720 с.
- Гельперин — Блок в поэзии его современников / Вступ. ст. и публ. Ю. М. Гельперина // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В [5] кн. М.: Наука, 1982. Кн. 3. С. 540–597.
- Сухотин 1922a — Сухотин П. С. В черные дни. М.: Изд. З. И. Гржебина, 1922. 144, [5] с.
- Сухотин 1922b — Сухотин П. Поминки поэту: Сцены [в стихах] (Памяти Блока). М.: Книгопечатник, 1922. 32 с.
- Сухотин 1926 — [Сухотин П. С.] Павел Сергеевич Сухотин: [Автобиография] // Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / Под ред. Вл. Лидина. М.: Современные проблемы, 1926. С. 291–294.
- Сухотин 1980 — Сухотин П. Памяти Блока [1924] // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. В. [Н.] Орлова. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2. С. 86–90, 435–436.
- Сухотин 1999 — Письма П. С. Сухотина к К. Ф. Некрасову / Публ., [вступ. ст. и примеч.] И. В. Вагановой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альм. М.: Студия ТРИТЭ — Российский архив, 1999. [Кн.] 9. С. 493–519.
- Темяков 2004 — Темяков В. В. О прототипе героя рассказа Б. К. Зайцева «Студент Бенедиктов» // Res Philologica: Ученые записки Северодвинского филиала Поморского гос. ун-та. 2004. Вып. 4. С. 237–242.
- Темяков 2019 — Темяков В. В. Сухотин Павел Сергеевич // Русские писатели, 1800–1917: Биогр. словарь. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 153–154.
- Фетисенко 1998 — Фетисенко О. Л. А. Блок и Г. Адамович: (О возможном прочтении одного стихотворения Г. Адамовича) // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. [Т. 3]. С. 90–101.
- Фетисенко 2004 — Фетисенко О. Л. Первые отклики на смерть А. Блока в прессе русского зарубежья // Зарубежная Россия, 1917–1945: Сб. ст. / Гл. ред. В. Ю. Черняев. СПб.: Лики России, 2004. Кн. 3. С. 271–277.

References

- Ashukin, N. S., ed. (1964). 'Pis'ma Aleksandra Bloka k P. S. Sukhotinu', in: *Blokovskiy sbornik*. Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet, 1964. [Vol. 1]: Trudy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi izucheniyu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka (mai 1962 goda), 545–548.
- Bik, E. P. [Bobrov, S. P.] (1923). 'Pavel Sukhotin. Pominki poetu {...} [Retsenziya]', in: *Pechat' i revolyutsiya*. Vol. 1, 117–119.
- Blok, A. A. (1963). *Sobranie sochinenii i pisem*. 8 vols. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 8: Pis'ma, 1898–1921, 772 p.
- Blok, A. A. (1965). *Zapisnye knizhki, 1901–1920*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 664 p.

- Blok, A. A. (1989). *Dnevnik*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 512 p.
- Block, A. A. (2010). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*. 20 vols. Moscow: Nauka. Vol. 8, 590 p.
- Bot', V. (2009). 'Zabytyi pisatel': K 125-letiyu so dnya rozhdeniya P. S. Sukhotina', *Priokskie zori*, 1 (14), 238–240.
- Bot', V. I. (2009). *Poet, prozaik, dramaturg. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya P. S. Sukhotina*. URL: http://az.lib.ru/s/suhotin_p_s/text_2009_about.shtml
- Bryusov, V. (1990). *Sredi stikhov, 1894–1924: Manifesty, stat'i, retsenzii*. Moscow: Sovetskyi pisatel', 720 p.
- Fetisenko, O. L. (1998). 'A. Blok i G. Adamovich: (O vozmozhnom prochtenii odnogo stikhotvoreniya G. Adamovicha)', in: *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. [Vol. 3], 90–101.
- Fetisenko, O. L. (2004). 'Pervye otkliki na smert' A. Blocka v presse russkogo zarubezh'ya', in: *Zarubezhnaya Rossiya, 1917–1945: Sbornik statei*. Saint Petersburg: Liki Rossii. Vol. 3, 271–277.
- Gelperin, Yu. M., ed. (1982). 'Blok v poezii ego sovremennikov', in: *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Nauka. Vol. 92 [v 5 knigakh]. Kniga 3, 540–597.
- Il'in, N. P., Parnis, A. E., eds. (1982). 'Darstvennye nadpisi Bloka na knigakh i fotografiyakh', in: *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Nauka. Vol. 92 [v 5 knigakh]. Kniga 3, 5–152.
- Miller, O. V., Kolobova, N. A., Vovina, S. Ya., Lukirskaia, K. P., eds. (1984–1986). *Biblioteka A. A. Bloka: Opisanie*. 3 vols. Leningrad: Nauka. Vol. 1, 317 p.; Vol. 2, 417 p.; Vol. 3, 330 p.
- Orlov, V. N., ed. (1979). *Aleksandr Blok. Perepiska: Annotirovannyi katalog*. Moscow: Glavnoe arkhivnoe upravlenie. Vol. 2: Pis'ma k Aleksandru Bloku, 644 p.
- Sukhotin, P. (1922). *Pominki poetu: Stseny [v stikhakh] (Pamyati Bloka)*. Moscow: Knigopechatnik, 32 p.
- Sukhotin, P. S. (1922). *V chernye dni*. Moscow: Izdanie Z. I. Grzhechina, 144, [5] p.
- [Sukhotin, P. S.] (1926). 'Pavel Sergeevich Sukhotin. [Avtobiografiya]', in: *Pisateli: Avtobiografii i portrety sovremennykh russkikh prozaikov*. Moscow: Sovremennye problemy, 291–294.
- Sukhotin, P. (1980). 'Pamyati Bloka' [1924], in: Orlov, V. N., ed. *Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov*. 2 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, 86–90, 435–436.
- Temyakov, V. V. (2004). 'O prototipe geroia rasskaza B. K. Zaitseva *Student Benediktov*', in: *Res Philologica. Uchenye zapiski Severodvinskogo filiala Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 4, 237–242.
- Temyakov, V. V. (2019). 'Sukhotin Pavel Sergeevich', in: *Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskiy slovar'*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. Vol. 6, 153–154.
- Vaganova, I. V., ed. (1999). 'Pis'ma P. S. Sukhotina k K. F. Nekrasovu', in: *Rossiyskiy arkhiv: Al'manakh*. Moscow: Studiia TRITE — Rossiiskii arkhiv. [Vol. 9], 493–519.

Ю. С. Ромайкина

СОТРУДНИЧЕСТВО Л. Н. АНДРЕЕВА В СБОРНИКАХ «ЗЕМЛЯ»

Резюме

В статье представлены материалы, касающиеся сотрудничества Л. Н. Андреева в сборниках «Земля» (1908–1917). В «Земле» было опубликовано два произведения писателя: рассказ «Проклятие зверя» (1908. Сб. 1) и драма «Профессор Сторицын» (1913. Сб. 11). Между тем, судя по найденным в РГАЛИ письмам главы «Московского книгоиздательства» Г. Г. Блюменберга и полному тексту воспоминаний заведовавшего книгоиздательством в 1907–1909 гг. Н. С. Клёсова (Ангарского), затеяв выпуск литературных сборников по аналогии с литературно-художественными альманахами издательства «Шиповник», Блюменберги делали ставку на Андреева как основного сотрудника будущих книжек. По рекомендации Андреева на должность редактора альманахов «Земля» был приглашен И. А. Бунин. В ходе анализа обнаруженного материала (эпистолярного наследия современников, критических статей в журналах и газетах Серебряного века) удалось установить, что в 1907–1908 гг. Андреев лавировал между тремя издательскими предприятиями: «Знанием» М. Горького, «Шиповником» и «Землей». Писатель обещал каждому из издательств свои новые произведения («Тьма», «Любовь студента», «Проклятие зверя»). Намереваясь заручиться постоянным сотрудничеством Андреева, Блюменберги предлагали ему высокие гонорары. Но владельцы петербургского издательства «Шиповник» (С. Ю. Копельман и З. И. Гржебин) оказались успешнее: летом 1908 г. Андреев заключил договор с «Шиповником» и принял на себя редактирование его альманахов. Участие Андреева в одиннадцатом литературном сборнике «Земля» в 1913 г. носило случайный характер на фоне разногласий писателя с владельцами издательства «Шиповник».

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, история сборника «Земля», «Московское книгоиздательство», «Шиповник», «Знание», Г. Г. Блюменберг, Г. А. Блюменберг, Н. С. Клёсов (Ангарский), И. А. Бунин, М. Горький

Yulia S. Romaykina

COLLABORATION OF LEONID ANDREYEV WITH THE LITERARY ALMANAC ZEMLYA

Abstract

The article reveals some newly established facts concerning Leonid Andreyev's work on the literary almanac *Zemlya*. *Moscow publishing house*, which was controlled by G. A. Blumenberg and G. G. Blumenberg, published the almanac *Zemlya* from 1908 to 1917. Andreyev published only two of his works in *Zemlya*: the short story *The Curse of the Beast* (1908, vol. 1) and the drama *Professor Storitsyn* (1913, vol. 11). Meanwhile, G. G. Blumenberg's letters and the full version of memoirs by N. S. Klyostov (Angarsky), who was in charge of the publishing house from 1907 to 1909 (both sources have been found in the Russian State Archive of Literature and Art, Moscow), suggest that, when the Blumenbergs initiated the almanac *Zemlya*, which is similar to the literary-artistic almanacs produced by the *Shipovnik* publishing house in St. Petersburg, they wanted Andreyev to be their main author. At Andreyev's recommendation, the publishers engaged Ivan A. Bunin as the editor of the *Zemlya* almanac. The study of the newly found archival materials (letters of contemporaries and critical reviews in journals and newspapers of the time) permits us to argue that from 1907 to 1908, Andreyev maneuvered between three publishing ventures: Maxim Gorky's *Znanie*, *Shipovnik*, and *Zemlya*. The writer promised his new works (*Darkness*, *Love of a Student*, *The Curse of the Beast*) to each publishing house. Looking forward to continuing their cooperation with Andreyev, the Blumenbergs offered him high fees. But the owners of the *Shipovnik* publishing house (S. Yu. Kopelman and Z. I. Grzhebin) were more successful: in summer of 1908, Andreyev signed a contract with *Shipovnik* and became the editor of its almanacs. Andreyev's participation in the eleventh volume of *Zemlya* (1913) was accidental. It was due to the writer's disagreement with the owners of the *Shipovnik* publishing house.

Keywords: Leonid Andreyev, almanac *Zemlya*, Moscow publishing house, *Shipovnik*, *Znanie*, G. G. Blumenberg, G. A. Blumenberg, N. S. Klyostov (Angarsky), Ivan Bunin, Maxim Gorky

DOI 10.31860/2712-7591-2022-128-139

В литературных сборниках «Земля», издававшихся в 1908–1917 гг. «Московским книгоиздательством» под руководством представителя парижских бумажных фабрик «Пализен» Густава Алексеевича Блюменберга и его сына Георгия Густавовича Блюменберга, было опубликовано всего два произведения Л. Н. Андреева: рассказ «Проклятие зверя» (1908. Сб. 1) и драма «Профессор Сторицын» (1913. Сб. 11). Тем не менее эпизодическое сотрудничество писателя с альманахом «Земля» представляет несомненный историко-литературный интерес. Частично этот вопрос затрагивался в посвященной сборникам «Земля» статье 1984 г. А. А. Тарасовой [Тарасова], в которой представлен ценный фактологический материал, однако анализ

был построен вокруг невыдержанности «реалистической направленности» и отсутствия «широкой общедемократической ориентации» [Тарасова, с. 48] альманахов.

Начало сотрудничества Андреева в альманахах «Московского книгоиздательства» подробно описано в хранящихся в РГАЛИ и частично опубликованных воспоминаниях Н. С. Клёстова (Ангарского)¹, который занимался привлечением писателей к сотрудничеству в сборниках «Земля» в 1907–1909 гг. Список источников дополняется эпистолярным наследием печатавшихся в «Московском книгоиздательстве» писателей, а также найденными в РГАЛИ письмами Блюменберга-младшего.

Согласно воспоминаниям Н. С. Клёстова, задумка издавать литературные сборники появилась у Блюменбергов в конце 1907 г., после успеха первой книги альманаха издательства «Шиповник» с напечатанной там пьесой Андреева «Жизнь человека». На замечание Н. С. Клёстова, что «один Андреев тиража не сделает», Г. А. Блюменберг якобы ответил: «Почему не делает? Последний сборник „Шиповника“ разошелся в 30 000 экземпляров из-за „Жизни Человека“. Больше в сборнике ничего не было»².

Н. С. Клёстов в своих воспоминаниях писал о «лавочном подходе» Блюменбергов при составлении альманахов: «Сборники они (Блюменберги. — Ю. Р.) издавали по принципу: „гвоздь и затычка“. „Гвоздю“ выплачивали повышенный гонорар, а к нему присоединялись „затычки“, которые получали то, что оставалось с барского стола» [Клестов-Ангарский, с. 340]. «Гвоздем» сборника являлась «какая-либо нашумевшая вещь вроде „Жизни Человека“ Леонида Андреева»³. Высказывание Н. С. Клёстова о принципе «гвоздь и затычка» получило широкое распространение среди советских литературоведов, цитировалось во многих исследованиях.

Но сам Н. С. Клёстов в неопубликованной части воспоминаний признается, что «Блюменберги не только учитывали быстроту оборота капитала, но и общественные настроения, — поворот от политики к вопросам искусства и литературы. И действительно, 1907–1909 гг. отмечены появлением в свет целого ряда нашумевших изданий Леонида Андреева, Ф. Сологуба, Арцыбашева, Куприна, Мережковского, Ропшина и др»⁴.

¹ РГАЛИ. Ф. 24 (Ангарский Николай Семенович). Оп. 3. Ед. хр. 12. Н. С. Ангарский. «Литературные воспоминания» (1910-е). Воспоминания. [1930-е]. Машинопись с правкой М. Н. Ангарской. 130 л.; [Клестов-Ангарский].

² РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 9.

³ Там же.

⁴ Там же.

Конечно, нельзя полностью исключать важность материальной составляющей в деле издания альманахов. А. И. Рейтблат отмечал, что в начале XX в. «сформировалась достаточно многочисленная когорта литераторов, которые не искали издателей, а, напротив, издатели гонялись за ними» [Рейтблат, с. 273]. К этим литераторам исследователь причисляет и Андреева. В 1907 г., на пике популярности писателя, многие издатели старались привлечь его к участию в своих альманахах. Андреев продолжал сотрудничать в сборниках руководимого М. Горьким товарищества «Знание». Кроме того, писателя активно переманивали владельцы петербургского издательства «Шиповник» С. Ю. Копельман и З. И. Гржебин.

На переговоры с Андреевым о сотрудничестве по поручению Блюменбергов зимой 1907 г. был направлен Н. С. Клёстов, который вспоминал, что «от всей его (Андреева. — Ю. Р.) фигуры, манеры говорить, улыбки оставалось впечатление изящества и мрачной красоты» [Клестов-Ангарский, с. 334]. Андреев обещал подумать и через несколько дней согласился дать рассказ для первого сборника «Земля», при этом рекомендовав привлечь к редактированию будущих альманахов И. А. Бунина. Таким образом, как резюмировал Н. С. Клёстов, «Андреев свое участие в сборнике фактически обусловил приглашением Бунина»⁵.

Кроме И. А. Бунина, по воспоминаниям Н. С. Клёстова, Андреев способствовал привлечению к сотрудничеству в первом сборнике «Земля» А. С. Серафимовича: «По настоянию Леонида Андреева обратились к А. Серафимовичу, который прислал небольшой рассказ „Дочь“»⁶.

М. Горький в письме к А. В. Луначарскому в декабре 1907 г. давал следующую характеристику программе будущих альманахов: «„Земля“ еще не вышла, получу — пришлю Вам. Издатели оной „Земли“ — московская „Среда“ во главе с Андреевым, усердно объединяющим старых писателей — Чирикова, Серафимовича, с новыми — Блоком, Сологубом и т. д.» [Горький 2000, с. 138]. Как известно, причиной конфликта Андреева с товариществом «Знание» в 1907 г. явился категорический отказ М. Горького видеть в числе сотрудников своих сборников А. Блока и Ф. Сологуба. Ф. Сологуб позже стал постоянным автором альманахов «Шиповника» и сборников «Земля». А. Блок же принимал в данных изданиях эпизодическое участие.

В 1907–1908 гг. Андреев лавировал между «Знанием», «Шиповником» и «Землей», жонглируя своими произведениями. Кроме того, в российских сборниках произведения Андреева печатались после издания за рубежом —

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 14.

по договору для защиты авторских прав они должны были впервые публиковаться в издательстве И. П. Ладыжникова в Берлине.

Н. С. Клёстов вспоминал, что изначально некий рассказ, обещанный «Московскому книгоиздательству», Андреев отдал в «Шиповник» (вероятно, рассказ «Тьма», вошедший в третью книгу альманаха издательства «Шиповник» (1907)), а для первого сборника «Земли» обещал дать пьесе «Любовь студента».

В декабре 1907 г. М. Горький был уверен в том, что пьеса уже напечатана в первом сборнике «Земля». Он писал К. П. Пятницкому 13 декабря 1907 г.: «Очень прошу С(емена) П(авловича) (Боголюбова) выслать мне сборник „Земля“, с новой пьесой Леонида — „Любовь студента“...» [Горький 2000, с. 133]. Однако в это время она не была еще закончена. Пьеса «Любовь студента» под названием «Дни нашей жизни» была напечатана в Сб. 26 «Знания» только в конце 1908 г. К. П. Пятницкий против воли М. Горького принял пьесу Андреева в качестве возмещения долга писателя «Знанию» [см.: Горький 2001, с. 275–276].

И. А. Бунин, редактор «Земли», писал А. М. Федорову за месяц до выхода первого альманаха, 21 декабря 1907 г.: «Андреев пообещал „Любовь студента“, взял 1000 р. — и вдруг заявил, что не может дать сейчас эту „Любовь“» [Бунин, с. 67]. К счастью, «насилу удалось наладить дело» — Андреев дал «большой рассказ» «Проклятие зверя» [Бунин, с. 67].

Примечательно, что в третьей книге «Шиповника» (1907) был анонсирован выпуск «Проклятия зверя» Андреева «в ближайших книгах литературно-художественных альманахов» [Литературно-художественный альманах, с. 309]. При этом Андреев сообщал К. П. Пятницкому 13 декабря 1907 г. об изначальном намерении отдать «Проклятие зверя» «Знанию»: «„Проклятие зверя“ я отобрал у „Шиповника“ и передал в сборник „Земля“, Бунину, взамен „Любви студента“, которую вследствие нездоровья написать к назначенному мною сроку не мог. Не будь этого обязательства, я отдал бы его в „Знание“» [Литературное наследство, с. 524].

Н. С. Клёстов утверждал, что за «Проклятие зверя» Андреев потребовал у «Московского книгоиздательства» «колоссальный», по мнению Блюменбергов (рассчитывавших платить авторам в среднем 300 р.⁷), гонорар — две тысячи рублей. Н. С. Клёстов советовал Блюменбергу-старшему не торговаться, аргументируя тем, что «на Андреева это произведет плохое впечатление и он рассказ отдаст в другое издательство» [Клестов-Ангарский, с. 336]. Литературный секретарь, а в период Первой мировой войны

⁷ Там же. Л. 9.

редактор альманахов издательства «Шиповник» В. Е. Беклемишева вспоминала: «Получая за свои произведения большие гонорары, Леонид Николаевич всегда следил за тем, чтобы его полистная плата была выше, чем плата другим писателям. Происходило это не от жадности к деньгам, а от желания сознавать себя первым» [Реквием, с. 235].

Итак, «Проклятие зверя» было напечатано в первом сборнике «Земля». Рассказ Андреева был издан рядом с произведениями реалистов и символистов: Ш. Аша, М. Швоба в переводе Б. К. Зайцева, А. М. Федорова, А. С. Серафимовича, А. И. Куприна, И. А. Бунина, А. А. Блока, С. М. Городецкого, Н. А. Морозова, Е. М. Тарасова, Г. И. Чулкова⁸. По мнению Г. Н. Боевой, «такой разнородный подбор произведений под одной обложкой расшатывал у читателей привычные эстетические ориентиры, воспитывая в них восприимчивость к *новому* и *разному*» [Боева, с. 161].

Литературные критики сразу же поставили первый сборник «Земля» в один ряд с выдающимися альманахами своего времени (во многом за счет популярности сотрудничавших в них авторов): «Самобытные, красочные произведения попадают теперь только в сборниках — альманахах. „Шиповник“, „Факелы“, „Земля“, — вот куда ушли выдающиеся силы нашей литературы» [Якушев, с. 2]; «Еще один альманах, собравший в себе самые популярные имена современной русской беллетристики — Л. Андреева и Б. Зайцева, Ш. Аша и А. Блока, Куприна, Городецкого, Серафимовича и др.» [Гершензон, с. 404].

В адрес «Земли» звучали обвинения в копировании других литературных сборников (в частности, «Шиповника»), отсутствии «лица», четко обозначенной редакторской позиции. З. Н. Гиппиус под псевдонимом Антон Крайний, прочитав первый выпуск «Земли» следом за третьей книжкой «Шиповника» и третьим альманахом «Факелов», сетовала: «Добросовестно прочитал их (альманахи. — Ю. Р.) один за другим, газетные отзывы прочитал, какие попались... а вот, хочу писать отчет — и снова должен рыться в сборниках: решительно не помню, где какой Андреев, где какой Куприн, где который Сологуб» [Гиппиус, с. 73].

---

⁸ В первом литературном сборнике «Земля» (1908) были изданы следующие произведения: «Проклятие зверя» Л. Н. Андреева, «Грех» Ш. Аша, «Крестовый поход детей» М. Швоба в переводе Б. К. Зайцева, «Петля» А. М. Федорова, «Дочь» А. С. Серафимовича, «Суламифь» А. И. Куприна, «Тень птицы» И. А. Бунина; стихи: Из «Золотой легенды» Лонгфелло И. А. Бунина, «Никто не скажет: я безумен...» А. А. Блока, «Березка» С. М. Городецкого, «Когда сию один я с лампою своей...» Н. А. Морозова, «Больные чуждым нам недугом...» Е. М. Тарасова, «Осень» Г. И. Чулкова, «В Греции» А. М. Федорова.

Парадоксально, что несмотря на напечатанные произведения символистов рецензент «Николаевской газеты» М. Дмитриев воспринял первый сборник «Земля» как аналог не только «Шиповнику», но и «Знанию»: «Все те же имена, которые мы неизбежно встречаем во всех сборниках последних лет. В „Знании“, „Шиповнике“, „Земле“ — все та же „стая славных“» [Дмитриев, с. 2].

Критики отмечали ведущее положение в первом сборнике «Земля» рассказа Андреева: «Сборник открывается рассказом Леонида Андреева „Проклятие зверя“» [Айхенвальд, с. 45]; «На первом месте „Земли“, конечно, рассказ Андреева с претенциозным заглавием „Проклятие зверя“» [Дмитриев, с. 2]; «Разочаровывает многих „Проклятие зверя“ Леонида Андреева; и все-таки это самый выдающийся рассказ по захватывающей мощи вложенной в него идеи» [Морозов, с. 1].

Выход второго сборника «Земля» был запланирован на весну 1908 г., однако появился в печати только в феврале 1909 г., через год после первого альманаха.

Владельцы «Московского книгоиздательства» явно рассчитывали на дальнейшее участие Андреева в своих альманахах. Г. Г. Блюменберг писал И. А. Бунину 29 апреля 1908 г.: «Во втором сборнике нам необходимо иметь небольшой рассказ Андреева ввиду того, что Книгоиздательство объявило в своих публикациях, что во 2-м сборнике примет участие и Андреев, и заключает теперь различные сделки с книгопродавцами: одним словом, связано обещанием в этом направлении. — Прошу Вас высказать, какие Вы имеете планы относительно этого дела, мне необходимо быть в них вполне осведомленным»⁹.

По поручению Г. Г. Блюменберга И. А. Бунин настойчиво добивался сотрудничества Андреева во втором альманахе. В письме от 18 мая 1908 г. он умолял: «...чрезвычайно, убедительно, горячо прошу дать хоть небольшую вещь для 2-ой кн. „Земли“ (к июлю, к августу, к концу августа): окажи эту услугу лично мне, который готов оказать тебе за это сто услуг! Вспомни мой приезд к тебе по этому делу, вспомни, что ты дал мне слово написать если не рассказ, то хоть одноактную пьесу» [Письма Андреева и Бунина, с. 171].

Б. К. Зайцев, редактировавший альманахи издательства «Шиповник» в 1907–1908 гг., предупредил И. А. Бунина в письме от 24 мая 1908 г.:

⁹ РГАЛИ Ф. 44 (Бунин Иван Алексеевич). Оп. 1. Ед. хр. 294. Письма «Московского книгоиздательства» за подписью Блюменберга. 5 л. Л. 2: Письмо Блюменберга Бунину от 29 апреля 1908 г. на бланке «Московского книгоиздательства».

«Леониду Вас не будет; его сотрудничество в „Знании“ и „Шиповнике“. Это я знаю очень верно — он боится перепроизводства» [Зайцев, с. 44].

В письме от 2 августа 1908 г. Андреев, делаясь творческими планами на осень, признался И. А. Бунину в том, что заключил контракт о постоянном сотрудничестве с «Шиповником»: «Что я могу сказать тебе? Дела путаные. С „Ш“ я заключил 3-летний договор, по коему 2/3 написанного отдаю им, свободны только драмы вроде „Царь Голода“ и романы. Нынешняя осень такова: пишу драму и 2 маленьких рассказа и отдаю им; потом сажусь за длиннейший роман («Сашка Жегулев». — Ю. Р.). И на оный роман по 1000 за лист уже есть претенденты — журналы. Как тут быть? В то же самое время, запутавшись в постройке, сижу без гроша и ловлю на лету всякий рубль, как фокусник» [Письма Андреева и Бунина, с. 171]. В том же письме Андреев подчеркнул дружеское расположение к И. А. Бунину и вместе с тем высказал свое пренебрежительное отношение к Г. Г. Блюменбергу: «К немцу я глубоко равнодушен... для тебя только бы дать что-нибудь сделать» [Там же].

В газете «Обозрение театров» от 23 августа 1908 г. было напечатано следующее объявление: «Леонид Андреев заключил условие с книгоиздательством „Шиповник“, по которому его произведения, все рассказы и все пьесы должны печататься в „Альманахах“. Леонид Андреев, по условию, не может сотрудничать ни в одном из „Сборников“ и исключение сделано лишь для периодических изданий и будущего романа» [Литературно-артистический календарь, с. 7]. Кроме того, с выходом четвертой книги «Шиповника» в 1908 г. в течение двух лет Андреев являлся редактором альманаха.

Осенью 1908 г. И. А. Бунин не оставлял надежды заручиться сотрудничеством Андреева. 6 сентября 1908 г. И. А. Бунин писал Андрееву о намерении Г. Г. Блюменберга лично приехать в Петербург на переговоры с писателем. О неопубликованных новых произведениях Андреева И. А. Бунин спрашивал: «...это опять „Шиповнику“? Друг мой, друг далекий! Вспомни обо мне!» [Письма Андреева и Бунина, с. 172]. Усилия московских издателей не увенчались успехом: «Рассказ о семи повешенных» и «Сашка Жегулев» были напечатаны в альманахе издательства «Шиповник» в книге 5 (1908) и книге 16 (1911) соответственно.

Некоторые литературоведы связывают отказ Андреева от сотрудничества в альманахах «Московского книгоиздательства» с приходом в сборники «Земля» М. П. Арцыбашева. Действительно, нежелание Андреева и И. А. Бунина печататься под одной обложкой с М. П. Арцыбашевым засвидетельствовано в воспоминаниях Н. С. Клёсова: «В 1907 г. Арцыбашев не был приглашен в организуемые мной совместно с Буниным сборники

„Земля“, и в этом он заподозрил меня, тогда как нежелание работать с Арцыбашевым исходило от Ив. Бунина и Л. Андреева»¹⁰. Тем не менее в том же источнике содержится информация, согласно которой Блюменберги начали настойчиво добиваться сотрудничества Арцыбашева уже после того, как им не удалось заручиться поддержкой Андреева: «Когда Андреев не оправдал их (Блюменбергов. — Ю. Р.) надежд — они обратились к Арцыбашеву»¹¹.

Эпизодическое участие Андреева в одиннадцатом сборнике «Московского книгоиздательства» в 1913 г. объясняется кризисом сотрудничества с издательством «Шиповник». Дело в том, что еще 30 декабря 1909 г. Андреев заключил договор с владельцем петербургского издательства «Просвещение» Н. С. Цейтлиным о продаже своих сочинений, после чего между Андреевым и «шиповниками» произошли разногласия, которые постепенно усиливались. 15 ноября 1912 г. Андреев признавался М. Горькому в письме: «Чуть не крахнул „Шиповник“, кажется, вывернулся. Я с ним почти разошелся (...) Но ни с кем и не сошелся — пристанища не имею. Пока буду издаваться у Блюменберга» [Литературное наследство, с. 348].

Отметим, что тома с I по XIII собрания сочинений Андреева были изданы «Просвещением» в 1911–1913 гг., том XIV с напечатанным в двух частях романом «Сашка Жегулев» вышел в 1913 г. в «Московском книгоиздательстве», в 1915–1917 гг. «Книгоиздательство писателей в Москве» выпустило в свет XV, XVI и XVII тома собрания сочинений Андреева. Том XV одновременно вышел в издательстве «Шиповник».

Итак, в январе 1913 г. в одиннадцатом сборнике «Земля» была издана пьеса Андреева «Профессор Сторицын». Н. Л. Геккер, негативно отзывавшийся о постановке пьесы Андреева на сцене, признавал, что «как произведение литературы „Профессор Сторицын“ не может быть обойден молчанием, потому что невольно приковывает к себе внимание» [Геккер, с. 2]. А. Б. Дерман подметил отсутствие в печатном тексте драмы присутствовавшего на театральных афишах подзаголовка «Нетленное». Критик пояснял: «В этом подзаголовке, разумеется, пьеса нимало не нуждается: и без него достаточно ясно, что „нетленное“ составляет предмет пьесы и предмет драмы. Автор изображает трагическую судьбу „нетленного“, носителем коего является европейская знаменитость — профессор Сторицын» [Дерман, с. 403]. В одиннадцатом сборнике «Земля» пьеса Андреева была напечатана под одной обложкой с рассказом М. П. Арцыбашева «О ревности» и окончанием романа Ф. Сологуба «Дым и пепел». А. А. Бурнакин в присущей ему

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 45.

¹¹ Там же. Л. 46.

язвительной манере отметил этот факт: «Роковые имена Андреева, Арцыбашева, (...) Сологуба напоминают о темной и неказистой действительности» [Бурнакин, с. 5].

Таким образом, сотрудничество Андреева в первом литературном сборнике «Земля» в 1908 г. во многом обуславливалось схожестью первоначальных установок «Московского книгоиздательства» и петербургского издательства «Шиповник» на привлечение в свои альманахи популярных авторов — представителей реализма и символизма. Как отмечает А. В. Лавров, «при отборе участников учредители московских сборников руководствовались тем же стремлением к интеграции литературных сил, что и редакторы „Шиповника“» [Бунин в переписке с Сологубом, с. 182]. В попытках отказаться от сотрудничества с горьковскими сборниками «Знание» в 1907 г. Андреев находился в поисках «пристанища», метался между издательствами. Владельцы «Московского книгоиздательства» делали ставку на Андреева. Намереваясь заручиться постоянным сотрудничеством писателя, Блюменберги готовы были предложить Андрееву высокие гонорары. Но владельцы издательства «Шиповник» оказались успешнее: летом 1908 г. Андреев заключил договор с петербургским издательством и принял на себя редактирование альманахов «Шиповника». В 1913 г. участие Андреева в одиннадцатом литературном сборнике «Земля» носило явно случайный характер на фоне разногласий писателя с издательством «Шиповник».

Литература

- Айхенвальд — Айхенвальд Ю. «Земля». Сборник первый. М., 1908 г. 289 стр. Ц. 1 р. 25 к. // Русская мысль. 1908. Март. Библиографический отдел. Беллетристика. С. 45–46.
- Боева — Боева Г. Н. Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна: поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. 510 с.
- Бунин — Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 832 с.
- Бунин в переписке с Сологубом — И. Бунин в переписке с Ф. Сологубом: к истории издания сборников «Земля» / Предисл. и публ. А. В. Лаврова // Русская литература. 1996. № 3. С. 181–187.
- Бурнакин — Бурнакин А. Чад и копоть // Новое время. 1913. № 13300, 22 марта. Отд.: Литературные заметки. С. 5.
- Геккер — Н. Г. [Геккер Н. Л.]. «Земля». Сборник одиннадцатый // Одесские новости. 1913. № 8917, 9 (22) янв. С. 2.
- Гершензон — М. Г. [Гершензон М. О.]. Земля. Сборник первый. «Московское книгоиздательство». Москва. 1908 г. Стр. 288 // Вестник Европы. 1908. № 3 (Март). Отд.: Литературное обозрение. С. 404–406.
- Гиппиус — Крайний Антон [Гиппиус З. Н.]. Репа // Весы. 1908. № 2. С. 73–76.
- Горький 2000 — Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2000. Т. 6: Письма, 1907 — август 1908. 624 с.

- Горький 2001 — *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 7: Письма, конец августа 1908 — 1909. 624 с.
- Дерман — *Дерман А.* Тленное и нетленное (О «Профессоре Сторицыне» Л. Андреева) // *Русское богатство*. 1913. № 2 (Февраль). С. 403–410.
- Дмитриев — *Дмитриев М.* Призраки и туманы // *Николаевская газета*. 1908. № 630, 23 февр. С. 2.
- Зайцев — *Зайцев Б. К.* Собр. соч.: В 11 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 10 (доп.): Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии / Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. 384 с.
- Клестов-Ангарский — *Клестов-Ангарский Н.* Литературные воспоминания. Очерки былого / Публ. М. Ангарской // *Вопросы литературы*. 1992. № 2. С. 329–360.
- Литературно-художественный календарь — *Литературно-художественный календарь* // *Обозрение театров*. 1908. № 499, 23 авг. С. 7 [без подп.].
- Литературно-художественный альманах — *Литературно-художественный альманах* издательства «Шиповник». СПб.: Шиповник, 1908. Кн. 3. 320 с.
- Литературное наследство — *Литературное наследство*. М.: Наука, 1965. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка / Публ. В. Н. Чувакова, А. И. Наумовой. 630 с.
- Морозов — *Морозов М.* «Проклятие зверя» // *Реформа*. 1908. № 57, 7 (20) марта. Отд.: Литературные заметки. С. 1–2.
- Письма Андреева и Бунина — *Письма Л. Андреева и И. Бунина* / Публ. и коммент. И. Газер // *Вопросы литературы*. 1969. № 7. С. 162–193.
- Рейтблат — *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с. (Historia Rossica).
- Реквием — *Реквием: Сб. памяти Леонида Андреева* / Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой; с предисл. В. И. Невского. М.: Федерация, 1930. 283 с.
- Тарасова — *Тарасова А. А.* Сборники «Земля» // *Русская литература и журналистика* начала XX века, 1905–1917: буржуазно-либеральные и модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. М.: Наука, 1984. С. 48–64.
- Якушев — *Боривой [Якушев Д. П.]*. О журналах и сборниках // *Голос правды*. 1908. № 756, 22 марта. Отд.: Литературные очерки. С. 2.

References

- Aikhenvaľ'd, Yu. (1908). 'Zemlya. Sbornik pervyi. M., 1908 g. 289 str. Ts. 1 r. 25 k', *Russkaya mysl'*, March, Section: Bibliograficheskii otdel. Belletristika, 45–46.
- Andreev, D. L., Beklemisheva, V. E., eds. (1930). *Rekviev: Sbornik pamyati Leonida Andreeva*. Moscow: Federatsiya, 283 p.
- Boeva, G. N. (2016). *Fenomen Leonida Andreeva i epokha moderna: poetika, retseptsiya, tvorcheskie vzaimosvyazi*. Dissertatsiya doktora filologicheskikh nauk. Saint Petersburg, 510 p.
- Borivoi [Yakushev, D. P.]. (1908). 'O zhurnalakh i sbornikakh', *Golos pravdy*, March 22, 756, Section: Literaturnye ocherki, 2.
- Bunin, I. A. (2007). *Pis'ma 1905–1919 godov*. O. N. Mikhailov (ed.). Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk, 832 p.
- Burnakin, A. (1913). 'Chad i kopot', *Novoe vremya*, March 22, 13300, Section: Literaturnye zametki, 5.
- Chuvakov, V. N., Naumova, A. I., eds. (1965). *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Nauka. Vol. 72: Gor'kii i Leonid Andreev: Neizdannaya pereписка, 630 p.

- Derman, A. (1913). 'Tlennoe i netlennoe (O *Professore Storitsyne L. Andreeva*)', *Russkoe bogatstvo*, 2, 403–410.
- Dmitriev, M. (1908). 'Prizraki i tumany', *Nikolaevskaya gazeta*, Feb. 23, 630, 2.
- Gazer, I., ed. (1969). 'Pis'ma L. Andreeva i I. Bunina', *Voprosy literatury*, 7, 162–193.
- Gor'kii, M. (2000). *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma*, 24 vols. Moscow: Nauka. Vol. 6: Pis'ma, 1907 — avgust 1908, 624 p.
- Gor'kii, M. (2001). *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma*, 24 vols. Moscow: Nauka. Vol. 7: Pis'ma, konets avgusta 1908 — 1909, 624 p.
- Klestov-Angarskii, N. (1992). 'Literaturnye vospominaniya. Ocherki bylogo', M. Angarskaya (ed.), *Voprosy literatury*, 2, 329–360.
- Krainii, Anton [Gippius, Z. N.]. (1908). 'Repa', *Vesy*, 2, 73–76.
- Lavrov, A. V., ed. (1996). 'I. Bunin v perepiske s F. Sologubom: k istorii izdaniya sbornikov *Zemlya*', *Russkaya literatura*, 3, 181–187.
- 'Literaturno-artisticheskii kalendar' (1908), *Obozrenie teatrov*, Aug 23, 499, 7 [unsigned].
- Literaturno-khudozhestvennyi al'manakh izdatel'stva Shipovnik* (1908). Saint Petersburg: Shipovnik. Kniga 3, 320 p.
- M. G. [Gershenzon, M. O.]. (1908). 'Zemlya. Sbornik pervyi. Moskovskoe knigoizdatel'stvo. Moskva. 1908 g. Str. 288', *Vestnik Evropy*, 3 (March), Section: Literaturnoe obozrenie, 404–406.
- Morozov, M. (1908). 'Proklyatie zverya', *Reforma*, March 7 (20), 57, Section: Literaturnye zametki, 1–2.
- N. G. [Gekker, N. L.] (1913). 'Zemlya. Sbornik odinnadtsatyi', *Odesskie novosti*, Jan. 9 (22), 8917, 2.
- Reitblat, A. I. (2009). *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. (Historia Rossica).
- Tarasova, A. A. (1984). 'Sborniki *Zemlya*', in: Byalik, B. A. (ed.). *Russkaya literatura i zhurnalistika nachala 20 veka, 1905–1917: burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniya*. Moscow: Nauka, 48–64.
- Zaitsev, B. K. (2001). *Sobranie sochinenii*, 11 vols. Moscow: Russkaya kniga. Vol. 10: Pis'ma 1901–1922 godov. Stat'i. Retsenzii. E. K. Deich and T. F. Prokopov (eds.), 384 p.

Ю. М. Валиева

АНДРЕЕВЫ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ ИМ. Л. Д. ЛЕНТОВСКОЙ (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ) ¹

Резюме

В статье анализируются архивные материалы (ИРЛИ, ЦГИА СПб, ЦГА СПб), посвященные детской биографии Вадима Леонидовича Андреева, сына Л. Н. Андреева, и племянников писателя Льва (1902–1951) и Леонида (1903–1974) Андреевых. На основе сопоставления данных из архивных документов, касающихся обучения В. Андреева в гимназии им. Л. Д. Лентовской, и его воспоминаний об этом периоде, приведенных им в повести «Детство», мы приходим к выводу, что фамилия содержательницы пансиона, где жил Вадим, и ее сына (Грушевеньские) является вымышленной. В результате архивных разысканий нами устанавливается прототип последнего — студент Р. А. Яблоньский, воспитатель Вадима, живший в доме Л. Н. Андреева в Ваммельсуу в конце 1912 — начале 1913 г.

Из документов следует, что Лев и Леонид учились в той же гимназии, что и Вадим, и с 1915 по 1917 г. были его одноклассниками; осенью 1917 г. все трое участвовали в подготовке школьного рукописного журнала «Лентовец»: Вадим Андреев — в качестве его редактора и автора стихов, его двоюродные братья иллюстрировали журнал, придав этому выпуску тематический («андреевский») характер. Публикуются два стихотворения Вадима Андреева из данного журнала (из собрания ИРЛИ). В комментариях к публикации высказывается предположение о влиянии на В. Андреева-гимназиста поэзии С. Надсона, творчеством которого в юности был увлечен Л. Н. Андреев.

Ключевые слова: В. Л. Андреев, Леонид А. Андреев, Лев А. Андреев, Р. А. Яблоньский, повесть «Детство», прототип, поэзия, влияния

Yulia M. Valieva

THE YOUNG ANDREYEVS AT LENTOVSKAYA GYMNASIUM IN ST. PETERSBURG (NEW MATERIALS)

Abstract

This article analyses newly discovered archival materials about the childhood of Leonid Andreyev's son Vadim and of this writer's nephews, Lev Andreyev and Leonid Andreyev. The comparison of information about Vadim Andreyev's studies at Lentovskaya Gymnasium found in archival documents with his memories of that period, which are described in the short novel *Childhood*, shows that the surname of the landlady of the boarding house where Vadim lived and that of her son (Grushevskие) appears fictitious. The archival research also led to the discovery of the prototype of the latter — it was the student R. A. Yablonskii, Vadim's tutor, who lived in Leonid Andreyev's house in Vammelsuu in late 1912 to early 1913.

The archival documents reveal that Vadim's cousins Lev and Leonid were his classmates at Lentovskaya Gymnasium in the period from 1915 to 1917. In the autumn of 1917, all three of them collaborated in the creation of the hand-written journal *Lentovets*. Vadim Andreyev was its editor and the author of poems, his cousins contributed as illustrators. Such a joint endeavour gave this edition a certain "Andreyevish" character. This article is accompanied by the publication of Vadim Andreyev's poems from that journal, which is preserved in the collection of the Institute of Russian Literature. In the commentary to the poems, I suggest that Vadim Andreyev was under the influence of Semyon Nadson's poetry. It should be noted that his father, Leonid Andreyev, in his youth was fascinated by Nadson's writings.

Keywords: Vadim L. Andreyev, Leonid A. Andreyev, Lev A. Andreyev, R. A. Yablonskii, Childhood, prototype, poetry, literary influences

DOI 10.31860/2712-7591-2022-140-156

Яблоньский — Грушевеньский

Биография Леонида Николаевича Андреева и членов его семьи подробно изучена [Дэвис, Хеллман; Кен, Рогов; Иванова, Кен; Затуловская; Вологина и др.]. Настоящая статья продолжает наше исследование, предпринятое при подготовке обзора материалов и атрибуции авторов школьного рукописного журнала Петроградской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской [Валиева 2021].

Вадим Андреев, старший сын писателя Л. Н. Андреева и Александры Михайловны Андреевой (урожд. Велигорской), согласно «Выписи из метрической книги, часть первая, о родившихся, за 1903 год», выданной причтом Московской Николаевской, на Новом Ваганькове, церкви, родился 25 декабря 1902 г., крещен 9 января 1903 г. Этапы его обучения (вклю-

чая гувернантку, домашних и школьных учителей) подробно представлены им в автобиографической повести «Детство». О гимназии им. Лентовской здесь сказано: «Из всех дореволюционных гимназий, где мне приходилось учиться, только в гимназии Лентовской существовала настоящая дружба между учителями и учениками, единственная гимназия, куда я каждое утро шел с радостью...» [Андреев В. 1966, с. 182].

Бланк прошения о приеме Вадима Андреева в гимназию заполнен 19 августа 1915 г. неким Романом Адамовичем Яблоньским, отрекомендовавшим Вадима своим «воспитанником»:

«Прошу принять в III класс моего воспитанника Вадима Леонидовича Андреева, православного вероисповедания, родившегося в 1902 году 25 (двадцать пятого) декабря, обучавшегося в гимназии Мая»².

Роман Яблоньский сообщает свой адрес: кв. 1 в доме 36 по Офицерской улице³ — и телефон: 460-97.

В справочной книге «Весь Петроград» на 1916 г. имеются две записи с тем же адресом и номером телефона, что и в прошении Р. А. Яблоньского, при этом написание фамилии отличается наличием / отсутствием мягкого знака: «Яблоньская Виктория О. — вд. инж. п. с. Офицерская, 36. Тел. 46097»; «Яблонская Викт. Иос. вд. кс. Офицерская, 36. Тел. 46097».

Фамилия «Яблоньский» не встречается ни в парижском, журнальном (с названием «Повесть об отце» [Андреев В. 1938]), ни в книжном варианте повести В. Андреева «Детство» [Андреев В. 1963; 1966], хотя, как отмечает Л. А. Иезуитова в своей рецензии на первое советское издание, ее «своеобразие (...) состоит в том, что в ней отсутствует какой бы то ни было вымысел, автор ее пишет лишь о фактах и событиях, которые он хорошо знает и помнит» [Иезуитова 1964, с. 190].

Полагаю, что Роман Адамович и его мать фигурируют здесь под вымышленной фамилией Грушевеньских: «...смешивая русскую и польскую речь, она подробно рассказывала мне в первый же день нашего знакомства о том, что (...) ее фамилия пишется с мягким знаком — вернейшее свидетельство королевского происхождения, и что (...) ее покойный муж был всего лишь начальником маленькой железнодорожной станции на юге России...» [Андреев В. 1966, с. 122].

Из слов автора можно заключить, что он прожил у Грушевеньских весьма продолжительное время: с осени 1915 до пасхальных каникул 1917 г. (два учебных года), поскольку квартира отца на Мойке, «которую обстав-

² ЦГИА СПб. Ф. 141. Оп. 1. № 177. Л. 232.

³ Офицерская ул. — ныне ул. Декабристов.

ляла Анна Ильинична, все еще не была готова» [Андреев В. 1966, с. 143]. Точный адрес пансиона повествователь не сообщает, но в рассказе о своих хождениях по городу в толпе манифестантов в один из дней Февральской революции упоминает название улицы: «Оторвавшись от головной группы, я пошел домой на *Офицерскую*»⁴ [Андреев В. 1966, с. 162]. (Здесь и далее курсив наш. — Ю. В.)

Почему Вадима поселили не рядом с гимназией, находящейся на Петроградской стороне, а именно здесь, в районе Коломны (что подразумевало «бесконечный путь через три моста — Поцелуев, Николаевский и Тучков» [Андреев В. 1966, с. 145]), в книге объясняется тем, что «младший сын (г-жи Грушевенской), студент Военно-медицинской академии, года за три перед тем был в течение нескольких месяцев» его репетитором [Андреев В. 1966, с. 122].

Далее приведем краткие биографические сведения о Р. А. Яблонском, прототипе «младшего Грушевенского», на основе материалов ЦГИА СПб. Роман Адамович Яблонский родился 15 сентября 1893 г. Он действительно является младшим из троих детей⁵ дворянина Ломжинской губ., инженера-механика, инженера путей сообщения надворного советника Адама Романовича Яблонского⁶, состоявшего начальником участка пути Бердянской ветви Екатерининской железной дороги, и дворянки Ковенской губ. Виктории Иосифовны (урожд. Сороко). Местом его рождения в копии «Выписи из метрической книги...» значится железнодорожная станция Гришино Екатеринославской губернии (где отец служил начальником депо), а в копии аттестата зрелости — одна из деревень Ковенской губернии (где родители

⁴ Вид из окна занимаемой им комнаты соответствует расположению дома 36, одна из боковых сторон которого выходит по направлению к Большой хоральной синагоге: «В узком пролете между глухими кирпичными стенами виднелись вдалеке круглые башенки убеленной инеем новой синагоги» [Андреев В. 1966, с. 151].

⁵ В семье Яблонских было трое детей. Старшие: Адам Иосиф (род. 8 ноября 1883 г.) и Регина Людвиг Ванда (род. 23 января 1889 г.).

⁶ Яблонский Адам Романович род. 17 марта 1853 г. Согласно «Формулярному списку», он окончил в 1879 г. Императорское Московское техническое училище, получив звание «инженер-механик», в 1883 г. — Институт инженеров путей сообщения Императора Александра I «с званием гражданского инженера, с правом производства строительных работ и с правом на чин коллежского секретаря при вступлении на государственную службу» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 58752. Л. 8 об.). Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. и серебряной медалью в память царствования императора Александра III. С 1884 г. А. Р. Яблонский служил на Екатерининской железной дороге: в первый год — начальником оборотного депо, штатным инженером IX класса, паровозным мастером на ст. Екатеринослав; с конца апреля 1885 по ноябрь 1898 г. — начальником депо станции Гришино; затем начальником участка службы пути Бердянской ветви этой железной дороги.

матери владели 800 дес. земли)⁷. Роман Яблоньский, как и его родители, был римско-католического вероисповедания, в 1898 г. «в Бахмутской римско-католической приходской церкви (он был) окрещен тремя именами: *Роман Станислав Дионисий*»⁸.

Окончив в 1911 г. полный 8-классный курс Пятой Санкт-Петербургской гимназии, Роман Яблоньский в тот же год был зачислен студентом естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Жил он на Офицерской, по тому же адресу, что был приведен в его прошении о зачислении В. Андреева в гимназию.

В феврале 1913 г. Р. Яблоньский получил увольнительное свидетельство из университета. Приведем его обращение к ректору по этому поводу, сохранившееся в студенческом деле:

«Милостивый Государь

Обращаюсь к Вам с большой просьбой, выяснение которой для меня очень важно. Я студент СПб. университета, поступления 1911 года, естественного факультета. Вследствие расстройства здоровья, я не был в состоянии в продолжении всего пребывания в СПб университете по(л)учить ни одного зачета, не (с)дал ни одного экзамена. В этом г(о)ду доктора выслали меня в Финляндию, так что и в этом году мне нельзя будет приступить к экзаменам. Вот и просьба моя к Вам заключается в том, что прошу (у) Вас совета.

Как мне быть? По правилу лицо, пробывшее без зачета 3 (три) семестра, исключается.

Эта перспектива мне совершенно не улыбается. Но ответа какого-либо утешительного не нахожу. Будьте добры посоветовать мне, как быть. У меня возникло следующее предположение. Если теперь взять бумаги из университета, а весной подать прошение о принятии меня вновь. Я этим ровно ничего не потеряю. Ибо мне все равно нужно начи(на)ть все экзамены снова. Осуществимо ли это предположение. В его пользу говорит еще следующее: взяв бумаги и будучи принятым вновь, число лет пребывания моего увеличится, т. е. будет равным 6, тогда как в настоящее время я уже два года потерял, и мне остаются только 4, и я навряд ли успею в 4 года окончить.

Вперед очень благодарен за ответ, которого жду с нетерпением. Посоветуйте, как будет лучше, и вообще, что нужно предпринять.

---

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 58752. Л. 8 об.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. №58752. Л. 6.

Относительно войско⁹й повинности, я сам не знаю, в каком положении я нахожусь.

С полным почтением

Р. Яблоньский»¹⁰.

В конце письма он указал свой адрес: «Финляндия, Териоки, Ваммельсу(у), дача Леонида Андреева».

По всей видимости, репетитором Вадима Р. Яблоньский был именно тогда, в Ваммельсуу, зимой 1912/13 гг. Любопытно, однако, какими науками он занимался со своим воспитанником. Из приведенного выше его письма следует, что за два года учебы в университете Яблоньский не сдал ни одного экзамена, а судя по тексту этого документа, письменный русский не был его «коньком». Рука инспектора подчеркнула досадные многочисленные огрехи и вывела крупно синим карандашом поверх его послания букву «ять», в написании которой студент не был последователен. Было ли причиной неуспеваемости Яблоньского состояние его здоровья («в этом году доктора послали меня в Финляндию»¹¹) или что-то иное, но формально он был отчислен по 126-й статье университетского устава (как «студент, которому не зачтено три полугодия сряду или пять полугодий вообще»¹²).

Можно только предположить, что Роман Адамович, как и первый домашний учитель Вадима Михаил Семенович, оказался в доме Леонида Андреева по объявлению. Когда именно он поселился «на Черной речке» и сколько пробыл здесь, сведений у нас нет. Его письмо к ректору не датировано, но, очевидно, было подано в начале февраля 1913 г. — 18 февраля оно было зарегистрировано в университетской канцелярии. 27-го числа того же месяца Яблоньскому было выдано увольнительное удостоверение с пояснением, что «для обратного поступления в СПб. У(ниверсите)т (ему) надлежит обратиться в М(и)н(истерство) Пр(освещения)»¹³. В начале марта его документы были отправлены университетом в Полицейское управление ст. Териоки Финляндской железной дороги:

«Канцелярия С-Петербургского Университета, препровождая при сем документы, поименованные на обороте, бывшего студента СПб. Ун(иверсите)та Романа-Станислава-Дионисия Яблоньского, проживающего в ст. Териоки, Финл(яндской). ж. д., Ваммельсу(у), дача Леонида Андреева, покорнейше просит выдать их под расписку,

⁹ Так в тексте.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 58752. Л. 19–19 об., 47–47 об. Письмо написано от руки. Имеются пометы красным и синим карандашами. Отдельные строчки подчеркнуты красным карандашом. Письмо приводится в современной орфографии.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 58752. Л. 19.

¹² Общий устав Императорских российских университетов 1884 г.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 58752. Л. 47 об.

которую прислать в Университет, вместе с истребованным свидетельством на жительство, входным билетом и матрикулом»¹⁴.

Однако через месяц документы вернулись в университет «за выбитым Яблонского (так!) в С. Петербург, где он проживает по Офицерской ул., д. 36, кв. 1»¹⁵, и взять с него расписку о вручении удалось только 20 апреля.

По воспоминаниям Вадима, как раз в начале 1913 г. он переехал из Ваммельсуу в Петербург («наступило время ученья» [Андреев В. 1966, с. 67]). Был ли он принят тогда сразу в какое-либо учебное заведение, в книге не говорится. В справке, выданной ему гимназией К. Мая, указано, что Вадим Андреев обучался в «этом заведении с сентября 1913 года по август 1914»¹⁶, а до этого (так!) состоял учеником гимназии им. Л. Д. Лентовской. Следовательно, школьная жизнь началась для Вадима именно весной 1913 г. в «Лентовке», а Роман Яблоньский, скорее всего, готовил его к поступлению туда¹⁷.

В конце апреля 1913 г. Яблоньский перешел на учебу в Императорскую Военно-медицинскую академию (именно эту его «ипостась» застал Вадим, поселившись на Офицерской осенью 1915 г.), а в 1916 г., оставаясь все еще второкурсником академии, подал прошение о поступлении на медицинский факультет Частного Петроградского университета при Психоневрологическом институте. Он был принят на 3-й курс этого учебного заведения, но и здесь не задержался надолго (в начале октября 1917 г. он перешел в Петроградский политехнический институт Императора Петра Великого).

Так что данная ему в повести характеристика весьма точна: «Человек он был славный, но какой-то удивительно легкомысленный: воробышком он скакал из одного высшего учебного заведения в другое, нигде не задерживаясь, интересуясь всем и ничем, в глубине души считая себя великим музыкантом, хотя музыкальность его заключалась главным образом в том, что он с удивительной легкостью подбирал на пианино модные романсы: „Оружием на солнце сверкая“ звучало по вечерам в полутемной столовой дома Грушевеньских, сменяясь иногда „Парой гнедых“, и заканчивалось „Хризантемами“...» [Андреев В. 1966, с. 122–123].

¹⁴ Там же. Л. 26. На бланке канцелярии Императорского С.-Петербургского университета. Нами подчеркнуты заполненные от руки графы бланка.

¹⁵ Письмо в канцелярию Императорского С.-Петербургского университета на бланке выборгского губернатора за подписью генерал-майора Ф. Фон-Фалера от 1/14 апреля 1913 г. // Там же. Л. 27. Здесь фамилия Яблоньского написана без мягкого знака.

¹⁶ Полный текст документа приведен: [Валиева 2021, с. 11–12].

¹⁷ Сведениями о том, кем были поданы документы Вадима в 1913 г., мы не обладаем. Его школьное дело, сохранившееся в архиве гимназии им. Л. Д. Лентовской, начато в 1915 г.

Отметим, что в парижском издании 1938 г. упоминание о пансионе «пани Грушевеньской» уже присутствовало («Поселили меня у госпожи Грушевеньской. Об этом доме память сохранила воспоминания тяжелые и нудные» [Андреев В. 1938, № 8–9, с. 101]). Далее в тексте стоят отточия. В советском издании [Андреев В. 1963, 1966] фамилия Грушевеньских сохранена, при этом эпизод о пансионе значительно расширен гротескными зарисовками в фельетонном стиле: квартиры — «карточного притона»; соседей по комнате — студентов, «забросивших университетские лекции, собиравшихся стаями для безудержной картежной игры», — ироничными комментариями о литературных вкусах хозяев и постояльцев:

«Когда я засовывал учебники в потертый ранец тюленевой кожи, в комнату приходил мой сожитель, студент Красницкий, с лицом совершенно белым от бессонной ночи, с трясущимися руками, в засыпанной пеплом и залитой вином форменной тужурке» [Андреев В. 1966, с. 145];

«В доме Грушевеньских книг не было. (...) Вообще о книгах, за исключением учебников да произведений Игоря Северянина и Вербицкой, никто не говорил...» [Андреев В. 1966, с. 124];

«У Грушевеньских этой осенью толкалось, по обыкновению, много молодежи — курсистки, увлекавшиеся Игорем Северяниным (...) офицеры, только что окончившие школу прапорщиков...» [Андреев В. 1966, с. 144].

В этом отождествлении литературного вкуса и жизненных устремлений узнаваема позиция Л. Н. Андреева, изложенная, в частности, в его статье в «Русской воле» к 30-летию смерти Надсона, в которой предпочтение молодыми людьми того или иного направления поэзии объясняется их принадлежностью к определенному «этическому и психологическому типу»: «...если за Вербицкой и Северянином шли низы молодежи, ее моральные *potituri*, то за Надсоном, как ныне за Блоком (...) следовали верхи ее, те чистые и светлые души, для которых небо всегда было ближе, нежели земля» [Андреев Л. 1917с]¹⁸.

Безудержное картежничество пансионеров, как и их увлечение Северянином, отнесены автором к зиме 1916/17 гг. Тема эта, заметим, в это время была актуальна и для гимназистов. Как следует из документов «Лентовки», в январе 1917 г. за продажу товарищам «непристойных картинок», игру в карты и курение из школы был отчислен ученик 3-го класса Борис

---

¹⁸ Статья опубликована 19 января 1917 г. За неделю до этого в нескольких выпусках «Русской воли» на первой странице анонсировался «16-й поэзовечер» И. Северянина 14 января в Концертном зале Тенишевского училища.

Малых¹⁹, поступивший в гимназию за несколько месяцев до этого. Для школы, известной своими либеральными принципами, это было сложное решение, учитывая и тот факт, что виновник происшедшего был сыном уважаемой издательницы марксистской литературы М. А. Малых (только в 1914 г. вернувшейся из вынужденной эмиграции); вопрос вызвал «продолжительные прения» на заседании родительского комитета²⁰ и педагогическом совете²¹.

¹⁹ Борис Иосифович Малых — род. 9 февраля 1904 г. в Берлине. В 1914 г. вернулся вместе с матерью в Россию. В поданном его матерью, М. А. Малых, 28 сентября 1916 г. прошении о приеме Б. Малых в Петроградскую гимназию В. К. Иванова, учрежденную Л. Д. Лентовской, указано, что он «до сего времени обучался в Швейцарии в народной школе и последнее время дома» (ЦГИА СПб. Ф. 141. Оп. 1. № 199. Л. 107). 13 октября Борис был зачислен по экзаменам в 3-й класс. «Уволен по прошению» 26 января 1917 г. (ЦГИА СПб. Ф. 141. Оп. 1. № 187. Л. 42). Подробнее о Б. И. Малых см.: [Валиева 2016, с. 701–704; 2017, с. 583, 584].

²⁰ «В. К. Иванов (директор школы. — Ю. В.) сообщил, что в III кл. имеется ученик Малых, чрезвычайно трудный в воспитательном отношении. Ряд фактов, как продажа порнографичес(еских) карточек, игра в карты, курение, отсутствие надзора в семье и много других, заставляет опасаться, что влияние его на класс может оказаться вредным, а потому В. К. Иванов предлагает родительскому комитету высказаться о возможности дальнейшего пребывания этого ученика в гимназии. (...) после тщательного выяснения личности ученика Малых и условий жизни и признания сообщенных фактов достаточными для постановки вопроса об увольнении родительский комитет под председательством Ф. М. Книпович значительным большинством принял след(ующее) постановление: если нет в распоряжении гимназии средств и надежды на его исправление, если внешкольная среда его исправить не может, и так(им) обр(азом) вредное его влияние на учеников может оказаться серьезным, родительский комитет находит дальнейшее пребывание ученика Малых в гимназии нежелательным. В. К. Иванов подчеркнул, что такое постановление об увольнении ученика родительский комитет делает впервые, в прошлые годы родительский комитет почти всегда высказывался против увольнения учеников...» (Протокол VI заседания родительского комитета. Четверг. 19 января 1917 // ЦГИА. Ф. 141. Оп. 1. № 164. Л. 87–87 об.).

²¹ «(Преподаватель) В. Ф. Будкевич сообщила о том, что уч(еник) Малых (...) живет почти без всякого надзора: матери нет в Петрограде, а воспитательница, которой он поручен, не может уделять ему много времени. Поэтому нельзя надеяться на его исправление и можно думать только о том, нельзя ли обезвредить его влияние на класс. При обмене мнений противники увольнения уч(еника) Малых, считая вообще увольнение ученика очень печальным фактом для свободной школы, высказывались за изыскание каких-либо других мер воздействия на Малых; А. В. Голубев предложил поместить его у себя на квартире, но так как выяснилось, что организовать правильный надзор за уч(еником) Малых А. В. Голубев не имеет возможности, то большинство высказывавшихся находило, что оставлять уч(еника) Малых в гимназии было бы крайне рискованно в отношении 3-го класса; по отношению же к уч(енику) Малых гимназия не брала на себя никаких обязательств, и принят он был условно, с предупреждением о том, что может рассчитывать остаться учеником гимназии только в случае примерного поведения. При голосовании было решено предложить матери уч(еника) Малых взять его из гимназии» (Протокол № 232 Заседания Педагогического Совета (от) 26 января 1917 г. // ЦГИА. Ф. 141. Оп. 1. № 184. Л. 28 об.).

Стихотворения Вадима Андреева из школьного журнала

Выбор для Вадима гимназии им. Л. Д. Лентовской не был случайностью: здесь с 1911 г. учились его двоюродные братья — Лев и Леонид Андреевы, дети сестры Л. Н. Андреева Риммы Николаевны от ее гражданского брака с Арк. Павл. Алексеевским²², часто бывавшие в Ваммельсуу, а брат писателя, Павел Николаевич, с апреля 1912 г. преподавал рисование, чистописание, лепку и ручной труд.

Воспоминания о своей тесной дружбе оставили и Вадим Леонидович, и Леонид Аркадьевич («Особенно веселым и радостным бывало для меня то время, когда у нас гостили сыновья тети Риммы» [Андреев В. 1963, с. 42]; «Мы с братом Лево́й часто и подолгу жили на даче писателя или на соседних с ней дачах, которые снимала мать. При этом большую часть времени мы проводили как бы в гостях у Л. Андреева, у бабы Насти, тети Ани — словом, у Андреевых. Дом дяди на Черной речке был и нашим родным домом» [Андреев-Алексеевский, с. 243]).

Когда в августе 1915 г. Вадим (после годичного пребывания в гимназии К. Мая²³, где он успешно окончил 2-й класс, и кратковременной учебы в московской гимназии Поливанова, прерванной его «бегством» из Москвы домой к отцу²⁴) поступил в 3-й класс «Лентовки», он оказался в одном классе с двоюродными братьями²⁵. Их совместное обучение там продолжалось до осени 1917 г. и завершилось после переезда семьи Л. Н. Андреева на Черную речку.

Сверстник Вадима Лев родился 29 сентября 1902 г., Леонид был годом младше. Его метрика в документах гимназии не сохранилась, а дата рождения в школьном деле (а затем в студенческом и в служебных делах 1920-х гг.) по непонятным причинам указывалась по-разному: «23 сентября» — в экзаменационном листе 1911 г.²⁶; «27 сентября» — на бланке прошения о принятии в школу²⁷; «28 сентября» — в сведениях об успеваемости учащихся за 1916/17 и 1917/18 уч. годы²⁸; «27 октября» — в одном из школьных

²² О А. П. Алексеевском см.: [Чуваков].

²³ Согласно «Ведомости об успехах Вадима Андреева, ученика II класса Гимназии К. Мая, за 1913/14 уч. г.», он имел отличные оценки по истории, географии и природоведению (ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 1. № 65. Л. 33).

²⁴ «Мое бегство из Москвы мне стоило года учения...» [Андреев В. 1966, с. 122].

²⁵ Подробнее об учебе Льва и Леонида в гимназии им. Лентовской см.: [Валиева 2021, с. 28–34].

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 141. Оп. 1. № 93. Л. 122.

²⁷ Там же. Л. 120. Написано с помарками, верх зачеркнутого.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 3102. Оп. 1. № 179. Л. 13 об.

бланков и в личной карточке, заполненной 11 апреля 1924 г. в Петроградском политехническом институте им. М. И. Калинина²⁹.

Приняв во внимание тот факт, что сыновья Риммы Николаевны, как и старший сын Леонида Николаевича, родились в Москве, мы допустили, что Леонид мог быть крещен в той же церкви, что и Вадим. Наше предположение подтвердилось. Согласно записи в метрической книге Николаевской на Новом Ваганькове церкви Москвы, Леонид родился 27 сентября 1903 г., был крещен 14 ноября того же года³⁰. Восприемниками выступили: «Помощник присяжного поверенного Леонид Николаевич Андреев и жена дворянина Александра Ивановна Зенченко»³¹. Таинство крещения было совершено священником Федором Ремовым, крестившим и Вадима.

Осенью 1917 г., будучи учениками 5-го класса, Вадим, Лев и Леонид приняли участие в подготовке школьного рукописного журнала «Лентовец»³²: Вадим — в качестве автора двух стихотворений и редактора, его братья — иллюстраторов, придав этому номеру «леонидандреевский» характер. Нельзя сказать наверняка, кто был инициатором такого «специального» номера, но «домашний культ» Л. Н. Андреева был ими перенесен в гимназическую среду: на обложке и фронтиспise помещены рисунки по мотивам произведений Л. Н. Андреева, выполненные их одноклассниками: парусник, астроном, силуэт лица на фоне языков пламени в полукруглом окне за решеткой. Леонид оформил страницу со стихотворением Л. Липавского «Полет», содержащим аллюзии на одноименный рассказ писателя. Открывается же номер стихотворением Вадима, посвященным отцу. (Такому замыслу, безусловно, способствовало их тесное общение летом 1917 г.,

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 2. № 143. Л. 4. Поскольку эта дата повторилась в двух документах Леонида (в данном и в школьном деле), мы ранее обозначили ее в качестве вероятной даты его рождения [Валиева 2021].

³⁰ В столбец «Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания» внесено только имя матери: «Дочь частного землемера и таксатора девица Римма Николаевна Андреева, вероисповедания православного» (ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 776. Ед. хр. 642. Л. 152. Заверенная 30 декабря 2021 г. копия страниц метрической книги церкви Николаевской на Новом Ваганькове города Москвы за 1903 год).

³¹ Там же. Предположительно, вторым восприемником выступила здесь сестра отца Л. Н. Андреева Александра Ивановна (урожд. Андреева, «тетя Шура»). Согласно комментариям Р. Дэвиса, она была замужем за С. М. Зенкевичем [Дэвис, Хеллман, с. 543], последний был восприемником при крещении Леонида Николаевича. Причина другого написания фамилии нам неизвестна.

³² Подробнее об авторах и составе этого выпуска журнала см.: [Валиева 2021].

продолжившееся в квартире отца на Мойке, куда Вадим наконец переехал в начале учебного года³³).

Нельзя исключить того, что авторами этой идеи были сыновья Риммы. Леонид Николаевич вел переписку с племянниками с их детского возраста, Известно его «двойное» письмо 1914 г., адресованное одновременно Льву и Леониду Аркадьевичам Андреевым («Милый мой Левочка и Милый мой Люсенька!..»³⁴): первому предназначалась четная строка этого письма, второму — нечетная.

Судя по тому, с какой тщательностью Л. Н. Андреев объясняет Льву (которого он выделял за самостоятельность мышления и независимый характер), отвечая на его письма³⁵, свои политически взгляды, тот вчитывался в каждое слово его фельетонов в «Русской воле», подписанных псевдонимом Гораций Ч. Брюква. Леонид Андреев его внимание ценил и учитывал. В фельетоне «Последний вздох» от 24 января 1917 г. повествователь заявлял, что собирается покончить с собой из-за того, что в освещении вопросов современности «пропал масштаб» («С одной стороны: мировая война, германская блокада, Америка, — а с другой: непрерывный нудный разговор о мелочах...»); «...нужны голоса и речи пророков, дабы вместить и выразить происходящее...»; «Точно не взрослые люди, в момент мировой войны и мировых задач, произносят ответственные и действенные слова, а сюсюкают, картавят (...) младенцы» [Андреев Л. 1917d, с. 4]), и объявлял своими наследниками племянников: «Фунт сахара-рафинаду завещаю моей сестре и ее детям» [Там же].

Публикуемые стихотворения В. Андреева: «Венец на голову Христа...» и «У моря» — из гимназического рукописного журнала приводятся нами в современной орфографии.

---

³³ «Этим летом отец больше обращал на меня внимания. Мы часто уезжали вдвоем на лодке в море или на велосипедах в дальние, молчаливые прогулки» [Андреев В. 1966, с. 174]; «С того времени, как я поселился на Мойке, собственно говоря, и началась моя близость с отцом, медленно переходившая в дружбу, оборвавшуюся только с его смертью» [Андреев В. 1966, с. 170].

³⁴ [Андреев Л. 1924, с. 138–139].

³⁵ Оpubл.: [Иезуитова 1990].

***

Посвящается Л. А—ву.

Венец на голову Христа
Надели и смеялись дико...
И кровь Его святого лика
Текла на бледные уста.

Ему одели багряницу
И насмехались крича...
Скорее звали палача,
И искривлялись злостью лица.

Теперь другие фарисеи
Продали Родину, смеясь,
В нее кидают дико грязь...
Так убивайте же скорее.

Комментарий

РО ИРЛИ. Р I. Оп. 1. № 364. Л. 3.

Впервые приведено в комментарии к публикации: [Дмитренко, с. 429].

Произведение состоит из трех строф; каждая строка начинается с прописной буквы. Имя автора — В. Андреев — указано справа под текстом.

Страница со стихотворением оформлена одноклассниками В. Андреева Альбертом Энгельбрехтом («Зимний пейзаж») и Василием Трясовым (виньетка).

Стихотворение посвящено отцу и, очевидно, вдохновлено его повестью «Иуда Искариот и другие». Интересно отметить, что мотив предательства в этой повести исследован в статье отца соученика Вадима (и также участника «Лентовца») Владимира Алексеева — С. А. Алексеева (псевд. — Аскольдов)³⁶, преподававшего в гимназии Лентовской осенью 1917 г. Закон Божий.

Полагаю, что в образном строе этого стихотворения отразилась риторика публицистических статей Л. Н. Андреева в «Русской воле», посвященных анализу бедственного положения России на фронтах Первой мировой войны (например, «Во имя революции» [Андреев Л. 1917а], «Вопрос» [Андреев Л. 1917б]), в которых политическая позиция автора (противопоставление революции и бунта, неприятие идеи заключения мира)³⁷ акцентирована отсылками к библейским сюжетам: «Революция и Бунт. (...) Они рождаются одновременно, и так же одновременно родились они в России, когда великого 27 февраля 1917 года раскрылись тюрьмы и одновременно выпустили на волю политических и уголовных. Тогда это делалось под красным и священным знаком Свободы (...) и трудно было догадаться, что это родились на свет Каин и Авель» [Андреев Л. 1917а, с. 2]; «Лучше умереть с революцией, чем жить

---

³⁶ [Аскольдов].

³⁷ Подробнее о деятельности Л. Андреева в «Русской воле» см.: [Шишкина].

с Николаем, и лучше совсем не рождаться на свет, нежели родиться для позора. В хлеву, среди блеющей скотины, родился Иисус, но жил он не в хлеву, а в храме, и умер — на кресте» [Андреев Л. 1917b], — а также статей без подписи, близких по своему посылу и стилистике: [РВ 1917a; 1917b].

Слово «фарисей» (в 3-й строфе), нечастое в русской поэзии, возможно, почерпнуто юным автором из стихотворного словаря С. Надсона (например: «Христос!.. Где Ты, Христос, сияющий лучами...»), одного из любимых авторов Л. Н. Андреева в годы отрочества.

У моря

Безбрежное море, широкое море...
 Прекрасная, тихая гладь...
 Мне видится парус в далеком просторе...
 Легко мне и сладко дышать.

Мне чудится, выросли дивные крылья,
 Мне чудится вольный полет,
 Пропали оковы неволи бессилья, —
 Стремлюся скорее вперед.

Стремлюся, стремлюся и чувствую волю...
 Какая далекая ширь...
 Нет места печалям, нет места бездолю,
 Я, чувствую, вновь богатырь.

Комментарий

РО ИРЛИ. РІ. Оп. 1. № 364. Л. 8.

Имя автора — Вадим Андреев — дано справа под текстом.

Стихотворение обрамлено рисунками Альберта Энгельбрехта («Пристань, лодки, па-русник») и Василия Трясова (виньетка).

Произведение состоит из трех строф, нечетные строки — Амф4, четные — Амф3. Соединение мотивов полета и моря здесь, возможно, восходит к стихотворениям С. Надсона «Икар» и «У моря» (Амф 4343434343), с последним его роднит название и метрический рисунок. Из материалов 4-го выпуска «Лентовца» близки по тематике стихотворения Л. Липавского: «Мы встретились летом...», написанное тем же метром (Амф 223223223223) в стилистике романа, и «Полет» [см.: Валиева 2021, с. 48–49].

Последняя строка («Нет места печалям, нет места бездолю, / Я, чувствую, вновь *богатырь*») содержит аллюзию на 2-ю строфу стих. К. Бальмонта «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...» из сб. «Будем как солнце» («Я в этот мир пришел, чтоб *видеть Море / И пышный цвет долин. / Я заключил миры в едином взоре, / Я властелин*»). Заметим, что осенью 1917 г. стихи Бальмонта появлялись на страницах «Русской воли»: «Ворожба масяца», «Седая ночь» (1917. № 244, 14 окт. С. 7), «Скит» (1917. № 245, 15 окт. С. 2), «Снящийся цветок» (1917. № 250, 21 окт. С. 7).

Литература

- Андреев В. 1938 — *Андреев В.* Повесть об отце // Русские записки. Париж, 1938. № 5 (Май). С. 76–90; № 6 (Июнь). С. 93–141; № 7 (Июль). С. 99–112; № 8–9 (Август — Сентябрь). С. 89–107; № 10 (Октябрь). С. 93–119; № 11 (Ноябрь). С. 101–116; № 12 (Декабрь). С. 96–115.
- Андреев В. 1963 — *Андреев В. Л.* Детство. М.: Советский писатель, 1963. 292 с.
- Андреев В. 1966 — *Андреев В. Л.* Детство. М.: Советский писатель, 1966. 276 с.
- Андреев Л. 1917а — *Андреев Л.* Во имя революции // Русская воля. 1917. № 221, 17 сент. С. 2–3.
- Андреев Л. 1917б — *Андреев Л.* Вопрос // Русская воля. 1917. № 240, 10 окт. С. 2.
- Андреев Л. 1917с — *Андреев Л.* Надсон и наше время: (К 30-летию со дня кончины) // Русская воля. 1917. № 18, 19 янв. С. 3.
- Андреев Л. 1917д — *Гораций Ч. Брюква [Андреев Л. Н.].* Последний вздох // Русская воля. 1917. № 23, 24 янв. С. 4.
- Андреев Л. 1924 — *Андреев Л.* Письма / Вступ. ст. и примеч. К. И. Чуковского // Русский современник. Л.; М., 1924. № 4. С. 138–139.
- Андреев-Алексеевский — *Андреев-Алексеевский Л. А.* На даче у Леонида Андреева // Андреевский сборник: Исследования и материалы. Курск: Курск. гос. пед. ин-т, 1975. С. 243–254. (Научные труды; Т. 37 (130)).
- Аскольдов — *Аскольдов С.* Иуда и «другие» в понимании Леонида Андреева // Век. 1907. № 23. С. 359–362.
- Валиева 2016 — Письма М. А. Малых к П. Н. Ариян. Дневник Эрики Эдельман 1929–1931 гг. / Публ. Ю. М. Валиевой, пер. Н. Л. Дмитриевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 689–748.
- Валиева 2017 — *Эдельман Э.* Дневник [1929–1931] (продолжение) / Публ. Ю. М. Валиевой, пер. Н. Л. Дмитриевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 543–593.
- Валиева 2021 — Журнал «Лентовецъ» и его авторы. Стихотворения Леонида Липавского / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Ю. М. Валиевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2021 год. СПб.: Росток, 2021. С. 7–49.
- Вологина — *Вологина О. В.* Вокруг Леонида Андреева: Из архива Л. Н. Афонина в собрании Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева // Леонид Андреев: материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 166–174.
- Дмитренко — Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903–1942) / Публ. А. Л. Дмитренко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 403–430.
- Дэвис, Хеллман — Леонид Андреев: S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / Вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1994. 598 с.
- Затуловская — *Затуловская Л. Д.* Воспоминания Р. Н. Андреевой: место семьи в жизни и творчестве Леонида Андреева (по материалам фондов ОГЛИМТ) // Творчество Леонида Андреева: современный взгляд: Материалы Междунар.

- науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения писателя (27–29 сентября 2011 г.). Орел: ПФ «Картуш», 2011. С. 140–147.
- Иванова, Кен — *Андреев Л.* Письма к Павлу Николаевичу и Анне Ивановне Андреевым / Публ. Л. Н. Ивановой и Л. Н. Кен // *Русская литература*. 2003. № 1. С. 148–185.
- Иезуитова 1964 — *Иезуитова Л. А.* О родине, об отце, о себе: [Рец. на кн.: Андреев В. Л. *Детство*. М.: Советский писатель, 1963] // *Нева*. 1964. № 9. С. 190–191.
- Иезуитова 1990 — Письма Леонида Андреева к Льву Алексеевскому / Публ. Л. А. Иезуитовой // *Русская литература*. 1990. № 3. С. 151–157.
- Кен, Рогов — *Кен Л. Н., Рогов Л. Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: Коста, 2010. 432 с.
- РВ 1917а — Дни великого испытания // *Русская воля*. 1917. № 233, 1 окт. С. 2 [без подп.].
- РВ 1917б — Погибающая Россия // *Русская воля*. 1917. № 242, 12 окт. С. 2 [без подп.].
- Чуваков — *Андреев Л. Н.* Письма к А. П. Алексеевскому / Публ. В. Н. Чувакова // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*. Л.: Наука, 1979. С. 178–192.
- Шишкина — *Шишкина Л. И.* Леонид Андреев и «Русская воля» // *Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитар. наук*. 2019. № 1 (9). С. 110–124.

References

- Andreev, L. N. (1917). 'Nadson i nashe vremya: (K 30-letiyu so dnya konchiny)', *Russkaya volya*, Jan. 19, 18, 3.
- Andreev, L. N. (1924). 'Pis'ma'. K. I. Chukovskii (ed.), *Russkii sovremennik* (Leningrad; Moscow), 4, 138–139.
- Andreev, L. N. (1917). 'Vo imya revolyutsii', *Russkaya volya*, Sept. 17, 221, 2–3.
- Andreev, L. N. (1917). 'Vopros', *Russkaya volya*, Okt. 10, 240, 2.
- Andreev, V. L. (1938). 'Povest' ob ottse', *Russkie zapiski* (Paris), 5, 76–90; 6, 93–141; 7, 99–112; 8–9, 89–107; 10, 93–119; 11, 101–116; 12, 96–115.
- Andreev, V. L. (1963). *Detstvo*. Moscow: Sovetskii pisatel', 292 p.
- Andreev, V. L. (1966). *Detstvo*. Moscow: Sovetskii pisatel', 276 p.
- Andreev-Alekseevskii, L. A. (1975). 'Na dache u Leonida Andreeva', in: *Andreevskii sbornik: Issledovaniya i materialy*. Kursk: Kurskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 243–254. (Nauchnye trudy; Vol. 37 (130)).
- Askol'dov, S. (1907). 'Iuda i "drugie" v ponimanii Leonida Andreeva', *Vek*, 23, 359–362.
- Chuvakov, V. N., ed. (1979). Andreev, L. N. 'Pis'ma k A. P. Alekseevskomu', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 god*. Leningrad: Nauka, 178–192.
- Devis, R., Hellman, B., eds. (1994). *Leonid Andreev. S.O.S. Dnevnik (1914–1919). Pis'ma (1917–1919). Stat'i i interv'yu (1919). Vospominaniya sovremennikov (1918–1919)*. Moscow; Saint Petersburg: Atheneum; Feniks, 598 p.
- Dmitrenko, A. L., ed. (2002). 'Iz poeticheskogo arkhiva V. S. Alekseeva (1903–1942)', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 403–430.
- 'Dni velikogo ispytaniya', *Russkaya volya*, Okt. 1, 233, 2 [unsigned].
- Goratsii Ch. Bryukva [Andreev, L. N.] (1917). 'Poslednii vzdokh', *Russkaya volya*, Jan. 24, 23, 4.
- Iezuitova, L. A. (1964). 'O rodine, ob ottse, o sebe: [Retsenzija na knigu: Andreev V. L. *Detstvo*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1963]', *Neva*, 9, 190–191.

- lezuitova, L. A., ed. (1990). 'Pis'ma Leonida Andreeva k L'vu Alekseevskomu', *Russkaya literatura*, 3, 151–157.
- Ivanova, L. N., Ken, L. N., eds. (2003). Andreev, L. 'Pis'ma k Pavlu Nikolaevichu i Anne Ivanovne Andreevym', *Russkaya literatura*. 1, 148–185.
- Ken, L. N., Rogov, L. E. (2010). *Zhizn' Leonida Andreeva, rasskazannaya im samim i ego sovremennikami*. Saint Petersburg: Kosta, 432 p.
- 'Pogibayushchaya Rossiya', *Russkaya volya*, Okt. 12, 242, 2 [unsigned].
- Shishkina, L. I. (2019). 'Leonid Andreev i "Russkaya volya"', in: *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk*, 1 (9), 110–124.
- Valieva, Yu. M., ed., Dmitrieva, N. L., transl. (2016). 'Pis'ma M. A. Malykh k P. N. Ariyan. Dnevnik Eriki Edel'man 1929–1931 godov', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2015 god*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 689–748.
- Valieva, Yu. M., ed., Dmitrieva, N. L., transl. (2017). 'Erika Edel'man. Dnevnik [1929–1931]', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2016 god*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 543–593.
- Valieva, Yu. M., ed. (2021). 'Zhurnal "Lentovets" i ego avtory. Stikhotvoreniya Leonida Lipavskogo', in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2021 god*. Saint Petersburg: Rostok, 7–49.
- Vologina, O. V. (2000). 'Vokrug Leonida Andreeva: Iz arkhiva L. N. Afonina v sobranii Orlovskogo gosudarstvennogo literaturnogo muzeya I. S. Turgeneva', in: *Leonid Andreev: materialy i issledovaniya*. Moscow: Nasledie, 166–174.
- Zatulovskaya, L. D. (2011). 'Vospominaniya R. N. Andreevoi: mesto sem'i v zhizni i tvorchestve Leonida Andreeva (po materialam fondov Orlovskogo gosudarstvennogo literaturnogo muzeya I. S. Turgeneva)', in: *Tvorchestvo Leonida Andreeva: sovremennyi vzglyad: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 140-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya (27–29 sentyabrya 2011 goda)*. Orel: PF "Kartush", 140–147.

Л. В. Соколова

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ДЕМКОВА — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»¹

Резюме

Статья посвящена работам по «Слову о полку Игореве» доктора филологических наук, профессора Натальи Сергеевны Демковой (1932–2018). «Слово о полку Игореве» было одной из основных тем в творчестве исследователя наряду с творчеством протопопа Аввакума и других старообрядцев. Наталья Сергеевна внесла заметный вклад в изучение «Слова». Ее датировка этого памятника серединой 90-х гг. XII века была серьезно аргументирована и принята большинством исследователей. Автором статьи анализируются попытки оспорить точку зрения ученого и делается вывод, что их нельзя признать удавшимися. Очень важной является статья Н. С. Демковой о разного рода повторах в «Слове», которая свидетельствует о единстве памятника и опровергает мнения о том, что он был создан не одновременно. В обобщающей работе («Проблемы изучения „Слова о полку Игореве“»), выросшей из лекций, прочитанных профессором Н. С. Демковой в Санкт-Петербургском университете, проанализировано состояние изучения основных проблем «Слова», в том числе подлинности памятника, комментария к его тексту, вопросов поэтики.

Ключевые слова: Н. С. Демкова, «Слово о полку Игореве», поэтика, датировка «Слова», летописи и «Слово», мотив волшебной сказки в «Слове»

---

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, 15–23 марта 2022 г.), одно из заседаний которой было посвящено Н. С. Демковой в связи с ее 90-летием..

NATALIA SERGEEVNA DEMKOVA AS A RESEARCHER OF
THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN

Abstract

Natalia Sergeevna Demkova (1932–2018), Professor of St. Petersburg State University and Doctor of Philology, made a notable contribution to the study of *The Tale of Igor's Campaign*. She gave sound reasons for her dating of the *Tale* to the mid-nineties of the twelfth century, which were accepted by most researchers. The author of the article analyzes attempts to challenge Demkova's point of view and argues that they cannot be considered successful. Demkova's article about various kinds of repetitions in *The Tale of Igor's Campaign* is also very important to the question of the dating of the tale. Her observations testify to the unity of the text and allow to refute the opinion that it was not created at the same time. In her paper "Problems in the Study of *The Tale of Igor's Campaign*", which represents a summary of her research and grew out of her lectures delivered at St. Petersburg State University, Demkova analyzes the state of research of the main problems of *The Tale of Igor's Campaign*, including the problem of its authenticity, the problems of commenting on this text, and questions of poetics.

Keywords: Natalia Sergeevna Demkova, *The Tale of Igor's Campaign*, poetics, dating of *The Tale of Igor's Campaign*, chronicles and *The Tale of Igor's Campaign*, fairy tale motif in *The Tale of Igor's Campaign*

DOI 10.31860/2712-7591-2022-157-175

Наталья Сергеевна Демкова много лет вела на кафедре истории русской литературы Ленинградского, позднее Санкт-Петербургского университета спецкурс по «Слову о полку Игореве», на котором рассматривала все основные проблемы изучения этого памятника древнерусской литературы². В начале 1980-х гг. я посещала этот спецкурс, и во многом благодаря ему возник мой углубленный интерес к «Слову о полку Игореве». Поэтому хочу выразить благодарность Наталье Сергеевне, пробудившей мою любовь к этому удивительно глубокому и поэтичному произведению.

Н. С. Демкова внесла значительный вклад в исследование «Слова о полку Игореве», став одним из самых глубоких и вдумчивых его интерпретаторов. В 1973 г. вышла ее первая статья о «Слове» — «К вопросу о времени написания „Слова о полку Игореве“» [Демкова 1973], через шесть лет, в 1979 г., — вторая: «Повторы в „Слове о полку Игореве“ (К изучению композиции памятника)» [Демкова 1979]. Обе статьи вошли в число

---

² Программу спецкурса см.: [Демкова 2000].

классических работ по «Слову о полку Игореве». В 1980 г. появилась еще одна статья Н. С. Демковой, носящая обобщающий характер: «Проблемы изучения „Слова о полку Игореве“» [Демкова 1980]³. Помимо изложения истории изучения основных вопросов памятника, в том числе его датировки, исследовательница высказала интересные соображения по поводу художественного своеобразия «Слова»⁴. Материалы этих статей были переизданы с изменениями и добавлениями в книге Н. С. Демковой «Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники» [Демкова 1997].

Гипотеза о времени создания памятника, изложенная исследовательницей в статье [Демкова 1973] и в обобщающей статье [Демкова 1980, с. 67–82], до сих пор является наиболее убедительной. По мнению Н. С. Демковой, «Слово о полку Игореве» написано в период с июля 1194 г. до мая 1196 г. Эта датировка основана на следующих фактах.

1. В начале «Слова» князь Игорь назван «нынешним» (умер в 1202 г.) — следовательно, во время написания произведения он был жив.

2. В конце «Слова» читается «слава» и «здравнца» в честь трех князей — участников похода 1185 г.: Игоря, Всеволода и Владимира. Н. С. Демкова не сомневается, что эти слова автора обращены к живым, здравствующим князьям, уже вернувшимся из половецкого плена на Русь. При этом известно, что Владимир Игоревич вернулся на Русь осенью 1188 г., а Всеволод Святославич умер в мае 1196 г. Отсюда следует, что границы написания «Слова» — осень 1188 г. — май 1196 г.

3. В «здравницах» и «славах», завершающих «Слово», нет «славы» великому князю Святославу. Это можно объяснить тем, что он не был участником похода, однако можно, как полагает исследовательница, высказать и другое предположение: отсутствие «славы» Святославу Всеволодовичу связано с тем, что «Слово» было написано уже после его смерти (умер в июле 1194 г.).

³ В основу статьи была положена лекция, прочитанная в Ереванском университете на Четениях по древнерусской литературе в апреле 1979 г., куда Н. С. Демкова была приглашена армянскими коллегами вместе с научными сотрудниками Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН — Д. С. Лихачевым, О. В. Твороговым, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, Г. М. Прохоровым, О. А. Белобровой.

⁴ В этой обобщающей работе исследовательница остановилась, по ее собственному указанию, на обзоре трех основных моментов изучения «Слова»: «1) проблема текста „Слова“ (состояние вопроса, чтение „темных мест“ памятника, свидетельства древности „Слова“); 2) проблема исторического комментирования текста „Слова“, вопрос о времени его создания и конкретном публицистическом смысле в условиях политической жизни Руси конца XII в.; 3) проблема художественного своеобразия произведения и вопрос о жанровых особенностях „Слова“, о связях его с устной народной поэзией» [Демкова 1997, с. 34].

4. О том, что ко времени написания «Слова» Святослава Киевского не было в живых, свидетельствует также обилие погребальных образов в описании сна Святослава, которые касаются и его самого. Н. С. Демкова, детально рассмотрев погребальную символику сна Святослава, сделала важное замечание, что вряд ли такой способ изображения мог быть использован в XII в. применительно к здравствующему князю. Отсюда следует вывод: «Слово» написано после июля 1194 г. — даты смерти Святослава Киевского.

5. Это соображение поддерживается, по мнению Н. С. Демковой, характером изображения Святослава: он представлен в «Слове» эпически, гиперболизация его мощи, которой он в действительности не обладал, напоминает принцип создания посмертной песенной славы или княжеской похвалы в летописи.

Исследовательница предложила убедительное объяснение того, почему именно в 1994—1996 гг. могли с такой страстью вспоминаться события 1185 г. Она отметила, что политическая ситуация 1994—1996 гг. характеризуется резким обострением отношений между князьями: Всеволод Суздальский и Рюрик Ростиславич, ставший после смерти Святослава Всеволодовича великим киевским князем, осенью 1195 г. требуют от Ольговичей навсегда отказаться от прав на киевский престол. Проблема киевского наследия стала острым политическим вопросом. По мнению Н. С. Демковой, «Слово» было создано в защиту черниговских Ольговичей, которые выступали за свое право на киевский золотой стол. Но при этом «пафос „Слова“ заключается в том, чтобы направить силы князей на борьбу с половецкой опасностью».

Глубокая связь проблематики «Слова» с политической ситуацией середины 90-х гг. XII в. доказывается, по мнению Н. С. Демковой, и сопоставительным анализом летописных рассказов о походе Игоря, дошедших в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. По важному наблюдению исследователя, можно говорить не просто о различном отношении двух летописных рассказов к событиям 1185 г., а о *несомненной политической конфронтации двух летописных текстов*, созданных примерно в одно и то же время, в конце XII в. Рассказ Киевской летописи не просто подробнее, — он как будто бы последовательно отвечает на все упреки владимиросуздальского рассказа. обстоятельным, информированным повествованием, ведущимся бесстрастным тоном, киевский летописец снимает почти все обвинения с князя Игоря, кроме одного — обвинения в неудержимом юношеском задоре.

Что касается верхней даты создания «Слова», то мнение Н. С. Демковой поддержал Л. А. Дмитриев [Дмитриев, с. 250], подчеркнувший, вслед за Г. Н. Моисеевой, что в заключительной славе трем князьям — участникам похода (Игорю, Всеволоду и Владимиру) нет имени Святослава Рыльского, вероятно, потому, что ко времени создания «Слова» его уже не было в живых, но при этом присутствует имя Всеволода Святославича, который, следовательно, к тому времени был еще жив (умер в мае 1196 г.).

Обратим внимание читателей на то, как всесторонне рассмотрен Н. С. Демковой вопрос о времени создания «Слова о полку Игореве». Однако Б. И. Яценко и А. А. Горский, а в последнее время А. Н. Ужанков оспаривали ее точку зрения.

Б. И. Яценко, назвавший «весьма удачной» попытку Н. С. Демковой пересмотреть датировку «Слова» в хронологических рамках XII в., признал убедительными аргументы в пользу того, что «Слово» было создано после смерти Святослава Киевского, однако счел недостаточно обоснованным «крайний временной предел появления „Слова“ — до смерти „буй тура“ Всеволода (май 1196 г.)» [Яценко 1976, с. 121]. По его мнению, «провозглашение „славы“ — еще недостаточное свидетельство, что Всеволод к тому времени был жив. Автор может рассказывать о событиях, вспоминая о дедовской и прадедовской славе. Слава не умирает, а как бы переходит в наследство потомкам» [Яценко 1976, с. 121]. Б. И. Яценко не обратил внимания на то, что слава трем участникам похода («*молодым князьям*») не провозглашается автором «Слова», а только *обещается* в будущем, в надежде, что они заслужат ее. Судя по отчествам, имена стояли в звательном падеже: «Пѣвшѣ пѣснь *старымъ* княземъ, а *потомъ* — *молодымъ* пѣти: слава, Игорю⁵ Святъславличъ⁶, Буи Туре⁷ Всеволоде⁸, Владимире⁹ Игоревичь!» Обещаться же слава за будущие победы может только живым князьям.

Сам Б. И. Яценко датировал «Слово» 1198–1199 гг. Однако он не смог привести убедительных, неопровержимых аргументов, свидетельствующих о создании «Слова» позже 1196 г., в 1198–1199 гг.¹⁰

⁵ Игорю здесь — звательный падеж.

⁶ Так в Екатерининской копии, в Первом издании — *Святъславлича*.

⁷ В Первом издании и Екатерининской копии — *Туру*, исправлено для согласования с именем *Всеволоде*, стоящим в звательном падеже.

⁸ Так в Екатерининской копии, в Первом издании на конце Ъ — *Всеволодь*.

⁹ Испр., в Первом издании и Екатерининской копии — *Владимиру*.

¹⁰ Критику аргументов Б. И. Яценко см.: [Горский, с. 33–35].

А. А. Горский, рассмотрев все варианты датировки «Слова» (1185, 1187, 1194–1196, 1198–1199 гг.), заключил, что «существующие точки зрения на время написания „Слова“ не представляются достаточно убедительно обоснованными» [Горский, с. 35]. Интересно, что если Б. И. Яценко счел убедительной нижнюю датировку «Слова» Н. С. Демковой (после 1194 г., смерти Святослава Киевского), то А. А. Горский, напротив, признал верной ее верхнюю датировку (до 1196 г., смерти Всеволода Буй Тура), посчитав при этом недостаточно обоснованной нижнюю границу написания «Слова». Приведя аргументы Н. С. Демковой в пользу того, что «Слово» создано после смерти Святослава Киевского в 1194 г., он справедливо указал, что «в заключительной части поэмы провозглашается слава только трем из множества упомянутых в ней князей» — непосредственным участникам похода, поэтому имени Святослава Киевского здесь нет. Что же касается «гиперболизации мощи» Святослава, то, по мнению А. А. Горского, «она является литературным приемом (так же, как и погребальные мотивы в сне Святослава, предвещающие несчастье Русской земли), который автор „Слова“ допускает и в отношении других князей — Всеволода „Буй-Тура“, Всеволода Юрьевича Суздальского (живых в 1194–1196 гг.), а также дружинников Ярослава Черниговского („тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждають“))» [Горский, с. 32]. Если по поводу гиперболизации мощи Святослава еще можно согласиться с А. А. Горским, то упомянутая им в скобках, как бы между прочим, ссылка Н. С. Демковой на погребальные мотивы в сне Святослава — это попытка затушевать ее главный аргумент. Погребальные мотивы, действительно, являются литературным приемом, но они не используются в изображении других князей. Н. С. Демкова права в том, что если даже не видеть в этих метафорических образах иносказания о произошедшей смерти Святослава, то следует признать, что подобный способ изображения вряд ли мог быть использован применительно к здравствующему князю. Данный аргумент принят Б. И. Яценко и другими исследователями. А это делает невозможной датировку «Слова» 1188–1190 гг., предложенную самим А. А. Горским.

В последние годы А. Н. Ужанков выдвинул новую точку зрения относительно датировки «Слова». Соглашаясь в том, что «Слово» было написано после 1194 г. (дата смерти Святослава Киевского, знание о которой как о свершившемся факте подтверждает сон Святослава, — этот «пассаж» из исследования Н. С. Демковой, по словам А. Н. Ужанкова, «настолько удачен, что есть резон привести его целиком», см. [Ужанков, с. 168–170]), и после 1198 г. (аргумент Б. И. Яценко: фраза из «золотого слова» Свято-

слава «Ты бо можеша Волгу веслы раскропяти, а Донъ шеломы выльяти» имеет в виду поход Всеволода Суздальского на Дон в 1198 г.), А. Н. Ужанков высказал мнение, что «Слово о полку Игореве» было написано осенью — зимой 1200 г. [Ужанков, с. 177]. Однако его аргументы абсолютно несостоятельны, и нет смысла рассматривать их подробно в данной работе¹¹. Предполагаю посвятить дискуссии о времени создания «Слова» отдельную статью. Здесь же приведу для примера два его аргумента, не требующих развернутой критики.

1. «Сам автор в „Слове“ называет град Чернигов отцовским „златым столом“» [Ужанков, с. 171–172]. Это, по мнению А. Н. Ужанкова, означает, что автор уже знал о вокняжении Игоря в Чернигове в 1198 г., после смерти Ярослава Черниговского, поскольку именно Чернигов назван в «Слове» «отним столом» Игоря. Но ведь Чернигов назван «отним столом» и Всеволода Буй Тура, никогда не занимавшего Черниговский княжеский стол! Ср.: «...забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола...»¹²

2. По словам А. Н. Ужанкова, «есть серьезные основания полагать, что Автор (так! — Л. С.) использовал в своей работе тот самый Киевский летописный свод, который был составлен в Выдубицком монастыре игуменом Моисеем в 1199 г. Из него Автор заимствовал сведения о походе Владимира Мономаха на половцев в 1111 г. Следовательно, „Слово о полку Игореве“ не могло быть написано ранее 1199 г.» [Ужанков, с. 173]. Вызывает удивление утверждение А. Н. Ужанкова, что автор «Слова» использовал сведение о походе Владимира Мономаха в 1111 г. на половцев, о котором в «Слове» нет ни слова! На чем основано это утверждение? Ответ на это находим в другом разделе книги («От старого Владимира до нынешнего Игоря»). А. Н. Ужанков указывает на употребление в обоих повествованиях (о походе Владимира Мономаха 1111 г. и о походе князя Игоря 1185 г.) сходного выражения с «редким» глаголом «оступиша» (окружили)¹³, что якобы свидетельствует о том, что автор «знал и использовал летописный рассказ о походе Владимира Мономаха на половцев в 1111 г.» [Ужанков, с. 278–279]. Автор «Слова», разумеется, знал летописный рассказ о походе Владимира Моно-

¹¹ В своей рецензии на книгу А. Н. Ужанкова [Соколова 2022] я, к сожалению, не проанализировала его аргументы по поводу датировки «Слова».

¹² Наименование Чернигова «отним столом» Игоря как датирующий признак выдвигал Б. И. Яценко. Странно, что А. Н. Ужанков не учел критику этого положения, высказанную в статье А. А. Горского, и повторил несостоятельный аргумент.

¹³ Чтобы убедиться в том, что глагол *оступиша* не редкий, достаточно обратиться к изданию: [Словарь русского языка XI–XVII вв., с. 167].

маха, поскольку сведения о событиях XI в. он черпал из «Повести временных лет», но из этого вовсе не следует, что «Слово» создано *после* Киевского свода 1198–1199 гг.

Итак, датировка «Слова о полку Игореве», предложенная Н. С. Демковой, — 1194–1196 гг. — до сих пор остается наиболее убедительной.

Как же соотнести эту датировку с тем, что автор «Слова» проявляет знакомство с летописной повестью о походе Игоря, включенной в Киевский летописный свод 1198 г.? [Соколова 1987]. Вероятно, нужно допустить, что к этому времени повесть, включенная в Киевский летописный свод 1198 г. под 1185 г., уже существовала и была известна автору «Слова», близкого к кругу летописцев. Б. А. Рыбаков, например, пришел к выводу, что повесть о походе Игоря, дошедшая до нашего времени в составе Ипатьевской летописи, была написана в период 1188–1190 гг. в Киеве [Рыбаков, с. 172–194].

* * *

Наряду с проблемой датировки «Слова» Н. С. Демкова анализировала поэтику памятника¹⁴. Она справедливо отметила, что весь круг сомнений в подлинности «Слова», вопрос о его значении и месте в истории древнерусской и мировой литературы упирается в проблему художественного своеобразия «Слова», его неповторимости. Несмотря на сравнительно большое количество работ, рассматривающих эти проблемы, именно данный аспект изучения памятника является сейчас, по ее мнению, наиболее важным, может быть, самым насущным. Необходимо осмыслить многие историко-литературные и культурные факты в связи с новыми исследованиями историков и лингвистов в области славянской языческой культуры и мифологии, в связи с углубленным изучением средневекового мирозерцания и поэтики средневековой литературы [Демкова 1997, с. 52].

Особое внимание Н. С. Демкова обратила на проблемы композиции «Слова». Давно замечено, что в «Слове» нет последовательного непрерывного рассказа о походе Игоря; центральная повествовательная часть «Слова» распадается на ряд эпизодов, каждый из которых представляет собой относительно замкнутое целое. Смысловая, а иногда и формальная завершенность отдельных эпизодов «Слова» дали основание утверждать, что

¹⁴ Предшественниками Н. С. Демковой в изучении художественной природы «Слова» были чешский славист Славомир Вольман — автор монографии «Слово о полку Игореве как художественное произведение» [Wollman], ее учитель Игорь Петрович Еремин [Еремин] и Варвара Павловна Адрианова-Перетц, памяти которой Н. С. Демкова посвятила свою книгу [Демкова 1997].

«Слово» составлено из отдельных песен [Франко]¹⁵ или — что обсуждается до сих пор — создано в два этапа: основная часть была написана в 1185 г., а заключительная часть, начиная с разговора Гзака и Кончака, в котором содержится намек на возвращение Владимира Игоревича из плена, дописана после его возвращения в 1188 г.

Считая это мнение ошибочным, Н. С. Демкова показала, что фрагментарность «Слова» мнимая, ибо, рассматривая развертывание текста «Слова» в целом, легко убедиться, что соединение эпизодов между собой, а также их включение в повествовательную ткань «Слова» диктуются общими принципами композиции памятника и в конечном счете — идейно-художественным замыслом автора (Демкова 1997, с. 53–54). Исследовательница подчеркнула целостность «Слова», спаянность, слитность кажущихся отдельными фрагментов, внутреннюю мотивировку их соединения и сочетания. Единство «Слова» обеспечивается, в частности, сюжетобразующим мотивом перехода от тьмы к свету, который обрамляет и отмечает собой начало и конец собственно повествования. Указав на это со ссылкой на работу А. М. Панченко и И. П. Смирнова, Н. С. Демкова добавила: «...метафора „света“, важнейшая сюжетобразующая метафора „Слова“, отнюдь не является обособленным или „однолинейным“ художественным тропом в структуре текста, но, принимая разнообразие формы, в различных вариациях реализуется в целом комплексе других смысловых сцеплений...» [Демкова 1997, с. 63].

Целостность памятника создается, в частности, системой разного рода повторов в «Слове». Повторы — это особая система, которая просматривается на всем протяжении текста «Слова» и на разных уровнях его структуры — стилистическом, образном, тематическом. В специальной работе о повторах в «Слове» Н. С. Демкова подробно проанализировала, например, разного рода рефрены: с одной стороны, они завершают, формально отграничивают отдельные части «Слова», *делят* текст, маркируя конец эпизода; с другой — в общем контексте повествования с помощью рефренов происходит *объединение* отдельных фрагментов — с помощью сходных рефренов сравниваются, сопоставляются отдельные эпизоды (ситуации). В этом случае рефрены в тексте памятника выступают еще и как «механизмы», способствующие выявлению глубинного смысла «Слова»¹⁶.

¹⁵ И. Франко, например, утверждал, что «Слово» — «трактат, механически составленный из разных песен и quasi-ученых заметок» [Франко].

¹⁶ Прием повторов в «Слове» Н. С. Демкова рассматривала на фоне других произведений древнерусской и древнеболгарской литературы, см. ее статью «Поэтика повторов в древнеболгарской и древнерусской ораторской прозе X–XII вв.» [Демкова 1997, с. 5–18]. Ранее эта статья была опубликована в «Вестнике Ленинградского университета» [Демкова 1988].

Единство отдельных фрагментов «Слова» создается и другими приемами. Еще в 1925 г. В. Ф. Ржига, рассматривая подробно тематическую композицию «Слова», обращал внимание на то, что в отдельных эпизодах «Слова» нет обособленности, в каждом из них идет развитие главной темы — изображается бедствие поражения князя Игоря. «Слово о полку Игореве», по определению Ржиги, — «единая поэма с единым героем» (Ржига, с. 44–62).

Развивая мысль В. Ф. Ржиги, Н. С. Демкова указала на композиционные функции основных героев «Слова», окружающих центральный, по ее мнению, персонаж — князя Игоря: «буй-тура» Всеволода, киевского князя Святослава и Ярославны, — на цель включения их в повествовательную ткань «Слова». По мнению исследовательницы, Всеволод Святославич, Святослав Киевский и Ярославна близки между собой по основной композиционной роли, которую они играют в тексте произведения: с их помощью автор «Слова» выражает отношение к Игореву походу. Именно фигуры этих трех персонажей, их изображение, речи, действия составляют как бы идейно-композиционные узлы в повествовательной организации «Слова» [Демкова 1997, с. 54–56].

Всеволод Буй Тур — воплощение идеи братства. Он выступает в «Слове» как эпический двойник Игоря. Автор нигде не изображает геройства, удали Игоря в бою, только называет его храбрым, поскольку достаточно изображения геройски сражающегося Всеволода. По мнению Н. С. Демковой, можно говорить об отражении здесь эпической системы героев-двойников. В этой «двоичности» героической темы (Игорь — Всеволод) «Слово» родственно многим произведениям средневековой литературы, исследовательница приводит в пример Роланда и Оливье в «Песне о Роланде», братьев Ингваревичей в «Повести о разорении Рязани», Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского, Пересвета и Ослябя в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище»; в такой же функции эпических двойников-врагов в «Слове» выступают Гзак и Кончак [Демкова 1997, с. 55].

Фигура «грозного великого Киевского» Святослава возникает как символ государственной власти, мудрости, но одновременно, по замечанию Н. С. Демковой, — «*желаемого автором общественного прощения Игоря за разгром русских дружин*. (...) Именно здесь, в „золотом слове“ Святослава, автор ставит знак равенства между бедствиями Руси и поражением князя Игоря» («Стрѣляй, господине, Кончака (...) за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича!») [Демкова 1997, с. 56].

Плач Ярославны — это возвращение к главной теме «Слова» — теме князя Игоря и его поражения, это новое воспоминание о бое, и одновремен-

но это движение вперед, так как сразу же после плача Ярославны в «Слове» следует описание бегства Игоря. *«Бегство происходит не только после плача Ярославны, но и как бы вследствие плача, в ответ на заклина- нья Ярославны»* [Демкова 1997, с. 57]. Со времен Ф. И. Буслаева исследователи «Слова» видят эту несомненную причинно-следственную связь, однако подчеркивание этой связи Н. С. Демковой важно и актуально, поскольку недавно И. Лемешкин попытался опротестовать эту точку зрения [Лемешкин]; возражение ему см.: [Соколова 2020, с. 21–23].

Анализируя эпизод бегства Игоря из плена, Н. С. Демкова сделала очень важное наблюдение (неслучайно этот фрагмент исследования был опубликован составителями юбилейного издания отдельной статьей под заглавием «Бегство князя Игоря» [Демкова 1986]): оказывается, возвращение Игоря из половецкого плена описано в системе изображения волшебной сказки как возвращение из царства мертвых. Но если бегство из плена уподоблено выходу героя сказки из смерти (по В. Я. Проппу), то и сам плен Игоря, по-видимому, должен быть изображен в той же системе, должен трактоваться как смерть. С какой целью прибегает автор «Слова» к такой трактовке плена Игоря? Н. С. Демкова объясняет это так: не поражение Игоря (поражение часто становилось темой эпического повествования), но его плен и, главное, бегство из плена не укладывались в рамки героической песни. Использование же мотивов волшебной, богатырской сказки позволяло описать реальные события, не снижая уровня идеализации главного героя: автор «переключает» восприятие читателя с одной традиции изображения на другую. И происходит это «переключение», как отмечает исследовательница, через плач Ярославны: именно Ярославна, вызывая силы природы на помощь Игорю, «выкликая» его из смерти¹⁷, создает эмоциональный фон для восприятия рассказа о бегстве князя, оправдывает и освящает его [Демкова 1997, с. 62–64].

Рассмотрела Наталья Сергеевна и проблему жанра «Слова о полку Игореве». Дав подробный обзор существующих точек зрения, она представила собственную концепцию жанра «Слова». По ее мнению, автор «Слова» — книжник, писатель; он создавал книжное произведение в традициях высоких похвальных слов. В данном случае Н. С. Демкова следует за И. П. Ереминым, автором статьи «„Слово о полку Игореве“ как памятник политического

¹⁷ В статье «Плач Ярославны» я отметила, что «выкликание из смерти» выглядит иначе [см.: Соколова 1995b, с. 113–114]. Плач Ярославны построен, по моему мнению, по образцу «женских плачей в разлуке», это плач-моление, подобный народным «плачам в разлуке», он содержит анимистическую молитву, обращенную к силам природы [Соколова 2020, с. 21–32].

красноречия Киевской Руси», изданной в 1950 г. [Еремин]¹⁸. При этом исследовательница попыталась объяснить присутствие в «Слове» фольклорных традиций, что не нашло объяснения в работе И. П. Еремина. По ее мнению, рассказывая о фактах современной военной и политической истории Руси, *разрабатывая героическую тему*, автор «Слова» обращался к тем видам словесного искусства (письменного и устного), где была представлена эта тема: к героическим сказаниям и русским летописям, к устной (народной и дружинной) поэзии, к волшебной («богатырской») сказке. Таким образом, делает вывод Н. С. Демкова, «избрав для рассказа о событиях 1185 г. торжественное „слово“ как образец, литературную модель, позволяющую прославить, воспеть черниговских Ольговичей, защищающих Русскую землю, автор „Слова о полку Игореве“, выросший в атмосфере „живого“ фольклора (и даже еще — языческого), в атмосфере (...) дружинной поэзии, знакомый с богатой устной легендарной историей Руси, использовал с поразительной творческой свободой различные элементы и книжной литературы, и устной народной поэзии» [Демкова 1997, с. 67].

Рассматривая «Слово о полку Игореве» как похвальное слово, прославляющее Игоря Святославича, Н. С. Демкова категорически отрицала наличие в нем осуждения, «хулы» по адресу Игоря, даже несмотря на фразу «Слова» о том, что «ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святѣславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирь во днѣ Каялы, рѣкы Половецкия, Рускаго злата насыпаша». Она не согласилась с моим соображением о том, что автор «Слова», задаваясь вопросом, как бы Боян спел о походе Игоря, сочиняет две песни от его имени, и одна из них — краткая припевка-хула («Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать к Дону Великому»), а другая — песня-слава (включающая похвалу курянам-кметям) [Соколова 1986, с. 68–70; 1995а, с. 92–93]. Н. С. Демкова оспаривала мою точку зрения в своей книге «Средневековая русская литература», вышедшей в 1997 г. [Демкова 1997, с. 60–61], но после опубликования в том же году незавершенной статьи М. М. Бахтина «„Слово о полку Игореве“ в истории эпопеи» [Бахтин] она сказала мне: «Это вода на вашу мельницу». М. М. Бахтин пишет следующее: «„Слово о полку Игореве“ — это не песнь о победе, а песнь о поражении (как и „Песнь о Роланде“). Поэтому сюда входят существенные элементы хулы и посрамления

¹⁸ По словам М. В. Рождественской и С. А. Семячко, которые в разные годы были студентками филфака СПбГУ, Н. С. Демкова ежегодно, начиная с 1964 г., когда она приступила к преподавательской деятельности, анализировала со студентами первого курса на практических занятиях по древнерусской литературе статью И. П. Еремина «„Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия Киевской Руси».

(дело идет о поражении не врагов, а своих). Этим определяется сложный состав произведения. Основной жанра остается форма героической эпопеи (прославление героического прошлого дедов и отцов). Но предметом здесь служит „выпадение из дедовской славы“. Отсюда фольклорные элементы „плача“, с одной стороны, и „посрамления“, с другой» [Бахтин].

В связи с этим хочется специально отметить, что Н. С. Демкова при присущей ей научной требовательности и бескомпромиссности в отстаивании своей точки зрения всегда вела спор в академическом стиле, не опускаясь до оскорбительных выпадов по адресу оппонента. И искренне удивлялась, когда встречалась с неакадемическим стилем ведения полемики.

Ради объективности отмечу, что обзор Н. С. Демковой прочтений «темных мест» «Слова» и исторического комментирования его текста в определенной степени несет на себе «следы времени», отражает состояние «слововедения» последней четверти XX в. Так, например, она принимает толкование слова *зегзица* как синонимичного украинскому слову *зігічка*, означающему степную чайку (чибиса), предложенное биологом Н. В. Шарлеманем. Неверно поняв выражение Шарлеманя, имевшего в виду *чибиса*, на Украине называвшегося также *степной* чайкой, Н. С. Демкова написала следующее: «...Ярославна хочет лететь подобно птице чайке, окуная в реку Каялу свое белое шелковое крыло...¹⁹. Напомню, что „чайкой“ считал возможным переводить это слово в плаче Ярославны Т. Г. Шевченко: „Полечу, каже, зигзицею, / Ті сю чайкою-вдовицею...“» [Демкова 1997, с. 38]. Между тем нет сомнений в том, что *зегзицей* названа в «Слове» кукушка, птица-плакальщица, символ одинокой горящей женщины; см. об этом: [Соколова 1995b, с. 111]. Указывая на то, что проблема лингвистического, этимологического, реального, исторического комментария к тексту — это проблема номер один для решения многих спорных вопросов в интерпретации отдельных пассажей «Слова», Н. С. Демкова отмечает, в частности, что «для нас все же неясно точное значение редкого слова „стружие“ (древко копья?)». Теперь его значение нам ясно²⁰. Напротив, слово «въсрожать» Н. С. Демкова считает проясненным, она принимает конъектуру Д. С. Лихачева «въсрошати», ссылаясь также на исследование В. А. Козырева, нашедшего

¹⁹ По мнению Н. С. Демковой, здесь удачно встретились два новых толкования: слова *зегзица* — чайка и слова *бебрян* (рукав) — сшитый из белого шелка (на основании переводных памятников толкование слова *бебрян* предложил Н. А. Мещерский).

²⁰ «Стружие» — это не древко копья (Н. С. Демкова интуитивно чувствует ошибочность такого толкования, давая его со знаком вопроса), а металлический наконечник копья или металлическое (в том числе серебряное) навершие древка знамени; обоснование этого см.: [Соколова 2003].

это слово в современных говорах Брянщины [Демкова 1997, с. 38–39]. Однако, по моему мнению, в данном случае конъектура не нужна²¹.

Две статьи Н. С. Демковой были развернутыми комментариями к «темным местам» «Слова о полку Игореве».

В статье 1990 г. «Из комментариев к тексту „Слова о полку Игореве“» [Демкова 1990] толковались фразы «Пѣти было пѣсь <так!> Игореву, того (Олга) внуку» и «...Олець и Святѣславъ тѣмою ся поволокоста...».

Предлагались разные толкования фразы «Пѣти было пѣсь Игореву, того (Олга) внуку». Одни настаивали, что заключенное в скобки слово «Олга» принадлежит авторскому тексту «Слова». В этом случае Игорь назван внуком своего реального деда — Олега Святославича. Другие вслед за Н. М. Карамзиным считали, что слово «Олга» было внесено в текст переписчиками или первыми издателями. В этом случае допускалось, что Игорь назван внуком не Олега, а Трояна. Высказывалась также мысль, что под словосочетанием «того внуку» имеется в виду автор «Слова» (внук, т. е. потомок Бояна) или Боян — внук, т. е. потомок-преемник Велеса по поэтическому искусству; см. об этом: [Творогов]. Н. С. Демкова, возвращаясь к чтению Первого издания, поддержала чтение «Олга» как исконно принадлежавшее тексту «Слова» и на основе палеографического анализа постаралась объяснить происхождение выражения «того (Олга) внуку», относящегося к Игорю.

Толкуя второй фрагмент, Н. С. Демкова высказала свое мнение по поводу того, какие Олег и Святослав «тѣмою ся поволокоста» в результате поражения войска Игоря. По предположению исследовательницы, эти имена означали «деятели исторической эпохи», автор назвал здесь «родоначальников современных Ольговичей — деда и прадеда героев „Слова“ — черниговских князей Олега Святославича (ум. в 1115 г.) и Святослава Киевского (ум. в 1076 г.)». С этим, однако, трудно согласиться. Олег и Святослав названы «*молодыми* месяцами». Вероятнее всего, Олег и Святослав в данном контексте — это сыновья Игоря, не принимавшие участия в походе. Бояре, толкующие сон Святослава, символически говорят о поражении князя Игоря так: «два солнца помѣркоста» (имеются в виду Игорь и Всеволод), «оба багряная стѣлпа погасоста» (имеются в виду Владимир и Святослав Рылский), «и съ нима молодая мѣсяца, Олець и Святѣславъ, тѣмою ся поволокоста». Не случайно автор поясняет только то, кто имеется в виду под «мо-

²¹ Слово «всрожать» — авторский неологизм, образованный от слова «рог», подобно тому как глагол «встробим» образован от слова «труба». Метафорой «вльци грозу всрожать» автор «Слова» сравнивает вой волков, предчувствующих грозную битву, с трублением в рог; об основании см.: [Соколова 2023, с. 168–170].

лодыми месяцами», которые в результате поражения Игоря тоже «тѣмоу поволоклись».

В статье 2004 г. [Демкова 2004] исследовательница предложила комментарий к фразе «Слова» «...сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы...». Этот текст одни исследователи включают в «злато слово» Святослава, другие рассматривают его как авторскую речь, «авторский плач». С точки зрения И. П. Еремина, «точно указать, где именно кончается „злато слово“», невозможно. Приведя его мнение, Н. С. Демкова пишет далее: «Однако, как это ни сложно, разграничение (<...> казалось бы, почти не разъединяемых, „сросшихся“ текстов повествования о событиях 1185 г. и авторского отклика на эти события оказалось возможным». И, сославшись на мою статью [Соколова 2001], заключает: «Таким образом, „авторский плач“ о Русской земле, включающий фразу о стягах Рюрика и Давида, оказывается последним „аккордом“ в этом большом, собственно „авторском“ фрагменте „Слова“, содержащем горестные размышления автора о гибельных для Руси результатах княжеских междоусобиц». «Плач организован как четкая антитеза двух эпох, — эпохи идеализированных „первых времен“ единой и сильной Руси, когда правил „старый Владимир“, (<...>) и времени „нынешних“ князей, у которых нет согласия в действиях и чьи стяги развеваются „розно“» [Демкова 2004, с. 163–164]. Смысл статьи Н. С. Демковой заключается в утверждении, что фраза о «розно» развевающихся стягах-знаменах двух братьев относится не только к ситуации сепаратных действий Давида Смоленского летом 1185 г., — в равной степени слово «нынѣ» можно понимать и как указание на период совместного властвования в Киевской Руси Рюрика и Давида Ростиславичей после смерти Святослава Киевского. Н. С. Демкова отмечает «обобщенный и монументальный характер этого противопоставления двух эпох»: «вряд ли следует „привязывать“ емкий, обобщающий события действительности текст „Слова“ к тем или иным отдельным летописным известиям (<...>) словом „нынѣ“ автор обобщенно обозначил всю современную ему эпоху неразумного княжеского правления, несогласия и кровопролитных войн, противопоставленную им идеализированному времени „первых князей“, и прежде всего времени властвования в Киеве „старого Владимира“» [Демкова 2004, с. 172].

Итак, Н. С. Демкова внесла весомый вклад в изучение «Слова о полку Игореве». Главными ее достижениями стали убедительная датировка памятника, важное наблюдение относительно несомненной политической конфронтации двух летописных рассказов о походе Игоря, толкование эпизода бегства Игоря из плена как построенного с привлечением мотивов волшебной сказки и указание на его теснейшую связь с эпизодом «плач Ярослав-

ны», анализ поэтики «Слова», и в первую очередь пронизывающих ткань «Слова» разного рода повторов.

В заключение хочется отметить, что очень не хватает сейчас доброжелательного, заинтересованного внимания, которое проявляла Наталья Сергеевна к работам своих коллег, жаль, что нет теперь возможности обсудить с ней какие-то вопросы. Остались только благодарные воспоминания об этом удивительном человеке и ее труды, к которым будут непременно обращаться новые поколения исследователей «Слова о полку Игореве».

Литература

- Бахтин — *Бахтин М. М.* «Слово о полку Игореве» в истории эпоса // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. С. 39–41.
- Горский — *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 29–37.
- Демкова 1973 — *Демкова Н. С.* К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. Сер.: История, язык, литература. 1973. Вып. 3, № 14. С. 72–77.
- Демкова 1979 — *Демкова Н. С.* Повторы в «Слове о полку Игореве»: (К изучению композиции памятника) // Русская и грузинская средневековые литературы. Л.: Наука, 1979. С. 59–73.
- Демкова 1980 — *Демкова Н. С.* Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе: (Цикл лекций). Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1980. С. 58–107.
- Демкова 1986 — *Демкова Н. С.* Бегство князя Игоря // Слово о полку Игореве: 800 лет. М.: Советский писатель, 1986. С. 491–493.
- Демкова 1988 — *Демкова Н. С.* Поэтика повторов в древнеболгарской и древнерусской ораторской прозе X–XII веков // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. Л., 1988. Вып. 3. С. 25–33.
- Демкова 1990 — *Демкова Н. С.* Из комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 114–123.
- Демкова 1997 — *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. С. 18–32, 33–76.
- Демкова 2000 — *Демкова Н. С.* Программа специального курса «„Слово о полку Игореве“ и русская средневековая литература XI–XIII веков» // Учебные программы / С.-Петербургский гос. университет. Кафедра истории русской литературы. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 374–383.
- Демкова 2004 — *Демкова Н. С.* Из комментария к тексту «Слова о полку Игореве»: «...сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы...» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 162–172.
- Дмитриев — *Дмитриев Л. А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 246–251.
- Еремин — *Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований

- и ст. / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 93–129. То же // Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 235–281.
- Котляр — *Котляр М. Ф.* Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? // Український історичний журнал. 1965. № 1. С. 117–120.
- Лемешкин — *Лемешкин И.* Княгиня Ярославна Мезенского уезда, или Почему жена Игоря плачет «на забрале» // Русская литература. 2017. № 1. С. 107–126.
- Ржига — *Ржига В. Ф.* Композиция «Слова о полку Игореве» // *Slavia. Praha*, 1925. Roč. 4, seš. 1. S. 44–62.
- Рыбаков — *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971. 293 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1987. Вып. 13. 316 с.
- Соколова 1986 — *Соколова Л. В.* Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 65–74.
- Соколова 1987 — *Соколова Л. В.* Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 210–215.
- Соколова 1995a — *Соколова Л. В.* Песнь // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. С. 92–93.
- Соколова 1995b — *Соколова Л. В.* Плач Ярославны // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. С. 109–116.
- Соколова 2001 — *Соколова Л. В.* Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 52. С. 7–46.
- Соколова 2003 — *Соколова Л. В.* Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 53. С. 23–58.
- Соколова 2020 — *Соколова Л. В.* Фольклорные традиции и их интерпретация в Плаче Ярославны // Текст и традиция: Альм. СПб.: Росток, 2020. Т. 8. С. 7–34.
- Соколова 2022 — *Соколова Л. В.* Новая книга — старые идеи [Рец. на кн.: Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие, 2020] // Текст и традиция: Альм. СПб.: Росток, 2022. Т. 10. С. 407–430.
- Соколова 2023 — *Соколова Л. В.* Стиль *ornatus difficilis* в «Слове о полку Игореве» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 1. С. 161–182.
- Творогов — *Творогов О. В.* Внук // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 216–219.
- Ужанков — *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие, 2020. 488 с.
- Франко — *Франко И. Я.* Beiträge zur Quellenkritik einiger altrussischer Denkmäler // Archiv für slavische Philologie. 1907. Bd. 19. S. 299–304.
- Яценко 1976 — *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 116–122.
- Яценко 1993 — *Яценко Б. И.* Об авторе «Слова о полку Игореве» (проблемы поиска) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 31–37.
- Wollman — *Wollman S.* Slovo o pluku Igorově jako umělecké dílo. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1958. 171 s.

References

- Bakhtin, M. M. (1997). "Slovo o polku Igoreve" v istorii epopei', in: Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenij v 7 tomakh*. Moscow: Russkie slovari. Vol. 5, 39–41.
- Demkova, N. S. (1973). 'K voprosu o vremeni napisaniya "Slova o polku Igoreve"', in: *Vestnik Leningradskogo universiteta*. Seriya: Istorija, yazyk, literatura. Vol. 3, 14, 72–77.
- Demkova, N. S. (1979). 'Povtory v "Slove o polku Igoreve" (K izucheniyu kompozicii pamyatnika)', in: *Russkaya i gruzinskaya srednevekovye literatury*. Leningrad: Nauka, 59–73.
- Demkova, N. S. (1980). 'Problemy izucheniya "Slova o polku Igoreve"', in: *Chteniya po drevnerusskoi literature: (Tsikl lektsii)*. Erevan: Izdatel'stvo Erevanskogo universiteta, 58–107.
- Demkova, N. S. (1986). 'Begstvo knyazya Igorya', in: *Slovo o polku Igoreve. 800 let*. Moscow: Sovetskii pisatel', 491–493.
- Demkova, N. S. (1988). 'Poetika povtorov v drevnebolgarskoi i drevnerusskoi oratorskoi proze 10–12 vekov', in: *Vestnik Leningradskogo universiteta*. Seriya 2: Istorija, yazykoznanie, literaturovedenie. Vol. 3, 25–33.
- Demkova, N. S. (1990). 'Iz kommentarijev k tekstu "Slova o polku Igoreve"', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 43, 114–123.
- Demkova, N. S. (1997). *Srednevekovaya russkaya literatura. Poetika, interpretatsii, istochniki: Sbornik statei*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo St.-Peterburgskogo universiteta, 219 p.
- Demkova, N. S. (2000). 'Programma special'nogo kursa "Slovo o polku Igoreve i russkaya srednevekovaya literatura 11–13 vekov"', in: *St.-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. Kafedra istorii russkoi literatury: Uchebnye programmy*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo St.-Peterburgskogo universiteta, 374–383.
- Demkova, N. S. (2004). 'Iz kommentariya k tekstu *Slova o polku Igoreve*: "...sego bo nyne stasha styazi Ryurikovy, a družii — Davidovy..."', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 55, 162–172.
- Dmitriev, L. A. (1995). 'Vremya sozdaniya Slova', in: *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1, 246–251.
- Eremin, I. P. (1950). '*Slovo o polku Igoreve* kak pamyatnik politicheskogo krasnorechiya Kievskoi Rusi', in: V. P. Adrianova-Peretts, ed. *"Slovo o polku Igoreve": Sbornik issledovanii i statei*. Moscow, Leningrad: Nauka, 93–129; Idem: Eremin, I. P. (1987). *Lektsii i stat'i po istorii drevnei russkoi literatury*. Leningrad: Nauka, 235–281.
- Franko, I. Ya. (1907). 'Beiträge zur Quellenkritik einiger altrussischer Denkmäler', in: *Archiv für slavische Philologie*. Bd. 19, 299–304.
- Gorskii, A. A. (1986). 'Problema daty sozdaniya Slova o polku Igoreve', in: *Issledovaniya "Slova o polku Igoreve"*. Leningrad: Nauka, 29–37.
- Kotlyar, M. F. (1965). 'Chi mig Roman Mstislavich hoditi na polovtsiv ranishe 1187 roku?', *Ukrainskii istorichnii zhurnal*, 1, 117–120.
- Lemeshkin, I. (2017). 'Knyaginya Yaroslavna Mezenskogo uezda, ili Pochemu zhena Igorya plachet "na zabrale"', *Russkaya literatura*, 1, 107–126.
- Rybakov, B. A. (1971). *"Slovo o polku Igoreve" i ego sovremenniki*. Moscow: Nauka, 293 p.
- Rzhiga, V. F. (1925). 'Kompozitsiya Slova o polku Igoreve', *Slavia*, roč. 4, 1, 44–62.
- Slovar' russkogo yazyka 11–17 vekov* (1987). Moscow: Nauka. Vol. 13, 316 p.
- Sokolova, L. V. (1986). 'Zachin v Slove o polku Igoreve', in: *Issledovaniya "Slova o polku Igoreve"*. Leningrad: Nauka, 65–74.

- Sokolova, L. V. (1987). 'Dve pervye frazy *Slova o polku Igoreve*', in: *Issledovaniya po drevnei i novoi literature*. Leningrad: Nauka, 210–215.
- Sokolova, L. V. (1995). 'Pesn', in: *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 4, 92–93.
- Sokolova, L. V. (1995). 'Plach Yaroslavny', in: *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 4, 109–116.
- Sokolova, L. V. (2001). 'Svyatoslav Vsevolodovich Kievskii i ego "zlato slovo" v *Slove o polku Igoreve*', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 52, 7–46.
- Sokolova, L. V. (2003). 'Obraz Vseslava Polotskogo v *Slove o polku Igoreve*', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 53, 23–58.
- Sokolova, L. V. (2020). 'Fol'klornye traditsii i ikh interpretatsiya v *Plache Yaroslavny*', in: *Tekst i traditsiya: al'manakh*. Saint Petersburg: Rostok. Vol. 8, 7–34.
- Sokolova, L. V. (2022). 'Novaya kniga — starye idei: [Retsenziya na knigu: Uzhankov, A. N. (2020). "*Slovo o polku Igoreve*" i ego avtor. Moscow: Soglasie, 488 p.]', in: *Tekst i traditsiya: Al'manakh*. Vol. 10, 407–430.
- Sokolova, L. V. (2023). 'Stil' *ornatus difficilis* v *Slove o polku Igoreve*', in: *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 21, 1, 161–182.
- Tvorogov, O. V. (1995). 'Vnuk', in: *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1, 216–219.
- Uzhankov, A. N. (2020). "*Slovo o polku Igoreve*" i ego avtor. Moscow: Soglasie, 488 p.
- Wollman, S. (1958). *Slovo o pluku Igorově jako umělecké dílo*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 171 p.
- Yatsenko, B. I. (1976). 'Solnechnoe zatmenie v *Slove o polku Igoreve*', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad: Nauka. Vol. 31, 116–122.
- Yatsenko, B. I. (1993). 'Ob avtore *Slova o polku Igoreve* (problemy poiska)', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 48, 31–37.

Список сокращений

- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
ОЛГВ — Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН
ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Наши авторы

Быстров Вячеслав Николаевич — д-р филол. наук., ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). bysvn@mail.ru

Валиева Юлия Мелисовна — канд. филол. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. jouliali@gmail.com

Ветловская Валентина Евгеньевна — д-р филол. наук., главный научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). idmmspb@yandex.ru

Лукина Валентина Александровна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). valentina_step@hotmail.com

Рождественская Милена Всеволодовна — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). milena.rozh@gmail.com

Ромайкина Юлия Сергеевна — канд. филол. наук, доцент кафедры «Медиакоммуникации» Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина. orel-55555@yandex.ru

Симанков Виталий Иванович — Ph. D (Brown University), независимый исследователь (Санкт-Петербург). vitaly.simankov@gmail.com

Соколова Лидия Викторовна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). liiso@mail.ru

Федорова Ирина Владимировна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). irirad@mail.ru

Фетисенко Ольга Леонидовна — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). betsy98@mail.ru

Authors

Vyacheslav N. Bystrov

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Irina V. Fedorova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Valentina A. Lukina

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Yulia S. Romaykina

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
Saratov, Russia

Milena V. Rozhdestvenskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Vitaliy I. Simankov

Independent scholar
St. Petersburg, Russia

Lidia V. Sokolova

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Yulia M. Valieva

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Valentina E. Vetlovskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77800 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Издательство «Пушкинский Дом»
199106 Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

Редактор А. С. Лобанова
Редактор английского текста З. Н. Исидорова
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

16+

Цена свободная

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс ВНО18606 по каталогу агентства «Урал-пресс»

Подписано в печать 20.02.2023. Вышло из печати 27.23.2023.
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 14,58. Тип. зак. № 000

Отпечатано в типографии ООО «Контраст»
Санкт-Петербург, Железнодорожный пр., д. 20.

